

Ринат Набиев

**Власть и религиозное
возрождение**

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Серия «Культура, религия и общество»
Выпуск 24**

Р.А. Набиев

ВЛАСТЬ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**КАЗАНЬ
2014**

УДК 316.7
ББК 60.5
Н 13

Научный редактор

В.М. Бухараев, кандидат исторических наук, доцент

Рецензенты:

Г.П. Мягков, доктор исторических наук, профессор,
А.Ю. Хабутдинов, доктор исторических наук, профессор

Набиев Р.А.

Н 13 Власть и религиозное возрождение. Серия «Культура, религия и общество», вып. 24. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 304 с.

ISBN 978-5-00019-186-6

В книге рассматривается процесс формирования и развития новой модели взаимоотношений российского государства и религии с конца прошлого века до настоящего времени. Показаны социокультурно-правовые факторы в развитии государственно-конфессиональных отношений в полиэтничном пространстве Татарстана, способы и механизмы сохранения традиции и пути достижения межрелигиозного согласия. Представлена специфика отражения исламского компонента в государственно-межконфессиональных отношениях. Работа выполнена в рамках деятельности научной лаборатории «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения: отечественный и зарубежный опыт», созданной при кафедре политической истории и мировой политики Института международных отношений КФУ.

Книга адресована научным работникам, студентам старших курсов и магистрам гуманитарных специальностей, а также всем тем, кто интересуется взаимоотношениями государства и религиозных объединений.

На обложке: цикл изданий научно-практического комплекса «Культура, религия и общество» (Выпуск 1-23, 1997-2013 гг., под редакцией профессора Р.А. Набиева).

УДК 316.7

ISBN 978-5-00019-186-6

ББК 60.5

© **Набиев Р.А.**, 2014

© **Казанский университет**, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-НАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ.....	4
ГЛАВА I. ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ	21
1. Религиозная сфера перед вызовами времени	21
2. Политико-правые аспекты свободы совести	33
3. Наука прямого действия: реализация проекта «Культура, религия и общество»	57
ГЛАВА II. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИТУАЦИИ СМЕНЫ ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ..	76
1. Накануне глубоких перемен: власть и религия в контексте преодоления стереотипов и утверждения новых парадигм	76
2. Формирование новой модели отношения власти к религии	93
3. Периодическая печать как средство рецепции свободы совести	131
ГЛАВА III. ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	154
1. Исламский дискурс конфессиональной жизни	154
2. Объединительный съезд мусульман: синдром единства без альтернативы	183
3. Рецепция джадидских идей и традиционный ислам....	201
ГЛАВА IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ	219
1. Ислам и христианство как основные субъекты в государственно-межконфессиональном диалоге	219
2. Религиозное образование и просвещение	238
3. Молодежь и женщины в конфессиональной жизни	269
4. Партнерство в социальном служении конфессий и государства	287
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	299

Введение. Методология и историко-научная традиция

Религия в условиях глобальных изменений в мире наряду с выполнением обычных социальных функций обретает свое новое социокультурное и общественно-политическое содержание. В общественном развитии место и роль религии определяется социальным поведением индивидуумов социума и степенью влияния на них религиозных ценностей, что отражается в феноменологических смыслах и оценках. Со стороны государства в рамках соблюдения принципа свободы совести позитивный потенциал религии в общечеловеческом смысле не подвергаются сомнению. Вместе с тем на уровне оценки развития международных процессов религиозный фактор может преподноситься как основа межцивилизационных конфликтов, совершения экстремистских и террористических акций, что в свою очередь является поверхностным объяснением происходящих в мире событий. Непростым вопросом в процессе формирования общественного сознания и мнения являются экстремистские акции внутри страны, когда религиозно-политические силы оказываются замешанными в эти преступные действия. К тому же у религии в современных реалиях, особенно это касается запросов молодежи, проявляются ее ограничительные ресурсы и возможности влияния на умы людей.

Сфера отношений государства и религии, имеющая многовековую историю, охватывает важнейшие стороны социокультурной, общественно-политической, правовой жизни общества. В рамках сложившихся традиций и сформировавшихся типов государств по отношению к религии осуществляется регулирование вопросов государственно-конфессиональных отношений. В силу развития объективных исторических процессов в постсоветской России появляется феномен под названием «религиозное возрождение», которое активно вошло в обществоведческий лексикон. Регулирование этих процессов выходит далеко за рамки чи-

сто правовых форм и охватывает социокультурные способы и приемы действия.

Процесс формирования отношения власти к религиозному возрождению, связанному в условиях российской полиэтничности с духовным и национальным развитием, сопровождается преодолением советско-коммунистических стереотипов, сепаратистских тенденций в рамках федерализма или распада целостного государства, а также проявлениями религиозно-политического экстремизма. Последнее связано с политизацией ислама в арабских странах, хотя ислам пока не просматривается в нашем регионе в качестве политической идеологии и способа социального протеста. Вместе с тем, с учетом схожести жизненных процессов исламского мира и сужения возможности проявления политических настроений в постсоветском пространстве, может иметь место религиозно-политическая эволюция мусульманской жизни.

В современной России вопрос отношения государства и религиозных объединений в связи с началом процесса социально-политической трансформации общества в 90-е гг. прошлого века приобрел особо важную роль. Такая ситуация была связана в первую очередь с широким вовлечением в эту орбиту проблем историко-культурного характера, политико-правовых и мировоззренческих аспектов жизни государства и общества. Кроме того процесс демократизации государственной и общественной системы в России в полной мере захватил и сферу религиозной жизни общества, привел к созданию принципиально новой религиозной ситуации и, соответственно, коренному изменению отношений российского государства к религии и религиозным объединениям. Новые подходы к религии и верующим в соответствии с международными нормами нашли отражение в законе РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990), законе союзного государства «О свободе совести и религиозных организациях» (1990)¹.

¹ См. подробнее об этих законах: История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / под общ. ред. А.П. Торшина (В.А. Бабинцев, Е.Н. Житник, М.И. Одинцов, А.Е. Себенцов). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 59–98.

В Конституции Российской Федерации, федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997) и в ряде других законодательных актов вопросы свободы совести получили глубокую проработку в соответствии с современными реалиями. Сама реальная практика вынуждала вносить ряд поправок к принятым законам. С учетом особенностей религиозной ситуации Республики Татарстан, был принят закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1999). Специфика государственно-межконфессиональных отношений в Волго-Камском регионе, духовным центром которого, по сути, является Казань, прежде всего, связана с исламо-христианскими отношениями.

В основе процесса осмысления и формирования объективных взглядов и представлений о современных явлениях в религиозной жизни лежит, прежде всего, знание исторических традиций нашей страны, сложившихся в условиях полиэтноконфессионального пространства Европейского Востока, память народов о прошлом. Сегодня еще недостает последовательной и продуманной реализации принципов конституционных положений в сфере религии, вследствие чего не выстроена научно обоснованная современная модель отношений власти и религии. Все это актуализирует изучение истории государственно-конфессиональных отношений российского общества, в которой отразились политико-культурные традиции взаимоотношения власти и общества, межконфессиональные взаимовлияния, духовно-нравственные приоритеты, этапы формирования культуры межрелигиозного сосуществования и толерантности.

В обществоведческой науке изучение проблем становления новых государственно-конфессиональных отношений в современной России, политики в сфере свободы совести, механизма ее формирования и реализации, а также существовавших исторических моделей отношений, привлекает внимание специалистов из области гуманитарных наук. В силу того, что изучаемая тема находится на стыке наук, то, естественно, спектр исследовательских практик, посвя-

щенных анализу различных аспектов данной проблематики, достаточно широк. Отсюда, исходя из объекта и предмета изучения, при оценке историографии вопроса представляется обоснованным выделение ряд исследовательских направлений.

В первую очередь для осмысления феномена религиозного возрождения и отношения власти к данному процессу следует выделить труды, в которых отражены теоретические аспекты государственной политики в сфере свободы совести, изучены исторические формы государственно-конфессиональных отношений и раскрыта концептуальная сущность различных моделей. Родоначальниками идеи «западной модели» религиозной свободы принято считать Дж. Локка и Т. Джефферсона, сформулировавших концепцию государственно-религиозных отношений, важнейшим принципом которых стало отделение церкви от государства. В рамках изучения проблем социальной истории и политических процессов, проблемы государственно-конфессиональных отношений нашли отражение в трудах таких ученых, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. К. Манхейм, Ж. Сорель, В. Парето, и другие. Проблема взаимоотношений церкви и государства в судьбах российской истории изучалась с точки зрения социальной и религиозной философии виднейшими представителями российской общественно-политической мысли конца XIX – XX века: Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, И. А. Ильиным, Н.О. Лосским, В.С. Соловьевым, С.Л. Франком и др.

Применительно к нашей проблематике с учетом региональной специфики важно рассмотрение работ, касающихся междивизиональных отношений, теоретических и методологических вопросов диалога различных религиозных традиций. Тем более что состояние, перспективы и векторы развития межрелигиозных отношений во многом зависят от парадигмы складывающихся государственно-конфессиональных отношений. В связи с этим следует отметить работы зарубежных авторов – Ш. Айзенштата, Ч. Тейлора, А. Тойнби, С. Хантингтона, О. Шпенглера, а также отечественных иссле-

дователей – А.С. Ахиезера, Б.С. Ерасова, И.Л. Иноземцева, И.И. Ионова, И.К. Лисеева, М.П. Мчедлова, А.С. Панарина, И.В. Следзевского, А.Н. Чумакова и др.

В этом контексте следует выделить работы, посвященные изучению проблем этноконфессиональных взаимовлияний, идентичностей и этнических процессов. В сложных полярных суждениях, интерпретациях социологических исследований, неоднозначно воспринимаемых этногосударственных конструктивах бесспорно угадывается место и роль конфессионального фактора, отражающегося в позициях авторов².

Советская историографическая наука государственно-конфессиональных отношений имеет большую исследовательскую практику, которая была сориентирована на обоснование и поддержку политики партии власти, идеологическая установка которой была направлена на преодоление религии. Вместе с тем, несмотря на жесткий идеологический контроль, в ходе исследования был накоплен и обобщен огромный исторический материал, достигнуты важные научные результаты при изучении политики государства в отношении религии и религиозных групп. Политика власти по отношению к религии, церкви и верующим раскрывается в трудах А.И. Клибанова, А.Ф. Лосева, С.А. Токарева. Региональные особенности отношений власти и религии в условиях начавшихся общественно-политических перемен изучены в докторских диссертациях Музаффаровой Н.И., Набиева Р.А. и других. Специфика становления советской модели секуляризации находит отражение в трудах А.А. Лебедева, Ю.А. Левады, И.Н. Яблокова, Р.А. Лопаткина, Е.М. Бойкова, В.А. Сапрыкина, Л.Н. Ульянова и других.

С конца 80-х годов прошлого века происходит активное вовлечение религии в сферу политики, усиливается полити-

² См.: Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003; Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан. Казань, 2008; Хакимов Р.С. Историческая этнология: парадигмы и инструментарий. Казань: Инст-т истории им. Ш. Марджани, 2012. 440 с.; Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально – культурной антропологии. М., 2003. 151 и др.

зация религиозных институтов. Участие их в социокультурной и общественно-политической жизни и взаимодействие с государственными структурами становится предметом активного изучения учеными-обществоведами. Изучение генезиса религиозного фактора в политике и различных сторон религиозности общества отражено в трудах В.И. Гарраджи, А.А. Красикова, Д. Фурмана, А.В. Логинова, Н.Н. Поташинской, Е.Н. Руткевич, В.Н. Савельева, Ю.Ю. Синелиной. В компоненте сложных политических явлений неизменно присутствует конфессиональный фактор, в особенности, в силу незаконченного характера процесса религиозного возрождения. В этом контексте соотношение религиозного и политического аспекта в реальных политических процессах анализируется в работах А.И. Соловьева, А.В. Логинова, О.В. Гаман-Голутвиной и других. Определение типов государств по критерию светскости исследовано в трудах П.Н. Дозорцева, Е.Н. Салыгина, Н.В. Володиной и других.

Особенности формирования и реализации государственной политики в сфере свободы совести и религиозной жизни в европейских странах и США исследованы в трудах зарубежных авторов – П. Кампер, К. Дьюрэм, И. Мартьяновой, П.К. Морено, С. Феррари и отечественных ученых – В.Е. Еленского, Ф.Г. Овсиенко, Е.М. Мирошниковой. В ряде исследований проводится сравнительно-правовой анализ российского законодательства о свободе совести с точки зрения степени его соответствия международно-правовым стандартам (Ф.М. Рудинский, и М.А. Шапиро и др.). Компаративный анализ различных аспектов религиозной политики в разных странах имеет научно-практическое значение. В этом плане можно выделить работы зарубежных исследователей – С. Марша, Л. Пая и российских – Б.С. Ерасова, Е.М. Мирошниковой, Ф.Г. Овсиенко, Э.Д. Понарина, А. Празиускас, Н.Г. Пруссаковой, Г.К. Широкова, Ю. Рыжова, В. Рысева, П.В. Топычканова и др.

Феномен религиозного возрождения и отношения к нему власти, формирование новой политики в сфере свободы со-

вести привлекли и приковывают внимание научных сил гуманитариев. Одним из эффективно работающих в сфере государственно-конфессиональных отношений центров в 1990-е годы становится кафедра религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС). С учетом сложившихся реалий и на основе новых методологических подходов в трудах коллектива ученых осмысливается сущность государственно-конфессиональных отношений в современной России³, а также в монографиях и статьях ученых: Ю.П. Зуева, А.А. Нуруллаева, Ф.Г. Овсиенко⁴, М.И. Одинцов⁵, Н.А. Трофимчук⁶, М.О. Шахова⁷ и других.

Предметом серьезного анализа и взвешенной оценки становится содержание и практика государственной политики

³ Государственно-церковные отношения в России. Курс лекции. Ч. 1,2 / отв. ред. Ф.Г. Овсиенко, Н.А. Трофимчук. М., 1995; Вероисповедная политика Российского государства: учеб. пособие / отв. ред. М.О. Шахов. М.: Издво РАГС, 2003. 207 с.

⁴ Овсиенко Ф.Г. Взаимоотношения государства и церкви в странах Восточной Европы // Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1999. С. 78–95.; Овсиенко Ф.Г. Политизация конфессий и клерикализация политики: тенденции развития и риски в Российском обществе // Религиоведение. 2002. № 2. С. 20–29.; Овсиенко Ф.Г., Трофимчук П.А. Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России. М.: РАГС, 1995. С. 53–76.

⁵ Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения: от моделей прошлого к будущему // Государственно-церковные отношения в России. М., 1993. С. 12–22.; Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.; Одинцов М.И. Российское государство на пути к свободе совести: потери, приобретения, проблемы (1986–1996 гг.) // Религия и политика в современной России. М., 1997; Одинцов М.И. Гарантии и защита принципа свободы совести как фактор утверждения межконфессиональной Толерантности / Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы Международной научной конференции, Казань, 23–24 мая 2013 г. / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 104–114.

⁶ О религиозной ситуации в России в 1990–1993 гг. см.: Государственно-церковные отношения в России / под. ред. Н.А. Трофимчука. М.: Луч, 1993. 134 с.; Государственно-церковные отношения в России. Курс лекций. 4.1,2 / отв. ред. Ф.Г. Овсиенко, Н.А. Трофимчук. М., 1995.

⁷ Вероисповедная политика Российского государства: учеб. пособие / отв. ред. М.О. Шахов. М.: Изд-во РАГС, 2003. 207 с.

в религиозной сфере в работах В.А. Алексеева⁸, Г.М. Керимова⁹, И.Я. Кантерова¹⁰, А.В. Малашенко¹¹, Л.Н. Митрохина¹², М.Г. Писманика¹³, Д.М. Угриновича¹⁴, С.Б. Филатова, И.Н. Яблокова¹⁵ и других. В рамках серии «История современной России» появилось важное монографическое исследование, посвященное государственно-конфессиональным отношениям последнего десятилетия прошлого века¹⁶, сравнительно-сопоставительный анализ «светкости» пред-

⁸ Алексеев В.А. Постперестройка: несвободная совесть. М., 1992.

⁹ Керимов Г.М. Ислам и мусульманские организации в современном Российском государстве // Государственно-церковные отношения в России. М., 1993.

¹⁰ Кантеров И.Я. Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. Н. Новгород, 2003.

¹¹ Малашенко А.В. Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. М., 1998 (совместно с А.Б. Юнусовой); Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998; Малашенко А.В. Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах. М., 2005; Малашенко А.В. Религия и глобализация на просторах Евразии. М.: Московский центр Карнеги, 2005; Малашенко А. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 150 с.; Малашенко А.В. Мой ислам. М.: Российская политическая энциклопедия (РООСПЭН), 2010. 206 с.; Малашенко А. Политика в России и Россия в политике. М.: Издательство «Независимая газета», 2013. 446 с.

¹² Митрохин Л.Н. Свобода совести в современной России // Российский обозреватель. 1996. №5; Митрохин Л.Н. Религиозная ситуация в современной России // Социс. 1995. № 11.

¹³ Писманик М.Г. Возможен ли диалог? // Философско-методологические проблемы изучения религии: Мат-лы науч. конференции (ИФ РАН, РАГС). М.: Изд-во РАГС, 2004; его же. О религиозной ситуации в Прикамье // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты (Российское объединение исследователей религии). М., 2004; Мистика и культура // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып. 12. Пермь: ПГТУ, 2005; его же. Идея ненасилия и идея сотрудничества // Сборник научных докладов к Международному симпозиуму-диалогу «Идея ненасилия в XXI веке». Пермь: ПГТУ, 2006.

¹⁴ Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985.

¹⁵ Яблоков И.Н. Религиоведение: учеб. пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению. М., 2002.

¹⁶ История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организации в 1985–1999 гг. / под общ. ред. А.П. Торшина (В.А. Бабинцев, Е.Н. Житник, М.И. Одинцов, А.Е. Себенцов). М.: ОЛМА Медия групп, 2010. 288 с.

ставлен в сборнике трудов отечественных и зарубежных авторов¹⁷.

Важным является то, что ряд авторов обратил свое внимание на вопрос научно-практического значения. Выявление эффективности государственного регулирования конфессиональной сферы в России рассмотрено в трудах О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Р.Ф. Туровского, А.И. Соловьева. Существенный вклад в исследование государственной политики в сфере свободы совести в правовом аспекте внесли: А.И. Кудрявцев¹⁸, А. Ловинюков¹⁹, Г.П. Лупарев²⁰, Ю.А. Розенбаум²¹ и другие. Вопросы правового статуса религиозных меньшинств, а также особенности мусульманского права и соотношение светского и исламского права, в том числе в рамках российского законодательства, исследованы в работах Л.Р. Сюкияйнена и Р.И. Беккина и других.

Современные научные исследовательские практики охватывают широкий спектр проблем государственно-религиозных отношений, места и роли конфессионального фактора в современной политической жизни России. Они реализуются в рамках диссертационных исследований и научных публикаций А.И. Кудрявцева, Л.И. Григорьевой²²,

¹⁷ Религия и светское государство / Под ред. А.Агаджаняна, К. Русселе. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008. 188 с.

¹⁸ Кудрявцев А.И. Вопросы регулирования деятельности религиозных организаций в РФ // Кентавр. 1995. № 2; Его же. Конституционно-правовые основы вероисповедной политики государства в современной России // www.rlinfo.ru/projects/seminar-10-let/25/04/2002 г.

¹⁹ Ловинюков А.С. Свобода совести (анализ, практика, выводы) // Государство и право. 1995. № 1; Его же: Закон СССР о свободе совести и религиозных организациях // Советское государство и право. 1991. № 4. С. 23–35.

²⁰ Лупарев Г.П. Социальное назначение религиозных организаций как основа их правового статуса // Государство и право. 1995. № 11. и др.

²¹ Розенбаум Ю.А. К разработке проекта Закона СССР о свободе совести // Советское государство и право. 1989. № 2.

²² Григорьева Л.И. Свобода совести и актуальные проблемы государственно-правового регулирования деятельности новейших нетрадиционных религиозных объединений. Красноярск: РИО КГПУ, 1999.

М.М. Мчедловой, Г.А. Потаповой, Г.В. Станкевич, А.В. Щипкова, Р.М. Мухаметзяновой-Дуггал²³ и других.

Этноконфессиональные процессы на Европейском Востоке, особенности региональной конфессиональной политики в Волго-Камском регионе, представляют собой одно из важных и интересных направлений научно-теоретического анализа. Эти процессы исследуются в научных публикациях Р.С. Хакимова²⁴, А.Б. Юнусовой²⁵, Г. Емельяновой²⁶, Р.М. Мухаметшина²⁷, Р.А. Набиева²⁸, А.Ю. Хабутди-

²³ Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Формирование новой модели государственной политики в сфере свободы совести и ее реализация на региональном уровне (на примере Республики Башкортостан) / Р.М. Мухаметзянова-Дуггал. Уфа: ФН РБ, Гилем, 2010. 156 с.

²⁴ Хакимов Р.С. Критическое мышление и обновление ислама. / Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Материалы международной конференции «Ислам, идентичность политика в постсоветском пространстве: сравнительный анализ Центральной Азии и европейской части России» 1–2 апреля 2004 г., Казань. Казань, 2005. С. 28–35; его же Джидизм (реформированный ислам). Казань, 2010. 208 с.; Его же Татарстан: идеология будущего. Казань: Инст-т истории им. Ш. Марджани. 2014. 424 с. и др.

²⁵ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352С.; Юнусова А.Б. Указатель отечественной и зарубежной литературы по проблемам религии и общества в России. Уфа, 1995; Юнусова А.Б. Радикализм – вызов российскому исламу // Экстримизм как социальный феномен: Материалы Международной научно-практической конференции. Курган, 2005; Юнусова А.Б. Ислам и мусульмане в общественном и социобитийном пространстве Республики Башкортостан // Ислам и Россия: межцивилизационный диалог: Сборник статей. Уфа, 2006 и др.

²⁶ Yemelianova G. Russia's Umma and its Muftiis // Religion? State and Society. 2002. № 2; Yemelianova G. Islam and Nation-Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27, № 4; Yemelianova G. Islam and power // Islam and Russia: A Historical Survey. London and New York: Palgrave, 2002.

²⁷ Мухаметшин Р. М. Ислам в общественно-политической жизни Татарстана в конце XX века. Казань, 2000; Его же На путях к конфессиональной политике: ислам в Татарстане // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения Н. Новгород, 2003; Makarov D., Mukhamtshin R. Official and unofficial Islam // Islam and Russia: A Historical Survey. London and New York: Palgrave, 2002 и др.

²⁸ Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения: История, проблемы, уроки. Казань, 1991; Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на европейском Востоке. Казань, 2002, Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь / ред. и сост. Р.А. Набиев. Казань: «Магариф», 2004. 383 С.

нова²⁹, Р.Ф. Мухаметдинова³⁰ и ряда других специалистов. Г.Б. Фаизов и Р.Р.Ибрагимов сосредоточились на вопросах государственно-конфессиональных отношений в регионе³¹, А.М. Фазлиев, И.З.Нафиков осуществили серьезный анализ проблем специфики духовных ориентиров молодежи и формирования системы мусульманского образования в условиях новой конфессиональной политики³². В.М. Якупов, имеющий немало публикаций в рамках чисто теологических подходов, в своих религиоведческого характера трудах выступает в качестве светского ученого и пытается осмыслить исламское возрождение изнутри, будучи участником этого процесса³³. Интересными представляется работы Д.Ю. Арапова, М. Кемпера И.К. Загидуллина, Д.Д. Азаматова, О.Н. Сенюткиной, Д.М. Исхакова, Р.И. Нафигова и других по дореволюционной России для использования их в процессе возрождения исламских институтов³⁴. Стимулятором научно-

²⁹ Хабутдинов А.Ю. Поиск моделей толерантности среди российских мусульман / Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий. Казань, 2012. С. 44–48; Его же. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX века. Казань, 2001; Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань: Фэн, 2006 и др.

³⁰ Мухаметдинов Р.Ф.Идейно-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.) (Сопоставление с опытом Турции). Казань: Тамга, 2006. 231 с.

³¹ Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995; Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 128С.; Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань, 2004.

³² Фазлиев А.М. Духовные ориентиры молодёжи Татарстана в условиях новой конфессиональной политики государства (1990–2000-е гг.): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 28 с.; Нафиков И.З. Формирование системы мусульманского образования в России (1990-е–2000-е гг.): автореферат канд. дисс. ... ист. наук. Казань, 2013. 23 с.

³³ Якупов В.М. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань: Иман, 2005. 114 с.; Татарское «богоискательство» и пророческий ислам. Казань: Иман, 2003. 52 с.; Якупов Валиулл К пророческому исламу. Казань: Иман, 2006. 454 с.

³⁴ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX гг.). 2004. 288 с.);Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964. 446 с.; Источники существования исламских инсти-

методического осмысления и авторских интерпретации разных этапов и аспектов государственно-конфессиональных отношений стали издания, осуществленные в рамках федерального фонда по поддержке развития исламской культуры, образования и науки, начиная с 2007 года, этом плане также заметный вклад вносит фонд Марджани.³⁵

Вопросы межрелигиозной толерантности, взаимодействия представителей различных конфессий и политического оформления их сосуществования в российском государстве, а также преодоления радикальных и экстремистских настроений представлены в многочисленных исследованиях таких авторов, как А.В. Дмитриев, А.В. Журавский, А.Г. За-

тутов в Российской империи. Сборник статей / сост. и отв. ред. Загидуллин И.К. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 272 С. Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 462 с.; Кемпер М. Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с немецкого. Казань: Российский исламский университет, 2008. 675 с.; См. также: Kemper M. The Orthodox and Islamic Languages in the Russian Federation / Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы международной научной конференции (Казань, 23–24 мая 2013 г.) Серия: «Культура, религия и общество». Вып. 23 / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 5–14; Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. 194с.; Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди / отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2010. 208 с.; Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, ИД «Медина», 2007. 520 с.; Исахов Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.; Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII – начало XX в.). Москва – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. 410 с.

³⁵ Бабич И.Л. Антропология власти и ислам: учеб. пособие. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 232 с.; Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. История духовных управлений мусульман России в XVIII–XXI веках: учеб. пособие. Н.Новгород, 2012. 260 с.; Набиев Р.А., Гафаров А.А., Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в России: учеб. пособие. Казань: Изд.-во КФУ, 2013. 204 с.; Гарипова Я.З., Нуруллина Р.В. Мусульманская молодежь Татарстана: социализация, ценности, толерантность. Казань: Издательство ДУМ РТ, 2009. 296 с.; Седанкина Т.Е. Аксиология религии: учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2013. 244 с. и др.

лужный, С.А Семедов, а также коллективных монографиях и сборниках³⁶.

Исследовательские практики по вопросу политики власти в отношении религии демонстрируют, что среди российских авторов продолжается дискуссия относительно содержания и практики реализации конфессиональной политики в условиях религиозного возрождения. Спектр мнений и позиции по данной проблеме довольно широк. 1. Ориентированные на западные традиции выстраивания отношений государства и религии предлагают установить плюралистические отношения между государством и религиозными объединениями по типу американских, французских и т.д. В данном случае государство не отдает предпочтение какой-либо религии и строит свои отношения с конфессиями на равных основаниях. 2. Исходя из историко-культурных особенностей страны, выдвигается позиция, отстаивающая приоритетное положение традиционных для России религий – православия, ислама, иудаизма и буддизма. 3. Заметные политические и религиозные силы имеются у сторонников закрепления за религией большинства – православием – статуса государственной религии, в частности, по примеру норвежской, аргентинской, английской, греческой традиций, более того, в государственной думе выдвигаются предложения о необходимости отмены конституционного положения, запрещающего на идеологическую монополию государства. За этими предложениями имеются немалые ресурсы, которые стремятся формировать общественное мнение и определить политический курс власти в сфере религии, что предполагает важность дальнейшего анализа и осмысления данной проблемы.

Определяя степень разработанности проблемы, следует отметить, что в условиях начавшейся социально-политиче-

³⁶ Толерантность / общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2004. 416 с.; Толерантность в обществе различий: коллективная монография / под ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, А.В. Зенковой. – Вып.15. Екатеринбург: Полиграфист, 2005. 232 с.; Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. 482 с.

ской трансформации общества в вопросах религии не сформировалась четкая долгосрочная линия поведения власти в отношении религии. В силу этого, при кажущемся большом объеме и многогранности исследований, посвященных политике в сфере религии и свободы совести современной России, по многим важным вопросам сохраняются разные точки зрения и представления, которые пока еще не обобщены. Важным остается изучение проблемы оптимизации конфессиональной политики в полиэтничном пространстве и в сфере межконфессиональных отношений. В этом плане имеются новые акценты в политико-идеологических подходах к данным вопросам в послании Президента РФ Федеральному собранию на 2014 год. В контексте этого актуально выявление взаимопользительной конструкции партнерства государства с многообразными религиозными сообществами, а также исследование эффективности и оптимизации существующей в России модели государственной политики в этноконфессиональной сфере и свободы совести с учетом традиций и мирового опыта.

Исходя из достигнутых результатов в осмыслении данной проблематики и ее актуальности, целью работы является изучение специфики отношения власти к религиозному возрождению, формирования новой модели политики в сфере свободы совести и развития межконфессиональных отношений. Реализация этой цели предполагает решение ряда важных задач: во-первых, теоретических вопросов применительно к данному периоду развития общества и к региональным особенностям, проявляющимся в дискурсе двух цивилизационных начал, основанных на исламских и христианских традициях; во-вторых, выявление особенностей формирования новых отношений между государством и религией, специфики политики в полиэтноконфессиональных условиях при бирелигиозном паритетном большинстве верующих; в-третьих, определение оптимальных форм и методов межконфессионального диалога как основы устойчивого развития общества и изучение способов вовлечения рели-

гиозных организации в общественные процессы в качестве элементов гражданского общества.

В силу того, что основной конфессией по количеству верующих в стране является православие, и в целом его функционирование достаточно единообразно в российском духовном пространстве, тем не менее, в ряде регионов есть своя специфика. Особенности появляются там и тогда, когда имеется соприкосновение с другими крупными историко-культурными и религиозными традициями, представляющими иные цивилизации, например, с такой, как исламская. Таким регионом является Поволжье, в частности Татарстан, поэтому при изучении отношения власти к процессу возрождения религий в постсекулярный, переходный период развития российского общества больше внимание уделяется к исламскому возрождению. Исламский дискурс в государственно-межконфессиональных отношениях, погружение во внутриконфессиональную специфику в жизни мусульманской уммы позволяет глубже раскрыть содержание конфессиональной политики и особенности выстраивания исламо-православных отношений, а также развитие межрелигиозного диалога в полиэтноконфессиональном регионе. Хронологические рамки исследования охватывают 1980-е – 2000-е годы, когда происходит формирование новой модели конфессиональной политики в условиях возрождения религий и утверждение принципа свободы совести.

В мировой истории вопрос о взаимоотношениях государства и религии имеет различные этапы, как по своему содержанию, так и по формам функционирования. Обилие и многообразие религий и верований как формы общественного сознания связано с закономерностями их возникновения, развития и видоизменения. Изучение и объяснение их определяется в рамках методологических приемов богословско-теологического, философского и научного подходов. Первоначальные формы верований народов по мере развития политической организации общества видоизменялись и появлялись новые религии, которые обретали свое

место в обществе и выполняли соответствующие социальные функции. Постепенно формировались типы государств по отношению к религии, которые условно можно подразделить на теократический, светский, кооперированный, атеистический. Исходная позиция автора в исследовательском процессе комплекса рассматриваемых вопросов определяется методологическими принципами науки о религии и научными подходами различных гуманитарных наук. Сущность современных проблем во взаимоотношениях власти и религиозных структур будет легче понять, если рассматривать их в контексте многовековых традиций государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в тюрко-татарских государствах, дореволюционной и советской России, что позволяет выявлять сущностные черты и принципы данных отношений в рамках различных государственно-политических образований.

В качестве методологической основы изучения государственно-конфессиональных отношений выбран цивилизационный подход. Данный способ позволяет исследовать интересующую проблему в формате разноаспектности, рассматривать её в социально-философском, политико-правовом, культурологическом, экономическом сегментах. В конечном счёте, это должно помочь представить максимально целостную картину взаимоотношений властных структур и религиозных объединений России, в том числе в ее различных регионах и субъектах. Проведенное исследование на основе, прежде всего, полиэтноконфессионального Татарстана позволяет комплексно и всесторонне рассматривать общие закономерности и особенности функционирования институтов светского государства, трансформацию взаимоотношений государства и религиозных объединений, становление организационно-правовых структур в системе государственной власти, которые на практике реализуют конфессиональную политику.

Основной источниковедческой базой книги явился широкий круг документальных источников из современной по-

литико-культурной и правовой практики, а также исследовательских работ по проблеме развития взаимоотношений государства и конфессий; материалы архивов и опубликованных документальных сборников³⁷. Основное внимание сосредоточено на изучении государственной политики в сфере религиозных отношений, конкретных законов и соответствующих актов, регулирующих взаимоотношения государства и конфессий. В рамках научно-практического проекта и его издательской серии «Культура, религия и общество», действующего в настоящее время на базе научно-исследовательской лаборатории (НИЛ) «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения: отечественный и зарубежный опыт» при кафедре политической истории и мировой политики Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, было издано 23 выпуска этой серии, что явилось важной основой для подготовки данного исследования³⁸. Выражаю свою признательность коллективу кафедры и НИЛ В.М. Бухараеву, А.А. Гафарову, Р.Р. Ибрагимову, И.З. Нафикову, А.М. Фазлиеву за помощь в процессе обработки и осмысления имеющихся материалов по этой проблеме. А также благодарен коллегам за созданную дружескую научно-творческую атмосферу, в обстановке которой важные стороны разрабатываемой проблемы получили раскрытие в процессе дискуссионных обсуждений и организации научных форумов с активным участием Д.И. Люкшина, Р.А. Циунчука, Л.Н. Бродовской, М.А. Галеевой, В.В. Буравлевой, Ф.Н. Шакурова, А.А. Садыкова, А.И. Саттаровой и др.

³⁷ Наследие. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю.П. Зуева; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Часть II: XX – начало XXI века. М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. 288с.; История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / под общ. ред. А.П. Торшина (В.А. Бабинцев, Е.Н. Житник, М.И. Одинцов, А.Е. Себенцов). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 288 с.

³⁸ См.: выпуски издательской серии «Культура, религия, общество» с 1997 по настоящее время, под ред. Р.А. Набиева.

Г л а в а I

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

1. Религиозная сфера перед вызовами времени

Крушение советского государства, основанного на идеологемах коммунистическо-атеистической доктрины, явилось величайшей катастрофой прошлого столетия и происходило на фоне быстро развивающихся глобальных изменений. Общество, построенное на утопическом социальном конструктивизме, не оставляло место религиям в обществе, многие из которых, тем не менее, являются основой цивилизации. В настоящее время внутри этих цивилизаций и в отношениях между ними происходят глубинные процессы, оказывая влияние на видоизменение места и роли религии в обществе. Применительно, например, к мусульманской умме, в частности, к ее образовательной сфере, на мой взгляд, современные вызовы заключаются в следующем: а) глобализация, б) радикализация, в) секуляризация. И поскольку на образовательной площадке эти тенденции находят свое наиболее яркое выражение, именно здесь и открываются реальные возможности для ограничения влияния негативных, религиозно-политических течений и тенденций, а также для утверждения общегуманистических традиций человеческого общежития на основе глубокого знания религиозных канонov.

В условиях глобализации предметом внимания современных исследователей все чаще становятся вопросы идентичности, соотношения традиций и новаций, истоков зарождения и проявления радикальных воззрений, вопросы поведенческих мотивов в период ослабления влияния религии на общество в контексте секулярных явлений. Пожалуй, и в рамках мусульманской образовательной сферы в первую очередь следует искать ответы на эти глобальные вопросы. В этом деле важно обращение к историческому опыту, приобретенному в период, когда осуществлялись ответы на вызовы второй половины XIX века. Важность дореволюцион-

онного опыта состоит еще и в том, что именно сфера образования стала местом пробуждения и осознания татарской идентичности и социально-политической активности, что сделало татар одной из передовых наций российской империи. В этот период формируется система мусульманского образования нового типа, имеющая возможность влиять на все стороны социально-духовной жизни модернизирующегося татарского сообщества. Система джадидизма заработала в полную мощь, выдав всему миру образец пассионарного социально-философского пробуждения и действия. Это был исключительно адекватный ответ татар-мусульман вызовам эпохи конца девятнадцатого столетия.

История знает мало примеров зеркального повторения опыта, в этом обычно нет необходимости. Что касается опыта джадидизма, то здесь важен сам дух и энергия социально-духовного творчества. В этом плане мы не должны подвергать сомнению бесценность джадидизма в контексте возрождения традиций народа.

Вместе с тем секуляризацию в Европе трудно объяснить и связать только с последствиями глобализации. Она, как отмечает С. Филатов, «развивалась в соответствии с логикой эволюции национальных культур. ... нельзя однозначно сказать, что она благодаря глобализации становится безрелигиозной»³⁹. Под существенным влиянием общей атмосферы деятельности государственных и общественных демократических институтов на протяжении многих лет постепенно на основе добровольной самоорганизации верующих обеспечивалось развитие демократических форм внутреннего устройства, например, протестантских общин. Многие исследователи отмечают, что происходит «превращение принципов демократии и прав человека в религиоз-

³⁹ Филатов Сергей. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию / Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М: РОССПЭН. Моск. Центр Карнеги. 2009. С.11.; см. также: Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Неостром, 2005. 343 с.

ные принципы, отстаиваемые и проповедуемые духовенством всех вероисповеданий». ⁴⁰

Проповедническая риторика сейчас смело дополняется высказываниями в отношении власти с точки зрения ее соответствия морали и справедливости, понимаемой в контексте не только религиозном, но и в демократическо-либеральном духе. С одной стороны, в религиозной жизни происходит определенно смещение от обрядно-богослужебной практики в сторону усиления значения служения и благотворительности, а с другой, в области морали – возрастание роли персональной ответственности личности перед Богом за принимаемые решения, терпимость и уважение веры и образа жизни других. Следует заметить, что эти черты, характерные для современной религиозности, прежде всего, в западных странах, наряду с представлениями о нормах демократии, справедливости и прав человека, получают свое повсеместное распространение. В Татарстане, например, в 2000-е годы, пожалуй, впервые в России, благодаря деятельности научной группы проекта «Культура, религия и общество» и по инициативе Совета по делам религии при КМ РТ, стали проводиться региональные семинары на предмет координации усилий религиозных и государственных структур в социальном служении и благотворительности (Наб. Челны, Альметьевск, Казань). В год благотворительности (2007) в республике активность религиозных организации, в особенности, православных, мусульманских, иудейских была очень высока.

С точки зрения этих конфессий трансцендентное ядро веры, вероучительная основа религий не теряется от проникновения ценности «глобализации». Однако главное здесь разрушается: политическая идеология и социальные отношения, национальные традиции, в которые долгой историей вплетены религиозные ценности. Социальные функции религии: мировоззренческая, иллюзорно-компенсаторская, коммуникативная, интегрирующая, регулятивная под мощ-

⁴⁰ См., например: Филатов С. Указ. соч. С. 13.

ным влиянием современных реалий претерпевают существенные изменения, приобретая новые оттенки и нюансы в своих проявлениях.

Важным явлением глобального вызова стало детерриторизация религии, она становится дисперсной, получает распространение поверх традиционно существовавших религий, политических и цивилизационных образов жизни. Такое явление, например, демонстрируется наличием более 70 протестантских организации разного направления в Татарстане, где традиционными в основном были православные и мусульманские конфессии. Естественно, традиционное общество этому оказывает сопротивление где-то более успешно и где-то не очень. Скажем, такие районы Татарстана, как Арский и Балтасинский, заселенные преимущественно татарами, оказались местом создания ряда протестантских групп и организаций.

Известно, что европейское общество более благосклонно к глобализации, государственные религии там постоянно оттесняются, например, в Норвегии и Англии это четко проявляется. Имеются сведения, что антиклерикальные настроения в Италии, Испании, Франции несколько ослабевают, а религиозные организации активизируют свою благотворительную деятельность. Чтобы утвердить свое доброе имя в обществе, например, мормоны штаты Юта в г. Солт-Лейк-Сити создали большой центр по сбору и подготовке к раздаче одежды и другого имущества «во вторые руки» в различных странах мира.

Разные типы реакции на глобализацию более ярко выражены на евразийском пространстве. Если, например, Россия и Белоруссия и ряд других регионов проявляет открытое неприятие, то есть пример Южной Кореи, которая буквально за несколько десятилетий стала христианской. Не только в сфере культуры производства, но и в повседневной жизни все более эта страна становится похоже на США по своим утверждающимся духовным ценностям. Япония же, теряя внутри себя влияние синтоистской и буддийской религиоз-

ных систем, просто дрейфует в сторону падения религиозности. Как отмечают исследователи, Таиланд, сохраняя свои буддийские традиции, относительно легко воспринимает глобальные изменения. Вместе с тем есть пример серьезного сопротивления глобализации в лице буддийской страны Мьянма, что не может быть устойчивым и длительным явлением при использовании репрессивных мер властями, которые не так давно имели место в данном государстве.

Римское право устанавливало принцип разделения властей, в Византии же закон обращал их слияние воедино. В средние века практика гласила: «Мирская власть и священство соотносятся между собою, как тело и душа, и необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке»⁴¹, что отражает теоретическое обоснование глобализации по-византийски, православной империи (после «Второго Рима» самопровозглашается «Третий Рим – Москва»). Здесь утверждается, в отличие от западной традиции «папоцезаризма», богопомазанный принцип симфонии государства и церкви, а также верховенства светской власти над священством – «цезаропапизм».

Византизм выступает как первый проект православно-имперской глобализации, а после его гибели (1453 г.) и самораспада Золотой орды (1480 г.) Московское государство претендует на статус новой сверхдержавы восточного христианства, церковь попадает в еще большую зависимость и начинает обслуживать внешнюю и внутреннюю политику царизма.

Большевистская доктрина заменила утопию православно-имперского «Третьего-Рима» лозунгами мировой революции и «Третьего интернационала». Теоретики и практики данной конструкции Ленин, Троцкий, Зиновьев и другие ярко возвещали в своих выступлениях и работах возможность достижения этой цели.

Весьма замкнутая и серьезная озабоченность по отношению к глобализации проявляется во многих мусульман-

⁴¹ См.: более подробно в указанных работах А Красикова.

ских странах. Глобализация в этих странах, действительно, чувствует себя несколько неуютно, здесь больше зигзагов, сопротивления и препятствий, чем в странах, в которых укоренились больше христианские, буддийские традиции или традиции национальных религий. Когда утверждается мысль о неумолимости и неизбежности глобализации, сторонники ее обычно ссылаются на силу социально-экономического фактора, который якобы способен перемолоть всякую преграду. Эту точку зрения в какой-то степени подтверждают судьбы модернизационных процессов в некоторых странах (Малайзия, Индонезия, отчасти Иран), где после определенных успехов социально-экономического прогресса, соответствующего измерению глобализации, происходит сползание к традиционному положению. Вместе с тем в этом отношении Турция пока стоит особняком, да и в постсоветских мусульманских регионах ситуация иная. Тем не менее, московский ученый С. Филатов делает вывод, что «в существовании мусульманского сознания и мусульманской религиозности есть нечто принципиально противоречащее глобализации, утверждаемым ей ценностям и институтам»⁴². В этом отношении особой темой обсуждения и осмысления становится ситуация после «арабской весны», когда вместо ожидаемой и насаждаемой демократии в этих странах пышным цветом расцветают консервативно-фундаменталистские тенденции. Последние события показывают, что в арабских странах далеко еще не завершены начавшиеся фундаментальные потрясения в общественно-политической жизни этих стран.

Важными факторами стабильности государства и общества, их поступательного развития являются духовно-нравственные основы индивидов. В формировании данных качеств большую роль играет религия, выполняющая мировоззренческую, регулятивную, воспитательную и консолидирующую функции. При этом возможности реализации конфессиями своего потенциала в различных сферах жизни в рамках какого-либо государства во многом определяются

⁴² Филатов С. Указ. соч. С. 19.

условиями их существования, т.е. общеполитической ситуацией, взглядами правящей элиты на религиозный вопрос, процессами, протекающими внутри конфессий, состоянием межконфессиональных отношений. В этой связи данный комплекс проблем всегда являлся объектом пристального внимания научного сообщества.

Следует обратить также внимание на то, что в условиях глобализации религиозный фактор обретает особую значимость, проявляя себя в и конфликтах, и межцивилизационных контактах, и в защите прав личности. В тенденциях развития религии в условиях глобализации происходит не только смещение от чисто религиозной догматики в сторону развития социального служения, духовно-нравственных сторон религиозной жизни, но и понимание значимости традиций. Обоснованный характер носит суждение о том, что основной вектор углубления межконфессионального диалога находится не на путях унификации, экуменизации существующих религиозных систем, а на дальнейшем изучении и сохранении уникальности исторически сложившихся религий и традиций.

Доминирующим представлением среди ученых является то, что в основе цивилизации лежит комплекс религиозных текстов, которые становятся нормативом для подавляющей массы людей, и в этих рамках формируется определенный способ социальной организации. Идеи секуляризма внесли заметное напряжение в эту парадигму. Религиозно ориентированная часть общества особенно болезненно реагирует на эти тенденции. Примерно со времен Просвещения и Великой Французской революции в разных формах происходят конфликты между секуляризмом и традицией. При рассмотрении секуляризма речь идет не столько об отделении церкви от государства, сколько о попытке отрицания за религией права голоса в общественных делах и отказе признавать религиозную идентичность человека.⁴³ В указанном конфликте главное не то, как выстраиваются отношения государства

⁴³ Наш мир. 2008. 16 октября.

и религий, а важно то, какие используются антропологические подходы к человеку. Человек или духовное существо, имеющее связь с надчеловеческой реальностью, или чисто природное явление, порожденное безличными эволюционными процессами. Отсюда возникают серьезные столкновения идейно-смысловых интересов, и считается, что, например, «конфликт европейской цивилизации с неевропейскими есть ее внутренний конфликт, который проецируется вовне»⁴⁴.

Как европейские христиане, так и мусульманский мир с определенным основанием видят в секуляризме угрозу своим ценностям и традициям. Вместе с тем голое сопротивление новым явлениям общемирового развития было бы вообще непродуктивным, поэтому рационально мыслящие богословы-теологи подлинный прогресс видят в развитии традиции, осмыслении меняющейся жизни с точки зрения вечных истин, лежащих в основе цивилизации. Формирование постсекулярных стратегий в мировой интеллектуальной практике и политической традиции вот уже около десяти лет остается трендом, определяющим параметры социокультурного пространства современности. Однако постметафизическая ревизия материалистического рационализма, предпринятая современной философией, пока отчетливо не содержит практических рекомендаций относительно того, как устроить наш поликультурный мир. Процессы глобализации современного постсекулярного мира протекают на фоне «беспрецедентного разнообразия культур и религиозных мировоззрений», в которых, по выражению известного немецкого философа Ю. Хабермас, «мы должны понимать свою роль... и чего ожидать друг от друга, если мы хотим обеспечить в наших исторически прочных... государствах цивилизованное обращение граждан друг с другом»⁴⁵.

Для того, чтобы оценить перспективы желаемой общественной гармонии, необходима настойчивая саморефлек-

⁴⁴ Наш мир. 2008. 16 октября.

⁴⁵ См.: Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? Ч. I. // Российская философская газета. 2008. № 4. Апрель.

сия относительно социокультурной традиции, исторического контекста генезиса поликонфессионального социума. В целях выстраивания адекватной оценки управления этническим и конфессиональным разнообразием необходима экспертная оценка регионального и межрегионального опыта интеркультурной коммуникации, исследование предшествующего опыта межэтнического диалога, учёт его значения для сохранения общественной стабильности в периоды напряжения социальных отношений. История Волго-Уралья как будто специально предназначена для того, чтобы сыграть роль научного объекта для изучения модели мирного добрососедства, процесса формирования навыков толерантного поведения, обеспечивающего самосохранение уникального общественного социума, хотя бы и представляющего собой конгломерат различающихся по языку и вере общин.

Ценность межконфессионального диалога, методы научного осмысления его содержания и потенциала развития стали предметом обсуждения на Международной научной конференции «Социокультурный потенциал межконфессионального диалога в полиэтничном пространстве Европейского Востока» 23–24 мая 2013 года в Казанском федеральном университете. Среди многочисленных форумов он отличается научной ориентацией на самопознание параметров развития полиэтноконфессионального общества в социокультурном дискурсе. Организаторами научного форума выступили также Академия наук Республики Татарстан и Российский исламский университет. А генератором идеи и инициатором организации процесса научного осмысления выступает научно-исследовательская лаборатория при кафедре политической истории и мировой политики КФУ «Межконфессиональные и государственно-конфессиональные отношения: отечественный и зарубежный опыт», ядро которой составляет опытный творческий коллектив проекта «Культура, религия и общество». На форуме обсуждались направления исследований в контексте поиска ответов на вызовы времени: изучение теории и методологии вопроса; социокультурное

и правовое регулирование; выявление цивилизационного потенциала межконфессионального диалога; определение этнокультурных и богословско-теологических оснований этноконфессиональных отношений⁴⁶.

Процесс политической и социокультурной трансформации, начавшийся в Советском государстве в конце 80-х гг. XX века, не только повлек за собой распад единого государства, но и коренным образом изменил парадигму государственно-конфессиональных отношений. В начале 1990-х гг. в Российской Федерации были отменены ранее существовавшие ограничения в деятельности религиозных объединений; большое количество культовых зданий и значительная часть имущества были возвращены религиозным центрам и верующим; религиозные объединения получили возможность широкого участия в общественной жизни. Политическая власть продолжала опекать, оказывать существенную помощь религиозным институтам, прежде всего традиционным конфессиям.

В мировой практике по-разному определяется позиция по отношению к, так называемым, традиционным конфессиям. Суть и их содержание вытекает из историко-культурного прошлого народов и государств. Имеет место и законодательное закрепление этого вопроса в ряде стран. В преамбуле закона «О свободе совести и религиозных объединениях» Российской Федерации отмечаются наиболее значимые и ставшие традиционными религии: православие, ислам, буддизм и иудаизм. Вместе с тем они в статьях закона не находят отражения и преамбула просто предваряет закон, а не возводит традиционные религии в ранг правовой нормы.

Первоначально мало кто задумывался над тем, какие тенденции могут развиваться в условиях постоянной преференции, в первую очередь, в отношении ставших традици-

⁴⁶ См.: Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы международной научной конференции (Казань, 23–24 мая 2013 г.) / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Серия «Культура, религия и общество». Вып. 23. Казань: Казан. ун-т, 2013. 410 с.

онными в обществе религиозных систем. Важно было, чтобы государство совершило своеобразное покаяние перед религией вообще, в особенности, перед традиционными конфессиями. Вместе с тем эта «свободная сфера» (то есть идеологический вакуум) стала наполняться не только традиционными ценностями и присутствием глубокой веры, что бесспорно явилось очищающим фактором на пути обновления общества, но и рядом негативных явлений. Во-первых, вскоре в духовном пространстве обозначились нетрадиционные течения; во-вторых, в религиозных структурах появились бывшие партократы, быстро переменявшие идеологические ориентиры и не имеющие отношения к глубокой религиозности, а также люди, связанные с криминальным миром, что создавало условия к девальвации религиозно-моральных ценностей; в-третьих, образовавшийся слой духовенства, построенные культовые здания и созданные структуры, пользующиеся во многом поддержкой государства, способствовали не укреплению религиозно-моральных ценностей среди верующих, а скорее клерикализации общества.

В то же время, первые годы демократии весьма остро обозначили и новые проблемы в государственно-конфессиональных отношениях. Опыт этих лет показал, что в некоторых случаях бесконтрольное проникновение различных религиозных объединений, течений и сект в общественную жизнь страны может иметь негативный результат как для самого социума верующих и духовенства, так и в целом для всего российского общества. Не прибавили авторитета конфессиональным структурам и излишняя политизация духовенства, а также внутрiconфессиональные конфликты, имеющие финансово-структурную и идеологическую подоплеку.

Научное и экспертное сообщество проявляло интерес к вопросам стратегии развития государственно-конфессиональных отношений в молодой демократической России. Плодом размышлений по этим вопросам стали предложенные для обсуждения проекты: в начале 2000-х годов появился проект концепций государственной политики в сфере

свободы совести, авторами которых выступили И.В. Понкин, А.В. Ситников, В.Н. Жбанков, представляющие Институт государственно-конфессиональных отношений и права и Главное управление Министерства юстиции РФ по г. Москве; в 2001 году ученые кафедры религиоведения РАГС (руководитель группы Н.А. Трофимчук) предложили свой вариант; проект Концепции (О.Ю. Васильева, А. Журавский, А. Кырлежев) был предложен в 2003 году, были созданы также и другие проекты. Хотя эти проекты не получили обобщения и принятия в качестве официального государственного документа, но тем не менее начатое обсуждение этих вопросов в научных кругах многим дало серьезную пищу для размышлений и не прошло незамеченным. В Татарстане, например, Совет по делам религий при КМ РТ предложил обсудить эти проекты и в случае необходимости разработать свое видение развития государственно-конфессиональных отношений. Председателем данного Совета публично в статье «На перекрестке двух цивилизаций» по этому поводу были высказаны следующие соображения: « В целом, на наш взгляд, в концепции должна быть изложена система современных взглядов, принципов и приоритетов в сфере государственно-конфессиональных отношений на ближайшую перспективу, исходя из новых реалий развития российской федеративной государственности. Важными составляющими должны служить ислам и православие, а также нужно определить место и роль новых и нетрадиционных религий в обществе»⁴⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современных условиях идет сложный процесс формирования новых вызовов государственно-межконфессиональным отношениям. Явления глобализации, проблемы постсекулярного периода нашего общества, проникновение радикальных, религиозно-политических течений заставляют задуматься о важности и востребованности научно-экспортного характера исследований, междисциплинарных изысканий. На фоне

⁴⁷ Набиев Р.А. На перекрестке двух цивилизаций // Республика Татарстан. 2001. 10 июля.

необходимости преодоления угроз духовной и общественной безопасности возрастает роль взаимодействия общества, власти и религиозных институтов и их консолидированных усилий по поиску пути согласия.

2. Политико-правые аспекты свободы совести

Свобода совести один из фундаментальных принципов в области прав человека и относится к важнейшим завоеваниям человечества. В мировой правоведческой практике свобода совести является неотъемлемым компонентом общечеловеческих ценностей, основных демократических прав и свобод человека. Международные документы правового характера, начиная с «Всеобщей декларации прав человека», определяют основные сферы распространения прав на свободу совести в жизнедеятельности людей, а также принципы и формы защиты этих прав. В 18 статье зафиксировано: «...каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публично или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков»⁴⁸. Международный пакт о гражданских и политических правах (ГА ООН, 1966) в статье 9 закрепил право каждого человека «на свободу мысли, совести и религии»⁴⁹. В основе современных достижений в данной сфере справедливо высоко оценивается вклад гуманистов периода Реформации и Просвещения – создателей первой либеральной конституции, международных организации и итоговых документов важных встреч – в теоретическую разработку принципов свободы совести.

Сегодня стало нормой в Конституциях и принятых законах различных государств, за исключением разве что государств теократического характера (например, КСА, Ватикан,

⁴⁸ Религия и закон. М., 1996.

⁴⁹ См.: Религия и закон... С. 18.

Иран) или ориентированных на защиту лишь одной религии стран (например, Греция), следовать существующим международным нормам в сфере свободы совести, что обязывает придерживаться правил демократического государства. Имеются свои специфические традиции в США, где не требуется государственной регистрации религиозных организаций для их учреждения, проведения собраний, сбора средств или получения права освобождения от налогов. Свобода религии – это фундаментальное, естественное и абсолютное право, глубоко укоренившееся в американской конституционной системе. Согласно первой поправке к Конституции США, в частности, запрещается правительству принимать законы, устанавливающие какую-либо религию или запрещающие ее свободное исповедание⁵⁰. В последующем эти две взаимосвязанные концепции стали известны как концепции установления и свободного вероисповедания.

Конституция Российской Федерации 1993 года подтвердила в качестве правовой основы такие цивилизованные нормы, как светскость государства, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и равенство религиозных организаций. В соответствии со ст. 28 «...каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания...». В ч. 2 ст. 29 подчеркнута: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие ... религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, религиозного и языкового превосходства». Кроме того в ч. 3 ст. 59 установлено: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на смену ее альтернативной гражданской службой»⁵¹.

Следует согласиться с расширительным толкованием данного принципа. Известный религиовед М.П. Мчедлов отмечает: «Свобода совести все более стала пониматься не

⁵⁰ Конституция США, Поправка I.

⁵¹ См.: Конституция РФ. М., 1995.

только как право исповедовать любые религиозные воззрения или отрицать их, но и значительно шире...»⁵² Многие исследователи считают, что для реализации такого суждения важно обеспечить отражение его в юриспруденции.

В настоящее время трудно представить регулирование такой сложной широко трактуемой сферы, как религиозная, тогда, поскольку смысл понятия «религия» не всегда однозначен даже для верующих одной конфессии»⁵³ без соответствующих законов. Тем не менее, имеет право на существование и противоположное суждение. В частности, известный правовед С.А. Бурьянов приводит следующую аргументацию: «Специального «религиозного» закона вообще не должно быть в правовой системе демократического государства. ... с целью соблюдения нейтралитета в мировоззренческой сфере не должны иметь возможность на свое усмотрение определять, что является религией, а что нет. Потому что четких правовых критериев для этого быть не может. Для реализации принципов свободы совести, сокращения разрыва между властью и обществом, властные группы должны лишиться юридических механизмов контроля и использования мировоззренческой сферы, основанных, как правило, на некоторых терминах, заимствованных из теологии»⁵⁴.

Сфера государственно-конфессиональных отношений в России на современном этапе претерпела принципиальные изменения. Конституционный принцип светского характера государства реализуется через разделение сфер компетенции и функций государства и религиозных объединений, что является предпосылкой их сотрудничества на взаимно приемлемых условиях. Данный принцип не означает вытеснения религии из жизни общества, да и не предполагает смешения интересов. Известная формула «богу богово, кесарю кесарево» отражает общее направление в сферах действия.

⁵² Мчедлов М.П. Основа гражданского согласия // Свобода совести в духовном возрождении Отечества. М., 1994. С. 11.

⁵³ Полосин В.С. Миф, религия, государство. М., 1998. С. 17.

⁵⁴ С.А. Бурьянов Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право, 2001, № 2. С. 25.

Государство, следуя принципу равенства религиозных объединений перед законом, создает для них общее правовое поле, в рамках которого они имеют одинаковые возможности и ограничения своей деятельности.

Государственно-конфессиональные отношения складываются как результат социального компромисса между субъектами этих отношений, частями общества, обладающими различными, подчас альтернативными религиозно-мировоззренческими убеждениями и соответствующей им социальной практикой. Государство призвано играть роль посредника и гаранта при достижении такого компромисса и поддерживать баланс интересов личности, общества и государства.

Религиозные объединения (группа и организация) – одна из форм реализации конституционного права граждан на объединение для достижения общих целей. Их отличительной особенностью является совместное исповедание и распространение веры. Этой цели подчинено осуществление любой иной деятельности религиозных объединений, не противоречащей закону.

В России законом предусмотрено существование двух форм религиозных объединений – религиозных организаций и религиозных групп. Такая система, с одной стороны, предполагает, что перед получением статуса юридического лица религиозное объединение пройдет определенную социальную адаптацию, а с другой – позволяет верующим принимать самостоятельное решение о целесообразности государственной регистрации своего объединения.

Религиозным организациям предоставлено право помимо своей основной религиозной деятельности осуществлять иные виды деятельности, в том числе предпринимательскую, если ее результаты используются для достижения основной цели. Государство и общество заинтересованы в том, чтобы деятельность религиозных организаций осуществлялась на основе самофинансирования, однако власть осуществляет контроль для того, чтобы религиозный статус организации не превращался в прикрытие для коммерческой деятельности.

Религиозным организациям предоставлены значительные льготы, учитывающие их некоммерческую сущность, большие трудности, с которыми связано ведение хозяйственной деятельности в современных условиях, малообеспеченность основной массы верующих, не способных полностью субсидировать их функционирование.

Государство ставит религиозные организации в особое положение по сравнению с иными некоммерческими и общественными организациями. Для других некоммерческих организаций, например благотворительных, предоставление льгот прямо увязано с их социально значимой деятельностью, которая компенсирует бюджету убытки от налоговых льгот. В отношении религиозных организаций (как и учреждений культуры) льготы являются выделением доли общественного богатства на удовлетворение духовных потребностей как общества в целом, так и его конфессионально ориентированной части.

Принцип государственной поддержки и содействия религиозным организациям не продиктован прагматическим ожиданием экономической отдачи от такого расходования общественного богатства. Он отражает глубинную историческую, духовно-нравственную и политико-правовую традицию. Однако в современных условиях этот принцип нуждается в серьезном теоретическом осмыслении, связанном с формированием общеприемлемой точки зрения в обществе на эту проблему, а также в поиске оптимальных форм его практического воплощения.

Передача религиозным организациям имущества религиозного назначения – одна из важнейших форм их поддержки государством. Практическая политика в этой области пока не подкреплена теоретически обоснованными представлениями о причинах, характере и целях передачи. Некоторые религиозные лидеры настаивают на придании реституционной природы процессу возвращения религиозным организациям некогда принадлежавшей им собственности, и многое в этой части ими уже достигнуто. 30 ноября 2010 года президен-

том РФ Д. А. Медведевым был подписан Федеральный закон Российской Федерации № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности или муниципальной собственности», определяющий «порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности»⁵⁵. Закон вызвал противоречивые оценки, в особенности, среди работников культуры. Имеются опасения, что возвращение национализированной Советской властью собственности только религиозным организациям вошло бы в противоречие с конституционным принципом равноправия граждан и их объединений независимо от отношения к религии. Тогда религиозные организации получили бы преимущества перед всеми иными лицами, имущество которых было также национализировано Советской властью. Всеобщая же реституция национализированного имущества в России является заведомо неосуществимой, а любая избирательность чревата несправедливостями, порождающими конфликты и социальную напряженность. Ради обеспечения равенства и справедливости при рассмотрении современных имущественных притязаний конфессий должно учитываться, что в царской России они находились в неравноправном положении, имели разные возможности обладать имуществом, разные источники доходов.

Взаимоотношения государства и религиозных организаций имеют ряд традиционных областей, обусловленных спецификой религии.

Благотворительность, внутренне присущая основной части религиозных систем, является приоритетной сферой деятельности религиозных организаций. В основе данного бо-

⁵⁵ URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E5%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF_%F6%E5%F0%EA%EE%E2%ED%EE%E3%EE_%E8%EC%F3%F9%E5%F1%F2%E2%E0_%E2_%D0%EE%F1%F1%E8%E8

гоугодного деяния лежит вера, что делает его обязанностью для благочестивых верующих. При условии создания со стороны государства условий для максимально полной реализации возможностей по оказанию помощи нуждающимся, религиозные организации способны внести действенный вклад в решение проблем, связанных с психологическим личностным кризисом, с потребностью в духовной поддержке, в восстановлении системы нравственных ориентиров. Активизация религиозных организаций, в частности, в Татарстане, произошла в связи с вовлечением их в мероприятия, проводимые государственными и общественными структурами, начиная с 2007 года, который был назван Годом благотворительности.

Государство оказывает содействие и поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций, а также образованных ими благотворительных организаций, предоставляет льготы по уплате налогов. При этом налоговые льготы предоставляются всем участникам благотворительной деятельности, предоставление их в индивидуальном порядке запрещается законом.

Особый статус имеет деятельность религиозных организаций в местах, специфические особенности которых накладывают некоторые ограничения на права и свободы пребывающих в них граждан. В числе таких организаций – медицинские учреждения и места лишения свободы. Представители религиозных организаций, с одной стороны, посещают граждан для удовлетворения их религиозных потребностей, с другой – оказывают нуждающимся благотворительную помощь. Данная деятельность религиозных организаций нуждается в государственной поддержке, в детальной правовой регламентации, в реальном равноправии для различных конфессий.

Взаимодействие Вооруженных сил и религиозных организаций отвечает необходимости реализации права свободы вероисповедания граждан Российской Федерации, находящихся на военной службе, а также решения воспитательных задач в армии, в том числе с использованием духовно-нравственного потенциала разных религий. Вопрос подготовки

священников разных конфессий (капелланов, мулл и др.), прежде всего, ислама и православия – один из актуальных вопросов духовных центров.

Вопрос обеспечения свободы совести военнослужащих предполагает учет многообразия их мировоззренческих ориентаций и конфессиональной принадлежности. Это означает необходимость создания равных возможностей для всех военнослужащих удовлетворять свои религиозные потребности или быть защищенными от навязывания им определенной формы религии или безрелигиозного мировоззрения. Это предполагает также обеспечение равного доступа для духовных лиц различных конфессий в воинские части, где имеются их единоверцы. Недооценка серьезности данных требований способна привести к возникновению межконфессиональной неприязни и нетерпимости, которая может оказаться катализатором конфликтов в подразделениях. Подготовка священнослужителей (капелланов и т.п.) для работы среди военнослужащих и обеспечение равных возможностей для их деятельности является одним из серьезных политико-правовых вопросов государства. Вопросы альтернативной армейской службы входит в число тонких вопросов, требующих религиозно-этических экспертиз и внимательных подходов. Список желающих пройти альтернативную службу готовится духовными центрами, после проведенных экспертиз и проверки подготовительных документов представляется для утверждения Президенту РФ.

Государственно-конфессиональные взаимодействия в сфере образования и культуры затрагивают наиболее лично значимые вопросы мировоззрения, этических ценностей, национальной культуры и творчества. Поэтому наряду с законодательством здесь существенную роль играют учет традиций и нахождение таких способов взаимодействия, которые носят многосторонний характер. Осознание данного обстоятельства представителями органов государственной власти и религиозных объединений и соответствующая ему линия поведения чрезвычайно важны в решении вопросов

обеспечения свободы совести и вероисповедания в сфере образования и культуры.

Основополагающей целью политики государства в отношении религии на современном этапе является содействие консолидации и стабильному развитию российского общества, его духовному оздоровлению.

Политика государства в сфере свободы совести и вероисповедания строится на следующих принципах:

- светский характер государства и его институтов;
- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии;
- равенство религиозных объединений перед законом;
- уважение культурно-национальных традиций, менталитета различных народов и категорий населения;
- допустимость лишь таких ограничений в сфере свободы совести и вероисповедания, которые диктуются необходимостью защиты основ конституционного строя и безопасности государства и облекаются в форму закона;
- готовность к диалогу и открытость в реализации политики в сфере свободы совести и вероисповедания на всех уровнях государственной власти и управления;
- научная обоснованность политики государства в конфессиональной сфере, привлечение экспертного сообщества.

Основные методы осуществления политики государства в сфере свободы совести и вероисповедания:

- неукоснительное соблюдение законодательства Российской Федерации всеми государственными органами и должностными лицами;
- совершенствование правовой базы, регулирующей отношения в области свободы совести и вероисповедания;
- создание эффективного механизма проведения единой государственной вероисповедной политики на всех уровнях власти;
- обеспечение религиозным организациям возможности участвовать в рассмотрении органами власти вопросов, затрагивающих их интересы;

– государственная поддержка социально значимых направлений и организации благотворительной деятельности религиозных организаций;

– профессиональная подготовка и повышение квалификации государственных служащих в вопросах взаимодействия с религиозными объединениями;

– поддержка научных исследований, обеспечивающих теоретическую основу конфессиональной политики государства и возможность применения их результатов.

В исторической науке в разных вариантах выделяются типы государств, которые характеризуют сложившиеся отношения между властью и религиозными объединениями, воззрениями. В этом плане обобщенно и в условной форме можно было бы выделить следующие типы государств: светский, теократический, кооперированный, атеистический. Некоторые из них уже постепенно исчезают, например, атеистический тип, а доминирует светский. В современных условиях в российской политической практике со стороны одной крупной конфессии наблюдается позиционирование себя в качестве главной и ведущей духовно-нравственной силы в обществе, что в первую очередь продиктовано массовым характером ее сторонников. Российская Федерация, оставаясь по конституционным нормам светским государством, все больше от сепарационной формы отношения государства и религии движется в сторону кооперированных практик выстраивания взаимодействия в сфере различных сторон жизнедеятельности людей. Переживаемые Россией в 90-х гг. XX в. Трансформация государственно-политического строя, переход на рыночную модель экономики, в определенной степени стали причиной внутриконфессиональных конфликтов. Условно их можно разделить на две категории. Первая из них сводилась к разногласиям в определении сфер юрисдикции и полномочий центральных и региональных структур. Вторая обуславливалась расколом между консерваторами, отстаивающими чистоту религии, её неизменность и сторонниками адаптивирования своих кон-

фессий к стремительно меняющимся внешним социокультурным условиям информационного общества. При этом на сторонниках адаптации ощутимо отразилось внешнее влияние, связанное с иными традициями, несвойственными для, например, российских мусульман.

Приметой времени стал также процесс политизации деятельности ряда религиозных организаций. Примечательно, что далеко не всегда эта тенденция находит поддержку в среде самих верующих и в целом в российском социуме. В особенности это касается проектов создания политических и общественных организаций, в основе которых лежат религиозно-экстремистские идеи. Спектр вышеозначенных проблем находится в тесной взаимосвязи с социально-политическими процессами, происходящими в целом в стране, и по этой причине требует продуманной, взвешенной политики государства в отношении религии.

Трудно найти убедительные аргументы против суждения о том, что чем выше религиозность, тем больше влияние религии. Вхождение религии в политику – вопрос не риторический, поскольку ее присутствие в реальной жизни мы постоянно ощущаем: «...религия влияет на умонастроения своих последователей, их жизненные устремления, социальное поведение, политические действия»⁵⁶. Существуют различные показатели относительно религиозности населения, в частности, по одной из версий «соотношение верующих в РФ по конфессиональной принадлежности: православных – 67%; мусульман – 19%; протестантов – 2%; иудеи – 2%; буддистов – 2% и др.»⁵⁷.

Несмотря на предусмотренные законом ограничения, конфессиональные организации и священнослужители выступают в роли инструментов влияния на политику. Известный ученый Ю.В. Сорокин отмечает, что «церковь, если говорить

⁵⁶ Климинтий Е.А. Влияние основных конфессий на общественно-политическую сферу современной России / Религия и право: научный и образовательный аспекты. Сб. научных статей. Казань: Изд. дом «Меддок», 2010. С. 178.

⁵⁷ Там же. С. 177.

о политике, была противовесом и противовесом мощным для государственной экспансии в сфере жизни общества и отдельных людей. Благодаря многим факторам, и не последнюю очередь Церкви, Европа получила своеобразную «прививку» от агрессивного этатизма, что способствовало в последующем развитию гражданского общества»⁵⁸.

Можно согласиться с тем, что у церкви были свои этапы развития, которые определяются изменением ее роли и места в обществе и государственной системе: становление авторитета церкви; подчинение Церкви государству, усиление этатистских начал; освобождения Церкви и ее независимость в XII-XIII вв. Именно с ростом авторитета церкви (от Константина) «произошло разделение жизни индивидов на две самостоятельных сферы – политику и религию, которые институализировались как Церковь и государство»⁵⁹.

13–16 августа 2000 года в Москве на Архиерейском соборе при участии 147 представителей духовенства были приняты «Основы социальной концепции русской православной церкви». Это, пожалуй, первый в истории церкви документ, отражавший позицию церкви по всем основным вопросам современной общественной жизни. В общественно-политической сфере церковь придерживается идеи «непредпочтительности» какого-либо государственного строя и доктрин, призывает своих чад повиноваться государственной власти, вместе с тем, если власть принуждает православных верующих к богоотступничеству, к греховным деяниям, то церковь может призвать их к мирному гражданскому неповиновению. Важно и то, что церковь проповедует мир и сотрудничество людей, придерживающихся различных политических взглядов, считает невозможным участие епископа и священнослужителей в деятельности политических организаций, выдвижение их в качестве кандидатов в представительные органы власти. Неучастие Церкви в политической борьбе не

⁵⁸ Сорокин Ю.В. Церковь и государство в Западной Европе в период раннего и «высокого» средневековья / История. Право. Политика. 2011, № 1. С. 17.

⁵⁹ Там же. С. 18.

означает ее отказ от публичного выражения своей позиции по общественно-значимым вопросам.⁶⁰

Сергей Градировский в статье «Ислам и политика в поисках формы» подчеркивает, что, несмотря на светский характер российского государства, ислам в политической жизни становится явно устойчивой тенденцией и оказывает на нее весьма существенное воздействие. В понимании сущности политического ислама в научных кругах существует несколько версий, шесть из которых наиболее четко сформулированы⁶¹.

Например, политический ислам некоторым представляется простым и энергичным синонимом ислама, в котором нет деления на чисто мирские и религиозные цели под прикрытием исламской риторики; кто-то приравнивает его к исламизму, т.е. экстремизму; другие видят его сущность в тотальном внедрении норм шариата; также он воспринимается как глобальная альтернатива, социальное протестное движение против планетарной системы, как ядро «нового Интернационала» взамен большевизма⁶²; или, в контексте эсхатологического ислама, как реформативное изменение человека и мира к приходу мессии. Суть каждого из этих представлений можно экстраполировать, тем более реальная жизнь порождает немало конкретных примеров. Политический ислам имеет ряд синонимов: политизированный ислам, исламский экстремизм, исламизм, исламский фундаментализм, ваххабизм (неоваххабизм), салафия, джихадизм, ревайвализм, традиционализм, нативизм и др.

Глубина священной для мусульман книги Корана позволяет различным авторам, по мере понимания и с учетом их целей, заниматься многополярным токованием его смыслов. В исламской традиции теологические разночтения не приводятся к общему знаменателю. В этом и сила, и слабость

⁶⁰ Трофимчук Н.А. История религий в России // Москва, РАГС, 2002. С. 215–216.

⁶¹ Градировский С. Ислам и политика: в поисках формы / Ислам в России: Взгляд из регионов / науч. ред. А.В. Малашенко. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 11.

⁶² См.: Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. М.: Весь мир, 2006. С. 58.

исламской религиозной системы. Примечательно в этом отношении суждение автора работы «Теология насха» В. Сендерова, который отмечает, что «если временно отвлечься от теологического единства главной священной книги мусульман, то можно, не слишком упрощая ситуацию, сказать: под обложкой со словом «Коран» есть две разные книги», существует теория «двух Исламов». Суждение автора сводится к тому, что первая из них призывает к миролюбию, прощению и добру, в ней легче найти пути к взаимопониманию и диалогу, вторая - мединского периода, когда применялись не только уговоры и призывы, но и суровые меры распространения ислама: «Воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником и стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут изгнаны из земли...»(5:33). Из этого делается довольно жесткий вывод автора о том, что «...столь распространенное ныне обезглавливание нечестивых - не способ террористического запугивания телезрителей, а теологически узаконенная мера воздействия»⁶³ и «... мир Ислама нашел неожиданный для нее способ «согласования» противоречивых священных текстов... называется он «насх» - отмена, запрет. Последующий текст, в случае явного противоречия его предыдущему, как правило, отменяет предыдущий»⁶⁴. В целях подкрепления своих суждений автор использует статьи Ю. Тихонравова «Опыт комплиментарности» и Р. Хакимова «Пути иджтихада» в «Отечественных записках» (2003, № 5).

Сфера политики предполагает наличие ее субъекта, что означает, применительно к мусульманству обладать сторонниками, выступающими с позиций ислама и механизмами их участия в общественном процессе. В работах политологического характера выделяют ряд конкретных целей субъекта политики (т.е. исламской политики). Например, конформистские цели:

⁶³ Сендеров В. Теология насха // Новый мир, 2005, № 2. С. 114.

⁶⁴ Там же. С. 116–117.

– создание условий, при которых мусульмане могли бы следовать исламскому образу жизни (исламская партия возрождения (ИПВ)) лидеры: Гейдар Джемаль, Валлахмад Са-дур), с 1994 году прекратила свое существование, дав толчок дальнейшей политизации ислама.

– поиск способов интеграции норм шариата (например, в региональное законодательство или местное самоуправление). В этом вопросе позиции ученых расходятся. Так, известный специалист по мусульманскому праву Л.Р. Сюкияйнен склонен видеть много позитивного для гармоничного развития общества при учете специфики традиции российских мусульманских народов в светском праве. С точки зрения ряда ученых, строгая «шариатизация» с последующей архаизацией (Афганистан, Судан) ведет к нарушениям прав человека и ухудшает экономическое положение в стране. «Исламизация законодательства» тоже имеет больше минусов, по мнению С. Градировского,⁶⁵ что не исключает присутствия в таком суждении исламофобских ноток.

– добиваться равноправного представительства во всех областях общественной и политической жизни страны. Данная позиция имеет много проявлений, в частности, появление в руководящих постах мусульман, не стесняющихся показать свою исламскую идентичность в публичном пространстве. В настоящее время около сотни мусульман Республики Татарстан награждены медалью ДУМ РТ. «За доблестный труд народу» («Халкыбызга хезмэт өчен»), среди которых есть руководители государственных учреждений, министры, главы районов, представители научных учреждений.

– борьба за символическое пространство и за овладение правом в интерпретации исторических и текущих событий. Например, дискуссия вокруг российского герба и флага, определение значения для российской истории Куликовской битвы. Ряд исследователей, порой в исламофобском духе, указывает на нарастание «борьбы церкви и мечети» по мере

⁶⁵ Градировский С. Ислам и политика. С. 15.

увеличения числа мусульман в России⁶⁶, хотя это суждение носит умозрительный характер, поскольку речь идет, прежде всего, о политкорректности. Как говорится, лучше плохой мир, чем война. Часто при решении проблемных вопросов можно найти удачный компромисс, порой – не очень. В частности, С. Шереметьева приводит следующую информацию: «Мало кому известно, как уговаривали Русскую православную церковь не противиться празднованию тысячелетия Казани. Иерархи согласились только тогда, когда предложили праздновать и юбилей города, и 450-летия Казанской епархии – иначе говоря, создание Казанского ханства и его разрушение Иваном Грозным одновременно»⁶⁷. Жесткая привязка научного обоснования к принятию политического решения в такой постановке уязвима, поскольку власти республики с началом возрождения религии выстроили политику учета интересов двух конфессий – ислама и православия, например, было принято решения об одновременном восстановлении Благовещенского собора и возведении мечети Кул-Шариф в Казанском Кремле. Интересным представляется тот факт, что при встрече председателя Совета по делам религий при КМ РТ с Алексием II по вопросам проведения международной конференции патриарх не высказал никаких возражений по поводу названия конференции «Православие в поликонфессиональном обществе», хотя до этого со стороны многих высказывались сомнения возможности позитивного восприятия высшими иерархами такой постановки вопроса.

– влияние мусульман на формирование стратегии развития страны как во внутреннем, так во внешнем направлении. Здесь мусульманское влияние весьма ограниченное. В налаживании контактов с мусульманскими странами внутренние мусульмане, по сути, не участвуют. В дореволюционной России был опыт Сеитовского посада (Татар Каргалысы)⁶⁸,

⁶⁶ Градировский С. Ислам и политика. С. 17.

⁶⁷ Шереметьева С. Мусульмане двух сортов. Подружиться с исламским миром России легче, чем со своими мусульманами // Большая политика. 2005. № 5.

⁶⁸ См.: Татар энциклопедиясе: 6 томда. 3 т. Казан, 2012. 280 б.

когда татаро-мусульманское купечество успешно было использовано при освоении просторов среднеазиатского региона. Вместе с тем внутренний мусульманский фактор получил отражение при принятии решения руководством России войти в состав ОИК в качестве наблюдателя. Здесь немалую роль сыграли зарубежные контакты Татарстана с мусульманскими странами и активное возрождение ислама на основе толерантных традиций российских мусульман, а также отсутствие отрицательной позиции РПЦ.

В мусульманском сообществе можно обнаружить и рецидивы бескомпромиссных целей, что не является массовой или реально представляющим ей угрозу российскому обществу силу. Например, попытки создания шариатского государства, претендующие на неограниченную власть теократии, конструирование социальных форм, альтернативных всякому государству халифат, джамаат, радикалы Чечни, Дагестана, ХАМАС преподносят разные формы создания социально-политического напряжения. Как отмечает А. Малашенко, мусульмане не подражают, а формируют свою альтернативу. Можно выделить различные варианты в направлениях развития: парламентский путь, общественный путь, реформистский путь, капиллярный путь, образовательный путь, экстремистский путь. Пожалуй, пока в основном мусульмане России ищут конформистский путь.

В сфере общественной мысли существуют поиски ориентиров взаимодействия власти и общества. В православных кругах рождается державно-православный проект, который ряд ученых больше связывает с инициативой митрополита Кирилла, до избрания патриархом Московским и Всея Руси возглавлявшего Отдел внешней церковной связи (ОВЦС). Он же инициировал создание Всемирного русского собора (с 1943 года Всемирный русский народный собор (ВРНС) «как своего рода «приводной ремень» между РПЦ и светским обществом...»,⁶⁹ который стал заметным фактором общественно-политической жизни страны.

⁶⁹ Красиков А. Глобализация и православие... С. 50.

Конфессиональный плюрализм в России стал фактом. К 2002 году было зарегистрировано 19892 общин, из них православных – 10515, протестантов – 4180, мусульман – 3038, католиков – 262, старообрядцев – 261, иудаистов – 243, буддистов – 195, прочих – 1198⁷⁰.

В 1995 году Б. Ельциным был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, своеобразный консультативный орган. Он состоял из представителей религиозных организаций, ученых и созывался по мере необходимости для общественного согласования наиболее значимых для религиозной сферы вопросов.

В 1992 году РПЦ присоединилась к инициативе по созданию международной ассоциации религиозной свободы (МАРС), где она с 1997 года находится в статусе наблюдателя. Этот проект проходит своеобразную обработку на Форумах Всемирного русского народного собора, одобряется Синодом, используется в разработке «Основ социальной концепции Русской православной церкви». Составные части, выступающие в единстве, сводят к следующему: державно-религиозный мессианизм; отрицание универсальной значимости общечеловеческих ценностей (прав и свобод личности); претензии на роль арбитра при подмене культурологического прочтения термина «цивилизация» политико-правовым⁷¹.

Вопреки Конституции (ст. 13, 14) на Всемирном русском соборе православие определяется не только «фундаментом нашей цивилизации», но и «государственной идеей» России. Собор обратился к Верховному совету и международным организациям с призывом «признать де-юре статус русских как разделенной нации и их право на воссоединение»,⁷² что является политикой участия церкви в возрождении тоталитарного государства в прежних размерах под видом защиты «канонической территории» РПЦ и раздела мира по терри-

⁷⁰ Красиков А. Указ соч. С. 52

⁷¹ Красиков А. Глобализация и православие... С. 54.

⁷² Всемирный русский собор. Первый этап. М., 1993. С. 110.

ториально религиозному принципу. С точки зрения современных реалий выдвижение Собором антиконституционного требования о предоставлении РПЦ возможности для обеспечения ей главенствующей роли «среди других традиционных конфессий России»⁷³ не может вызвать удовлетворения всех граждан поликонфессионального государства.

В свое время (1994 г.) митрополит Кирилл выдвинул тезис об особом «русском мире», который не сводится к «этническому понятию» и включает в себя и все народы, принадлежащие и другим религиям, но разделяющие одни ценности общественной жизни вместе с русским народом»⁷⁴.

Имеет место среди ученых заслуживающее внимания суждения о том, что договоры и соглашения РПЦ с военными и силовиками, проведение широкомасштабных мероприятий способствуют милитаризации общественного и церковного сознания. Профессора Д. Фурман и К. Каариянен называют РПЦ «колоссом на глиняных ногах». Они опираются на имеющиеся социологические материалы. По опросам 2002 года 80% россиян называли себя православными, а посещают церковь – 7% 1 раз в месяц, несколько раз в год – 19% никогда не ходят в церковь – 42% россиян⁷⁵. Подобные результаты приводятся и по исламу, что является характерным не только для российских регионов, но и в целом для европейских стран.

Судя по итогам Архиерейского собора 2000 года и докладу на нем Святейшего Патриарха, наконец, церковь самоопределилась и открыто заявила о своих позициях, прежде всего по отношению к государству. В разделе «Церковь и государство» указанного выше доклада зафиксировано, что государственная власть является вторичной по отношению к духовной и что власть не вправе абсолютизировать себя, расширяя свои границы до полной автономии от Бога и уставленного Им порядка вещей. Кроме этого, постулируется,

⁷³ Всемирный русский собор. Второй этап. М., 1995. С. 73–74.

⁷⁴ См.: Красиков А. Глобализация и православие... С. 60.

⁷⁵ См.: Красиков А. Глобализация и православие... С. 85–86.

что Церковь может давать оценки действиям государственной власти, тогда как последняя не может давать такой оценки действиям церковной власти, кроме как в качестве юридического лица.

Таким образом, определены рамки «сотрудничества» Церкви с государством: первая утверждается как авторитет-институт, стоящий над властью, имеющий право указывать последней, что есть правое (точнее богоугодное), а что есть не правое дело. Более того, Церковь может даже «отказать государству в повиновении» (т.е. оправдать гражданское неповиновение) в случае, «если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям»⁷⁶. Государство же, как нижестоящее в подобном «сотрудничестве», обязано оказывать помощь и содействие Церкви, однако ему не дозволено «судить» о позициях или действиях последней.

В духе приверженности к имперским амбициям прошлого Русская православная церковь также подтвердила свою претензию на особое (фактически монопольное) положение в России, заявив, что она «вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с другими религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика, их гражданскую позицию»⁷⁷.

По мнению М.Т. Степанянца, «официальное православие продолжает претендовать на «системообразующее начало русской традиции», на роль так называемого российского цивилизационного вектора. Поэтому столь важными для нее являются взаимоотношения с государством. Хотя, конечно же, ныне, ввиду изменившихся объективных обстоятельств, Церковь уже не в состоянии придерживаться безоговорочно и открыто протекторатной позиции»⁷⁸. На фоне духовной

⁷⁶ Цит. по: Церковь: шаг в новый век. Итоги дискуссии. М., 2000. С. 60.

⁷⁷ Там же. С. 45.

⁷⁸ Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М.Т. Степаняц. М.: Вост. лит., 2003. С. 8.

дезориентации общества вполне понятно возникновение и упрочение представлений о возможности церковных институтов стать панацеей от социально-нравственных болезней современного социума. Надо полагать, именно такая ситуация ведет к следующему суждению одного из авторов книги по вопросам религии и идентичности: церковь продолжает проявлять склонность к изоляционизму, будучи убежденной в своей исключительности, правда не для приближения прихода «Третьего Рима», как это было в дореволюционном прошлом, но для утверждения себя в роли конечной духовной инстанции, безоговорочного авторитета в новой России⁷⁹.

В исламе с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной: возникшая в VII веке в Медине община верующих – умма была надродовой, надплеменной организацией, создание которой ознаменовало первый этап на пути становления государственности. В этом заложено одно из важных различий ислама и христианства, которое в рамках развитого государства обусловило самостоятельность Церкви и обособленность ее от светской власти, конечно, имея в своей истории и «папоцезаризм», и «цезаропапизм». Тесная, нередко практически неразрывная связь Русской православной церкви с дореволюционным Российским государством (возрождения этой связи и сегодня желали бы некоторые из религиозно ориентированных державников) не была в своей основе доктринально оправданной. Она явилась продолжением и дальнейшим развитием унаследованных Россией традиций Византии, т.е. следствием истории, а не доктринальных положений религии. В исламе же, напротив, идея тождественности религии и государства заложена изначально, а потому фундаментальна⁸⁰.

«Знайте, – утверждал один из самых авторитетных мусульманских теологов Газали, – шариат есть основа, а го-

⁷⁹ Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М.Т. Степаняц. М.: Вост. лит., 2003. С. 8.

⁸⁰ Там же. С. 11.

сударство страж. Если что-либо не имеет основы, оно неизбежно потерпит крах, а если что-нибудь не охраняется, оно может быть разрушено и утрачено»⁸¹.

С точки зрения доктринального ислама национализм – это асабийя (букв. «сознание единства», «любовь ко всему своему»), т.е. групповая солидарность, сравнимая с лояльностью исключительно по отношению к своему племени, что было характерно для самого раннего периода существования арабского общества. По преданию, пророк Мухаммад осудил этот принцип: «Тот, кто обращается к асабийя, не принадлежит к нашей общине»⁸². Здесь можно отметить тот момент, что именно обращение ко всем людям независимо от национальности, расы и социального статуса делает религию мировой. Вместе с тем нельзя забывать того, что Коран констатирует создание людей народами и племенами и само появление мазхабов во многом связано с культурно-историческими особенностями народов, проживающих в различных регионах мира.

Абсолютизация одной стороны исламской религиозной системы приводит к фундаменталистским идейно-политическим конструкциям. «И по духу, и по целям, - утверждал основатель и идеолог одной из наиболее влиятельных исламских фундаменталистских организаций, «Джамаат-и ислам», Абул Ала Маудуди, – ислам и национализм прямо противоположны друг другу... Конечная цель ислама – мировое государство, в котором будут ликвидированы расовые и национальные предрассудки; все человечество образует единую культурную и политическую систему...»⁸³.

Многочисленные примеры того, как связь ислама с национализмом крепнет или, наоборот, ослабевает в зависимости от исторических обстоятельств, от конкретной социально-политической ситуации, демонстрирует история мусульманства в России.

⁸¹ Цит. по: Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М.Т. Степаняц. М.: Вост. лит., 2003. С. 11.

⁸² Там же. С. 12.

⁸³ Там же.

В связи с распадом Советского Союза у татар, башкир, чеченцев и иных мусульманских народов, так же, как и у других компактно проживающих этнических меньшинств, появилась возможность заявить о себе как о нации, т.е. общности не только культурной, но и политической.

Политическая элита, желая заполучить как можно больше суверенитета – независимости от федерального центра, в то же время учитывает, во-первых, этнический состав Татарстана (по данным переписи 1989 г., основное население республики составляют 48% татар, 43% русских), а во-вторых, географическое положение, при котором выход из границ Российской Федерации практически невозможен. Желая избежать этнических столкновений, сохранить политическую стабильность и одновременно добиться в переговорах с Москвой максимально возможной самостоятельности, руководство Республики в Декларации от 30 августа 1990 г. провозглашает суверенитет Татарстана от «имени многонационального народа», утверждая «неотъемлемое право татарской нации, всего народа Республики на самоопределение»⁸⁴. Уже спустя два года в конституции Республики Татарстан, принятой 6 ноября 1992 г., официальная Казань заменила формулировку «татарская нация».

Хакимов считает, что ситуация в Татарстане аналогична той, что характерна для Швейцарии, – их объединяет наличие полиэтнической нации, состоящей из нескольких равноправных этносов. Здесь также складывается «полиэтническое, поликультурное сообщество, опирающееся на принцип территориального (а не этнического) суверенитета»⁸⁵.

Полиэтничность «татарской нации» призвана отодвинуть на задний план конфессиональную принадлежность в иерархии факторов, определяющих идентичность жителей Татарстана, а в случае с Дагестаном, напротив, ориентации на деэтничность способствует акцентирование конфессиональ-

⁸⁴ Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. 1990–1995. Казань, 1996. С. 5.

⁸⁵ См.: Хакимов Р. Сумерки (К вопросу о нации и государстве). Казань, 1993.

ной идентичности. Исламский фактор в Дагестане скорее объединяет жителей Республики, чем разъединяет их, как в Татарстане⁸⁶.

Опираясь на результаты анализа законотворческой и практической деятельности по реализации политики в сфере свободы совести в России и Татарстане имеется основание дать периодизацию политики в данной сфере, выделяя два основных этапа: секулярный и постсекулярный. Во многих странах четко выделяется секулярный этап, который характеризуется исключением религии из политического процесса, а постсекулярный этап – отходом от политики секуляризма и усилением влияния религиозного фактора на политический и общественный процесс, обозначением государственных предпочтений в отношении «традиционных» конфессий. Существуют особенности содержания моделей государственной политики в области свободы совести в России и в отдельных ее субъектах, например, в Татарстане.

Таким образом, в вопросах функционирования конфессий в обществе и обеспечения гарантии свободы совести существуют различные позиции и мнения. Вместе с тем основной вектор развития конфессиональных процессов и обеспечения прав человека в сфере свободы совести базируется на законодательных документах, учитывающих требования международных норм. Теоретико-методологические основы сравнительного политологического анализа научной проблемы позволяют рассматривать государственную политику в сфере свободы совести как самостоятельную разновидность государственной политики, выделяя ее политические функции, мировоззренческие и институциональные основы, а также основные параметры ее эффективности.

⁸⁶ Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М.Т. Степаняц. М.: Вост. лит., 2003. С. 17.

3. Наука прямого действия: реализация проекта «Культура, религия и общество»

В Татарстане накоплен уникальный опыт межконфессиональных отношений, в развитие которых группа ученых в течение последних полутора десятка лет и более вносит серьезный научно-практический вклад. По инициативе данной творческой группы ученых рождается своеобразный институт гражданского общества в период, когда были востребованы социально ответственные действия конкретных людей обновляющейся России. По счастливому стечению обстоятельств эта группа ученых Казанского федерального института оказалась в эпицентре процесса религиозного возрождения и государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, выполнив своеобразную функцию науки прямого действия, работая внутри государственных структур. Во многом благодаря этой группе ученых в Татарстане был накоплен существенный опыт системной социокультурно-правовой координации государственно-межконфессиональных отношений. Это стало моделью регулирования конфессиональных вопросов и реализации принципов свободы совести в современной России в условиях Татарстана. Интеллектуально-методическим продуктом, сопровождающим их деятельность, явился научно-исследовательский цикл изданий «Культура, религия и общество», посвященный изучению межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений в Республике Татарстан (23 выпуска), вышедших в свет в 1997–2013 гг. Они отражают содержание и этапы решения поставленной задачи, способы и формы практического применения научных подходов и изысканий.

К концу 90-х годов XX века совершенно явственно обнаружилось последствие распада Советского Союза и образования новых государств. В постсоветских сообществах стали пересматривать представления о самих себе, столкнулись с противоречиями между старыми и новыми идентичностями.

ми, в том числе национальными и конфессиональными. На обострение кризиса самосознания влияли как условия усиливающейся глобализации, так и развертывавшиеся на постсоветском пространстве процессы нарастания социальной напряженности, продолжавшиеся межэтнические и межконфессиональные конфликты, рост сепаратизма и национального экстремизма.

Закономерным является то, что в этих условиях российское руководство стремилось мобилизовать здоровые силы российского социума для противодействия политическому экстремизму, включая разработку законодательства, направленного на предупреждение и устранение его причин и условий⁸⁷.

Исторический опыт многих стран свидетельствует, что для нормализации конфликтной ситуации в этнической и религиозной сферах эффективной стратегией является системная социокультурно-правовая координация государственно-конфессиональных отношений, развитие межкультурного диалога, который в общественно-политической практике разворачивается в виде множества микродиалогов на всех уровнях и этажах жизнедеятельности социума. Опираясь на этот подход, ученые-гуманитарии Республики Татарстан приступили к активному изучению истории и современного развития межэтнических и конфессиональных отношений в Поволжском регионе.

Поэтому вполне обоснованным выглядит замысел коллектива ученых Казанского университета обратиться к комплексному изучению опыта культурного взаимодействия народов Татарстана. Была поставлена цель на основе меж-

⁸⁷ 27 октября 1997 г. президентом РФ был издан Указ № 1143 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации»; Государственная Дума 19 марта 1999 г. приняла постановление «Об истоках политического экстремизма в Российской Федерации»; 25 августа 2001 г. правительством РФ было принято постановление № 629 «О Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)». В различных регионах России были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие круг вопросов, относящихся к проявлениям экстремизма, с учётом местной специфики.

дисциплинарного изучения проблемы выявить в контексте конфессиональной сферы главные условия устойчивого развития региона, достижения межконфессионального согласия как существенного фактора адекватного ответа на вызовы глобализации и угрозы религиозно-политического радикализма.

Научно-исследовательский проект «Культура, религия и общество» разработан авторским коллективом в составе Набиева Р.А. (руководитель работы), Бухараева В.М., Мягкова Г.П., Хабутдинова А.Ю., Гафарова А.А. Важным фактом является и то, что в 2013 году проект был выдвинут ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» на соискание Государственной премии РФ в области науки и техники. Цель проекта – теоретико-методологическое осмысление феномена развития межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений в Республике Татарстан – полиэтноконфессиональном субъекте Российской Федерации для научного осмысления и практического использования в организационно-управленческой и педагогической деятельности. Результаты работы обобщены в серии книг (выпуски 1–23), опубликованных в 1997–2013 годах. Не случайно, а вполне закономерно, что при формировании, развитии и реализации этого проекта в качестве идейно-организационного ядра стали именно указанные авторы, каждый из которых будучи известным ученым, а также практиком дополнил важнейшие направления работы. В частности, в этом коллективе имеются члены Президиума и Экспертного совета ВАК РФ, один из них более десяти лет проработал в госструктуре, третий – в качестве советника ректора федерального университета, четвертый – в качестве руководителя структурного подразделения Российского общества интеллектуальной истории, являясь кроме того известным методологом; пятый исследователь представил по итогам работы в проекте докторскую диссертацию и т.д.

В итоге разработана современная методологическая и концептуально-теоретическая основа программы изучения

истории и современного развития государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений в полиэтническом регионе; фронтально и комплексно исследован ряд ключевых проблем истории конфессий и государственно-конфессиональных отношений в Волго-Уральском регионе, культурно-исторический опыт взаимодействия ислама и христианства; формирование традиций российских мусульман в их взаимоотношениях с российским обществом и государством; раскрыт потенциал преподавания гуманитарных дисциплин, формирования исторического сознания как фактора и базы этнокультурной толерантности и гармонизации межконфессиональных отношений; важные научные разработки использованы в политико-практической деятельности и прошли апробацию в качестве модели системной социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений.

Дополнительным импульсом к реализации намеченного проекта явилось назначение автора данной работы как представителя научного круга единомышленников из Казанского университета в июне 1997 г. председателем Совета по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан. Это обстоятельство усилило практическую направленность и значимость исследований, предопределило повышенное внимание к проблеме государственно-конфессиональных отношений. Последние выдвинулись к рубежу столетий на передний край общественной жизни: 90-е годы XX века стали временем освобождения сферы конфессиональных отношений от жесткого идеологического контроля партийно-советского государства, временем бурно разворачивавшегося процесса религиозного возрождения, что нашло проявление в стремлении возратить традиционные духовно-нравственные ценности народов, стремительном росте религиозных объединений, как традиционных, так и сравнительно новых для нашей страны.

Оборотной стороной религиозного возрождения явилось значительное усиление конфликтогенности в сфере

межрелигиозных отношений, в связи с чем в политических и научных кругах росло понимание необходимости системной общественно-научной и правовой координации государственно-конфессиональных отношений. Важной вехой стало принятие федерального и республиканского законов «О свободе совести и религиозных объединениях» в конце 1990-х годов⁸⁸.

Татарстан как регион с высоким уровнем национальной и религиозной толерантности представляет особый интерес с точки зрения выработки механизмов стабильного развития полиэтнической и поликонфессиональной территории. Взаимопонимание в вопросах свободы совести, вероисповедания, твердая позиция руководства республики по недопущению религиозного экстремизма всегда составляли основу государственной политики Татарстана в сфере национальных и межконфессиональных отношений.

Продуктивное изучение межконфессиональных отношений и практическое применение результатов изучения трудно осуществить без научной координации исследовательских проектов и консолидации усилий. Исходя из этого, Совет по делам религий при Кабинете Министров Республики Татарстан в рамках реализации проекта «Культура, религия и общество» инициирует заключение договора о научном сотрудничестве с Институтом истории Академии наук Татарстана, который был подписан 8 июля 1999 г. руководителями этих структур Р. Набиевым и Р. Хакимовым⁸⁹.

Стороны принимали во внимание значение ислама в духовной культуре татарского народа, сыгравшего определяющую роль в формировании уклада жизни, мировоззрения и гуманитарных ценностей татарского общества, особую актуальность организации научно-исследовательской работы по изучению истории ислама и мусульманского богословия.

⁸⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях»; Закон Республики Татарстан от 28 августа 1999 года «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁸⁹ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Договор между Советом по делам религий при КМ РТ и Институтом истории Академии наук Республики Татарстан от 8 июля 1999 года.

Для проведения комплексных фундаментальных и прикладных исследований в области исламоведения и татарской богословской мысли решили сотрудничать по следующим направлениям: координация научно-исследовательских работ по исламоведческой проблематике; изучение памятников исламской культуры татарского народа - мусульманской культовой архитектуры, конфессиональных учебных заведений, объектов, связанных с именами видных представителей мусульманского духовенства, ученых-теологов и педагогов; проведение историко-архивных и библиографических исследований в архивных, музейных и библиотечных собраниях Республики Татарстан и Российской Федерации по проблемам, представляющим взаимный интерес; подготовка и издание энциклопедического справочника по исламу; разработка концепций, программ, учебных и методических пособий для мусульманских учебных заведений; экспертиза государственных программ, проектов, научно-исследовательских работ по проблемам исламоведческих исследований; организация и проведение исследовательских проектов, научных конференций, симпозиумов, совещаний и рабочих встреч; совместная издательская деятельность и др.⁹⁰. Данное соглашение оказалось весьма продуктивным и продолжает функционировать в рамках проекта «Культура, религия и общество» Научно-исследовательской лаборатории «Межконфессиональные и государственно-конфессиональные отношения: отечественный и зарубежный опыт», действующей при кафедре политической истории и мировой политики КФУ.

Основные направления научно-исследовательского проекта показывают специфику и объем проделанной работы. Первым крупным мероприятием в рамках намеченного исследовательского проекта стала международная научно-практическая конференция «Религия в современном обще-

⁹⁰ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Договор между Советом по делам религий при КМ РТ и Институтом истории Академии наук Республики Татарстан от 8 июля 1999 года.

стве: история, проблемы, тенденции» (Казань, 2–3 октября 1997 г.), организованная Советом по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан совместно с Казанским государственным университетом, Академией наук РТ и Госкомитетом РТ по делам детей и молодежи. Впервые в республике проблемы религии в современном обществе обсуждали на одной площадке учёные, теологи, представители государственных и религиозных структур. Итоговый документ конференции обозначил точки взаимопонимания сторон, явился реальной основой ряда важных практических шагов и со стороны власти, и со стороны конфессий⁹¹. Данное мероприятие способствовало выработке и принятию Закона Республики Татарстан «О свободе совести и религиозных объединениях» (1999).

Подготовленное к открытию конференции справочное издание «Религиозные организации Республики Татарстан» (Казань, 1997) открыло цикл публикаций в рамках исследовательского проекта «Культура, религия, общество». Тем самым было положено начало издательской серии, публикации которой призваны были отражать результаты исследований, а также способствовать созданию новых исследовательских полей, обозначению проблем для широкого научного и общественно-политического обсуждения и практической реализации научно-исследовательских результатов.

Развернутый коллективом авторов проект опирается на принцип внутренней взаимосвязи теоретических наработок и форм их практической реализации. Основными направлениями были избраны:

1) *научное*: изучение истории и современного состояния государственно-конфессиональных и этноконфессиональных отношений, духовной культуры и религиозной жизни Волго-Уральского многонационального региона;

⁹¹ См.: Итоговый документ Международной научно-практической конференции «Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции» (Казань, 2–3 октября 1997 г.). Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Вх. № 140 от 10 октября 2007 года.

2) *просветительское*: распространение полученных результатов исследований;

3) *педагогическое*: изучение и освоение методологии и методики преподавания истории, опыта формирования межконфессиональной толерантности.

Осуществлѐние научных исследований сопровождается практической реализацией задуманного проекта с тем, чтобы системным образом обеспечить процесс социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений.

Результаты работы над проектом (1997–2012 гг.) представлены в изданных 22 выпусках книг, составивших серию «Культура, религия и общество». В их числе:

1) монографические исследования⁹²;

2) аналитические материалы, научно-справочные и энциклопедические словари⁹³;

⁹² **Монографические исследования:**

• Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / **Вып. 6**. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. 244 с;

• Ислам в Татарстане: Опыт толерантности и культура сосуществования / **Вып. 9–10** / Авт. сост. Набиев Р.А., Хабутдинов А.Ю. Казань: Мастер-Лайн, 2002; 2-е изд. Казань, 2005. 102 с. (на русском и английском языках);

• Набиев Р.А., Гафаров А.А., Циунчук Р.А. Российские мусульмане в этноконфессиональных процессах XIX–XXI вв. / **Вып. 20**. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. 260 с.

⁹³ **Аналитические материалы, справочники и словари:**

• Религиозные организации Республики Татарстан / **Вып. 1**. Казань, 1997. 116 с.;

• Религия и общество. Справочник / **Вып. 3**. Казань, 1998. 160 с;

• Краткий религиозоведческий словарь-справочник на русском и татарском языках / **Вып. 4**. Казань: Мастер-Лайн, 2000. 208 с.;

• Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения. Словарь-справочник / **Вып. 8**. Казань: Арт-кафе, 2001. 394 с. (на русском и татарском языках);

• Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане / **Вып. 11**. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2003. 224 с.;

• Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. **Вып. 12**. Казань: Магариф, 2004. 393 с.

• Религии и религиозные объединения в Республике Татарстан. Справочник / **Вып. 13**. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2004. 152 с.

3) труды конференций и семинаров⁹⁴;

⁹⁴ **Труды конференций и семинаров:**

- Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Тезисы и доклады международной научно-практической конференции / **Вып. 2** / под ред. Р.А. Набиева. Казань, 1998. 230 с.;
- Муса Бигиев: Мирас һәм хәзерге заман. Халыкара фәнни конференция материаллары. Мәкаләләр жыйнагы. «Мәдәният, дин һәм җәмгыять» сериясенә 5-нче чыгарылышы. (Муса Бигиев: Наследие и современность. Сборник статей. Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 5** / под ред. Р.А. Набиева. – Казан: Гөлстан, 2000. 188 б.;
- Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. Материалы международной научно-практической конференции 16–17 ноября 2000 г. Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 7** / под ред.: Р.А. Набиев и др. Казань: Арт-кафе, 2001. 312 с.
- Векторы толерантности: религия и образование. Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 14** / под ред. Р.А. Набиева. Казань: Магариф, 2006. 239 с.;
- Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ / **Вып. 15** / под ред. Р.А. Набиева. Казань: Магариф, 2006. 415 с.;
- Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения: Сборник статей и сообщений научной конференции, посвященной памяти профессора С.М. Михайловой / **Вып. 16** / под ред. Г.П. Мягкова, Р.А. Набиева. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 512 с.;
- Проблема качества исторического образования в системе высшей школы: Сборник научных статей и сообщений. Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 17** / Составители и ответственные редакторы Г.П. Мягков и Р.А. Набиев. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2008. 250 с.
- Историческое образование в высшей школе: формирование специалиста и гражданина: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 19 (1)** / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2010. 330 с.
- Историческая наука и образование в условиях современных вызовов. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 22–23 ноября 2012 г. Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 19 (2)** / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев. Казань, 2012. 308 с.
- Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 13–14 октября 2011 г. / Серия «Культура, религия и общество». **Вып. 21** / под общей ред. Р.А. Набиева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 315 С.
- Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы международной научной конференции (Казань, 23–24 мая 2013 г.) Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 23** /сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2013. 410 с.

4) учебные и научно-методические пособия⁹⁵.

В рамках научно-исследовательского проекта были проведены следующие научные исследования, в которых были реализованы основные положения проекта:

1. Разработана современная, с учётом достижений отечественной и зарубежной историографии, философской и религиоведческой мысли, методологическая и концептуально-теоретическая основа исследовательской программы изучения истории и современного развития государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений в полиэтническом регионе. Изучены ценности и ориентиры ислама и христианства в научно-философском и теологическом измерениях. Определены направления изучения религиозных идей и текстов как объектов научно-рационального и богословского анализа.

2. Предпринято фронтальное комплексное исследование ряда ключевых проблем истории конфессий и государственно-конфессиональных отношений в Волго-Уральском регионе, включая: распространение ислама в Восточной Европе; развитие мусульманских учебных заведений, начиная с XVIII в. и мусульманского реформаторского движения в конце XIX – XX вв.; культурно-исторический опыт эволюции взаимодействия ислама и христианства; формирование традиций российских мусульман в их взаимоотношениях с российским обществом и государством; выделены характерные черты религиозной политики советской власти на различных этапах эволюции советско-партийного государства, в особенности в отношении мусульманской уммы.

3. Выявлены характерные черты феномена религиозного возрождения; изучена динамика государственно-религиозных отношений и этноконфессиональных процессов

⁹⁵ **Учебные и научно-методические пособия:**

• История Отечества: Пути к углубленному изучению: специальные курсы кафедры политической истории: программы, методические указания и литература / **Вып. 18** / под ред. проф. Р.А. Набиева. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 112 с.;

• Набиев Р.А., Гафаров А.А., Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в России: учебное пособие. **Вып. 22**. Казань, 2013. 204 с.

в условиях социальных сдвигов конца XX – начала XXI вв.; проанализированы процессы формирования толерантных отношений и утверждения культуры сосуществования основных традиционных религий; выявлено соотношение традиций и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий, дана характеристика места и роли религии в духовно-нравственных, социокультурных и идейно-политических процессах современного общественно-политического процесса; раскрыт потенциал преподавания гуманитарных дисциплин как способа гармонизации межконфессиональных отношений.

Важнейшей особенностью реализации проекта является её практико-ориентированный характер. Для развития взаимопонимания религий в России впервые Советом на постоянной основе с 1997年开始 осуществляется ежегодное издание выпусков Серии «Культура, религия и общество», в числе которых научно-справочные, научно-методические издания: «Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь» (вып. 12, 2004), «Православие в поликонфессиональном обществе (вып. 15, 2006), «Векторы толерантности: религия и образование» (вып. 14, 2002). Они стали основой при разработке важных аналитических записок и предложений, при проведении регулярных семинаров для государственных служащих по государственно-конфессиональным отношениям, при работе с различного уровня звеньями государственных и религиозных структур. Постоянный режим диалога и просвещение в целях взаимопознания – это верный путь к формированию межконфессиональной толерантности.

Выявленные в ходе научных исследований и дискуссий формы взаимодействия государственных и религиозных структур позволили привлечь внимание многих субъектов Российской Федерации к опыту выстраивания государственно-конфессиональных отношений в Татарстане. Исходя из результатов научных исследований было выдвинуто предложение о создании впервые в России Комиссии по вопросам государственно-конфессиональных отношений. Важным со-

бытием стала выработка Положения об экспертном Совете для проведения государственной религиозной экспертизы при Совете по делам религий при Кабинете Министров Республики Татарстан (см.: вып. 11. С. 207, 204–205).

Созданные на основе проведенных исследований научно-справочные издания «Религия и общество» (вып. 3, 1998), «Религия и религиозные объединения в Республике Татарстан» (вып. 13, 2004) предложили наряду с законодательными актами, составом и положением о комиссии по вопросам государственно-конфессиональных отношений важные научно-исследовательские материалы по различным конфессиям в Республике Татарстан (вып. 3. С. 59–114; вып. 13. С. 64–124). В этих научно-справочных изданиях представлены апробированные на республиканском уровне научно-практические результаты поисков в сфере межконфессиональных отношений. Они получили экспертную оценку на Всероссийской научно-практической конференции «Ислам в России: традиции и перспективы» (Москва, 4–5 декабря 1997 г.).

Подготовленные в рамках реализации законов «О свободе совести и о религиозных объединениях» и «Закона о языках Республики Татарстан», словари «Краткий религиозно-ведческий словарь-справочник на русском и татарском языках» (Казань, 2000) и «Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения» (Казань, 2001; на русском и татарском языках), ставшие соответственно выпусками 4 и 8 серии, обосновали новые подходы к разработке проблем конфессиональной терминологии, учитывающие исламо-татарские и православно-русские языковые традиции, а также специфику богословской терминологии у крещеных татар. Они позволили вскрыть конфессиональные традиции народов региона, обогатить богословско-теологическую терминологию, что особенно важно в условиях реализации государственного двуязычия в РТ. Работа над словарями способствовала обогащению методологического инструментария, который востребован в практике создания энциклопедий. Она легла в основу подготовленного и изданного в 2004 г.

в рамках проекта энциклопедического словаря «Ислам на европейском Востоке» (Вып. 12. Казань: Магариф, 2004. 383 с.).

В словаре «Ислам на Европейском Востоке» были впервые в комплексе даны: основные термины, касающиеся богословия и философии российских мусульман региона; биографии мусульманских лидеров региона (муфтии, улемы, мударрисы, суфийские шейхи, благотворители); история главных медресе и мечетей, религиозных и общественных организаций, органов печати; описание традиций и объектов мусульманской архитектуры, литературных памятников и биографий их создателей. Особенностью и новизной словаря стал анализ крупных богословских, исторических и литературных произведений российских мусульман (татар), что в дальнейшем широко использовалось в других научных энциклопедических проектах.

В итоге надо отметить, что проект энциклопедии подтвердил эффективность взаимодействия Совета по делам религий при КМ РТ с централизованными религиозными структурами в вопросах осмысления прошлых традиций. В частности, именно Первый заместитель Муфтия РТ В. Якупов обратился к Совету с просьбой о создании энциклопедического словаря.⁹⁶ Архиепископ Анастасий в специальном обращении Премьер-министру РТ Р.Н. Минниханову благодарил Совет по делам религий при КМ РТ за совместную работу по проведению международной конференции и издание ее материалов «Православие в поликонфессиональном обществе», которые, по его оценке, явились важным вкладом в развитии мира и согласия в обществе и полезными в учебном процессе в семинарии⁹⁷. В этом плане знаковым было обращение ДУМ РТ к председателю Совета по делам религий Р.А. Набиеву в 2001 году о подготовке и издании книги по вопросам истории взаимоотношения государства и религиозных объединений для использования в религиозных учебных заведениях. В рамках деятельности научно-ис-

⁹⁶ Деятельность ДУМ РТ в 2002 году. Казань: Изд-во «Иман», 2005. С. 58.

⁹⁷ Текущий архив Совета по делам религий, вход. № 80, 2006 г.

следовательского проекта «Культура, религия и общество» данная работа была осуществлена и предложена заинтересованным учреждениям, ученым и всем, кто интересуется этой проблемой⁹⁸. Таким образом, происходил уникальный для первых лет религиозного возрождения весьма важный диалог государства и религий на уровне научно-методического обеспечения осмысления процесса религиозного возрождения и утверждения добрых традиций толерантности и взаимопонимания культур (в частности, см.: Минарет 2005, № 2 выступление А. Игнатенко во время презентации словаря в Полпредстве РТ в РФ)..

Осмысление истории и современного состояния теоретико-правовых и политико-практических форм взаимоотношения власти и религии (в том числе инициированного авторами закона РТ «О свободе совести и религиозных объединениях») осуществлено в выпусках Серии: «Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане» (вып. 11, 2003), «Ислам и государство» (специальный вып. 6, 2002), «Государственно-конфессиональные отношения в России» (вып. 22, 2013).

В данном проекте изучен опыт взаимодействия представителей различных конфессий, прежде всего Ислама в лице татар и Христианства в варианте Православия в лице русских на территории Республики Татарстан. РТ является редчайшим примером конструктивного и поступательного развития, произошедшего между переписями 2002 г. и 2010 г. в Татарстане и его столице Казани увеличилась численность как русского, так и татарского населения, что является исключительным примером прогресса как нации, составляющей большинство в государстве, так и титульной этнической группы в республике.

Несмотря на кризисные явления в конце 1990-х годов и в начале 2000-х годов в Татарстане была выстроена эффективная модель становления общин представителей

⁹⁸ Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / Серия: «Культура, религия и общество». **Вып. 6.** Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

традиционных религий и развития государственно-конфессиональных отношений. Важную роль здесь играл Совет по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан, который в 1997–2007 гг. работал в обновленном составе⁹⁹. Такая сильная научно-интеллектуальная и творческая группа, собравшаяся в рамках правительственной структуры, оказалась способной решать сложные задачи, поставленные обществом и руководством республики в тот непростой период религиозного возрождения.

Исторически сложившаяся многонациональная и многоконфессиональная российская формация, расположенная на евразийском пространстве, имеет задачу по-новому устроить свою жизнь, исходя из интересов регионов. Одним из таких уникальных мест является Республика Татарстан, где дух толерантности и культуры сосуществования различных религий сложился более чем за тысячелетний период. Сегодняшняя религиозная палитра отражает разнообразие, сложившееся в результате взаимовлияния и взаимодействия многих государств, культур и религий.

Представляются интересными изменения в религиозной жизни за десять лет постсоветского периода. На 1 июля 2001 г. с учетом перерегистрации ранее действовавших и впервые зарегистрированных организаций на территории Республики Татарстан в государственный реестр внесено 1126 религиозных организаций. Из них: мусульманских – 892, православных – 172 (Русская Православная церковь Московского Патриархата – 156, Истинно-Православная церковь – 12, Российская автономная Православная церковь – 1, старообрядцы – беспоповцы – 2, старообрядцы-поповцы – 1), католики – 2, иудаисты – 4, протестанты – 51 (лютеране – 1, евангельские христиане-баптисты – 4, евангельские христиане – 11, адвентисты седьмого дня – 13, харизматы – 1,

⁹⁹ В обновленном составе в эти годы работали известные ученые и практики: доктора и кандидаты наук Р.А. Набиев – председатель Совета, В.М. Бухараев, В.П. Козлов, И.П. Корнилов, Е.В. Липаков, В.В. Никифоров, М.Н. Фасихова, А.Ю. Хабутдинов, опытные и молодые специалисты Ю.В. Михайлов, В.Р. Абдулхаева.

новоапостольская церковь – 2, христиане веры евангельской – 16, Свидетели Иеговы –3), ахмадийя – 1, вискарионовцы – 2, бахаи –1, вайшnavы (кришнаиты) – 2.

В 2000 году верующим было передано 3 культовых здания (1 мечеть и 2 церкви), построено и отреставрировано 37 культовых зданий (31 мечеть и 6 церквей), в стадии строительства и реставрации – 129 зданий (103 мечети и 26 церквей). Всего верующим за последние 11 лет (с 1989 г.) возвращено более 100 культовых зданий, включая 28 мечетей и 69 церквей. В настоящее время в пользовании и собственности религиозных организаций республики 891 мечеть и 152 церкви (по сведениям ДУМ РТ и Казанской епархии).

Государственно-конфессиональные отношения развиваются в соответствии с логикой переживаемого этапа религиозного возрождения. Их отличительной чертой является формирование новой модели взаимоотношений государства и религиозных структур. Данная модель постепенно получает свое правовое, общественно-политическое, организационное оформление. Недавно христиане всего мира отмечали 2000-летие христианства. В Республике Татарстан, кроме чисто церковных мероприятий, осуществлялась реализация специальной программы по празднованию памятных исторических дат – 2000-летия христианства и 1400-летия начала распространения ислама в России, утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан № 508 от 12 июля 2000 г¹⁰⁰.

В последние годы религиозные организации занимаются разработкой документов, в которых получают отражение наиболее актуальные вопросы их взаимоотношений с государством, обществом в целом. («Основы социальной концепции Русской православной церкви» и «Основы социальной программы российских мусульман», принятые Советом муфтиев России.). Потребность в развитии общественных отношений вызвала научный интерес к созданию проектов

¹⁰⁰ См.: Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Вх. № 21-07 от 14 июля 2000 г.

концепции государственно-конфессиональных отношений, поскольку государственная позиция в вопросах места и роли традиционных религий, новых и традиционных направлений в светской и демократической федерации должна быть четко и стратегически определена.

В феврале 1998 г. достигнуто организационное единство мусульман РТ и создан единый централизованный орган в лице Духовного Управления Мусульман Республики Татарстан. Основной тенденцией данного периода является утверждение внутриконфессиональной стабильности и создание мусульманских институтов, что значительно облегчает взаимодействие государственных органов с мусульманским духовенством, а также упорядочивает работу внутри самих мусульманских религиозных организаций, входящих в структуру ДУМ РТ. В ДУМ РТ 8 отделов: учебный, научный, статистический, пропаганды и призыва, архитектуры, вакуфов, пресс-центр, международных связей, имеются 45 мухтасибатов. Религиозно-судебную власть ДУМ РТ осуществляют Главный (Баш) казый и находящиеся в его подчинении районные казыи.

Возрожденческие процессы в мусульманской умме не всегда проходят спокойно. На этом фоне особенно живучей является проблема распространения различных радикальных течений, прикрывающихся маской ислама и подрывающих устои традиционного ислама. Уже в 2000–2002 г. участники проекта Р.А. Набиев и А.Ю. Хабутдинов¹⁰¹ указывали, что особенно актуальной стала проблема распространения в России идей ваххабизма, их использования для подрыва религиозных и национальных традиций, борьбы с органами государственной власти. Проблема распространения этих течений неразрывно связана с подготовкой кадров духовен-

¹⁰¹ Ислам в Татарстане: Опыт толерантности и культура сосуществования. Серия «Культура, религия и общество». Вып. 9–10. Авт.-сост.: Набиев Р.А. и др. Казань: Мастер-Лайн, 2002; См. также: Хабутдинов А. Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. N 2 (9).

ства и особенно тех, кто получает религиозное образование за рубежом. Для спокойного духовного развития России, в особенности в регионах традиционного распространения ислама, проводится политика возрождения и развития национально-религиозных традиций, которые выработаны многими поколениями.

1990-е гг. стали для Татарстана периодом небывалой религиозной свободы, сравнимой только с периодом между революциями 1917 г. Открытие учебных заведений и мечетей, издание религиозной литературы, обучение за рубежом и приезд религиозных преподавателей из других государств – в таком масштабе этого не происходило ни в одном из предыдущих периодов. Однако наряду с расцветом ислама неизбежно проявились и болезни роста, прежде всего связанные с нехваткой специалистов в области догматики и религиозного образования. Поэтому не могло не возникнуть стремления консервировать ислам на уровне отдельных сельских общин по примеру советского периода или заимствовать иностранные образцы. В свое время джадидизм одержал победу именно благодаря союзу улемов, светской интеллигенции и буржуазии. Условия для такого процесса в современности складываются лишь постепенно. Свою роль играет и медленное формирование структур гражданского общества, слабость традиций гражданской культуры в России. Однако тысячелетняя традиция сосуществования народов и религий в рамках совместных государств, начиная с эпохи Золотой Орды, определяет сознание как политиков, так и простых граждан. Модернизация Ислама в конце прошлого и в начале этого тысячелетия оказала влияние на татар. Они прежде всего сумели выдвинуть на повестку дня принципы освоения современных образцов науки и культуры и гражданских институтов, не нарушая канонических основ религии. В 2000-нач. 2010-х гг. мало что изменилось в этом отношении, поскольку и сегодня необходимо решать указанные вопросы с учетом современных реалий. Татарстан и его столица Казань остаются местами, где отсутствуют межрели-

гиозные конфликты и люди воспринимают мозаику культур как часть своей повседневной жизни.

Таким образом, в условиях переходного периода, когда общество и государство определяло свои новые парадигмы развития, формируется научный коллектив, как элемент гражданского общества в целях способствования решения сложных государственно-межконфессиональных вопросов. Приглашенная в государственные структуры научная группа в рамках проекта «Культура, религия и общество» разработала и реализовала новую модель системной социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений в полиэтноконфессиональной среде.

Г л а в а II

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИТУАЦИИ СМЕНЫ ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Накануне глубоких перемен: власть и религия в контексте преодоления стереотипов и утверждения новых парадигм

В рамках советско-коммунистической системы в области теоретических подходов по отношению к религии ревизионистские тенденции не зарождались. Вместе с тем после Н.С. Хрущёва, когда он был смещён со всех партийных и государственных постов и отправлен на пенсию, произошли определенные изменения в конфессиональной политике. Новое руководство страны стремилось избавиться от наиболее одиозных моментов «хрущёвской эпохи», в том числе и массовых гонений на религию. В январе 1965 г. выходит постановление Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Спустя два года, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 10 января 1967 г., были существенно расширены права религиозных объединений в сфере найма, строительства и приобретения в собственность недвижимости для собственных нужд, а также разрешался колокольный звон и азан (призыв мусульман на молитву). Однако документ не был опубликован, что часто практиковалось в те годы.

В различных долгосрочных программах, принятых в этот период, наметилась более спокойная позиция власти по религиозному вопросу. В партийно-политической практике просматривалась отчётливая тенденция к допустимости «мирного» сосуществования социума верующих и духовенства с одной стороны и подавляющего большинства общества – людей с материалистическим мировоззрением – с другой¹⁰².

¹⁰² Ибрагимов Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань, 2005. С.113.

Наметившийся отход от радикальных методов 1920–30-х годов нашел отражение, в частности, в изменении отношения властей к служителям культа. Одним из способов определения степени лояльности духовенства к власти было наличие в их проповедях, проводимых в дни празднования различных коммунистических праздников, упоминаний о значимости последних. Представители всех конфессий активно занимались сбором денежных средств для фонда мира и общества охраны памятников, а последователи ислама – и в Отдел внешних мусульманских связей.

Особенностью в сфере применения методов борьбы с проявлениями религиозности стало усиление дифференцированного подхода к работе с верующими применительно к каждой конфессии. В частности, учитывая, что мусульмане с особым уважением относятся к старшим по возрасту, власти вносят коррективы в пропагандистскую работу среди верующих данной конфессии. В частности, в ноябре 1969 г. заместителем уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР в ходе беседы с заведующим отделом социального обеспечения города Альметьевска было рекомендовано воздействовать на активистов-мусульман незарегистрированной религиозной общины через Совет пенсионеров¹⁰³. Таким образом, во-первых, при ведении атеистической работы сохранялось уважительное отношение к верующим старшего поколения и, во-вторых, верующие среднего возраста и молодёжь, также, ввиду существующей традиции уважения к старшим, слушали агитатора-пенсионера.

Если в условиях хрущёвского натиска на религию и достаточно частого инициирования антирелигиозных постановлений местные органы власти должны были быть максимально активными в своей работе с верующими и духовенством, то в 1970-е гг. эта сфера деятельности исполкомов становится менее насыщенной. В брежневскую эпоху формализм проникает и в эту сферу, зачастую годовые отчёты исполкомов

¹⁰³ НА РТ, ф. Р-873, оп. 2, д. 41, л. 12.

по данному вопросу представляли собой шаблонный перечень мероприятий, из которых большая часть в действительности не была проведена.

В 1970-е гг. некоторой частью граждан Советского государства осознаётся очевидная декларативность провозглашаемых КПСС ценностей, утопичность намечаемых ею целей и задач. Коммунистическая идеология и пропагандируемое ею атеистическое мировоззрение оказались не состоятельны в решении многих вопросов, возникающих перед человеком на разных этапах его жизни. В этой связи религия для многих предстала как альтернатива официальной идеологии, как система нравственно-этических ценностей, способная заполнить духовный вакуум, образовавшийся у многих людей после разочарования в идеях коммунизма¹⁰⁴.

Некоторые представители конфессий были очень активны и демонстрировали завидную смелость и принципиальность в стремлении полностью реализовать свои права на удовлетворение религиозных потребностей. В этой связи можно отметить одно событие, выходящее из разряда обыденных. 14 марта 1975 г. верующий мусульманской общины г. Казани Минвалиев З., при поддержке Саматова А., Садыкова Х., Галлиулина Р., самовольно использовав громкоговорящее трансляционное устройство мечети, выступил перед верующими с призывами не подчиняться положениям законов о культах, требуя от органов власти полной свободы проповеднической деятельности среди населения мусульманских активистов, отмены некоторых предписаний Приволжского райсовета¹⁰⁵. К тому же, в этот день, а также 21 и 28 марта, Минвалиев и Садыков по-своему интерпретировали «Декларацию прав народов России», текст «Обращения к трудящимся-мусульманам России и Востока», заявляя, что органы власти ущемляют права верующих.

¹⁰⁴ Ибрагимов Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань, 2005. С.118.

¹⁰⁵ НА РТ, ф. Р-873, оп. 2, д. 45, л. 52.

Характерна в этой истории реакция и поведение властей. В первый же день обращения Минвалиева к верующим, т.е. 14 марта, уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР И.А. Михалёвым была проведена с ним и лицами, его поддерживавшими, соответствующая беседа, в ходе которой было сделано разъяснение о содержании законов о культах. Таким образом, со стороны властей не последовало каких-либо незамедлительных силовых мер воздействия, что могло бы иметь место при аналогичной ситуации в первой половине 1960-х гг.

В 1970-е гг. заметно возросла роль молодёжи в религиозной жизни. Организационно активизировалась сравнительно молодая часть верующих и других религиозных объединений. Так, осенью 1975 г. произошла смена руководства в мечети Марджани г. Казани, где из состава учредителей данного мусульманского объединения были выведены люди пожилого возраста, в результате чего председателем исполнительного органа мечети стал 42-летний рабочий Казанского завода Резино-технических изделий¹⁰⁶. Эти тенденции в религиозных объединениях стали неотъемлемой частью процесса активизации верующих.

Существенным фактором, обусловившим формирование нового поколения мусульман, стала способность духовенства адаптироваться к выполнению своих функций в условиях неблагоприятных внешних воздействий на мусульманскую умму со стороны государства. Своеобразным методическим центром в Казани в эти годы стала мечеть Марджани. В проповедях её имамов отчётливо просматривалась гражданская и нравственная направленность, и это приносило свои плоды: в республике значительно расширилась социальная база ислама, произошло омоложение социума верующих. Явлениями из разряда уникальных перестали быть посещения мечетей верующими из числа рабочих и интеллигенции в возрасте 30–40 лет. Нередко среди них встречались даже комсомольцы и коммунисты¹⁰⁷.

¹⁰⁶ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 1275 г, л. 13.

¹⁰⁷ Там же, оп. 12, д. 241, л. 52.

В середине 1960-х – второй половине 1980-х гг. в целом государственно-конфессиональные отношения носили достаточно стабильный характер. Приметой времени стало формальное отношение многих представителей местных властей к вопросам контроля над религиозной ситуацией на местах и вследствие этого – активизации верующих и духовенства.

После Л.И. Брежнева приход в 1985 г. к власти М.С. Горбачёва стал новым этапом в государственно-конфессиональных отношениях. В русле начавшейся в стране перестройки и критики наиболее одиозных аспектов в идеологии и политике Советского государства верующие вправе были надеяться на пересмотр политики и в отношении своих культурно-религиозных предпочтений. Однако ожидаемой немедленной религиозной свободы не последовало. Видимо, этого не произошло в связи с тем, что перестройка изначально планировалась её инициатором не как коренное преобразование государства и общества, а как реформирование только некоторых их сфер.

Начало перестройки для верующих не предвещало каких-либо позитивных сдвигов. Уже на апрельском пленуме ЦК КПСС было сказано о необходимости развёртывания идеологической работы по всем её направлениям, в том числе и по атеистическому. Дальнейшие события также показали антирелигиозный настрой нового руководства. Программа КПСС, принятая XXVII съездом партии, была выдержана в прежнем атеистическом духе. По словам Д.В. Поспеловского, «... в раздел «Атеистическое воспитание» попали в духе 20–30-х годов и борьба с хищениями, взяточничеством, пьянством. Программа снова относит религию к области патологических отклонений»¹⁰⁸.

Следует отметить, что одни из последних постановлений ЦК КПСС, направленных против религии, касались ислама. 21 октября 1985 г. вышло постановление ЦК КПСС «О допол-

¹⁰⁸ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 385.

нительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки так называемого «воинствующего ислама», а 18 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием ислама».

Основные усилия по противодействию исламу были сосредоточены по месту работы и жительства. В районах стали практиковать проведение посиделок, «вечеров бабушек», выступления фольклорных ансамблей. В республике, в основном в городах, стали организовывать при родильных домах специальные комнаты для выписки новорождённых, где в торжественной обстановке происходил советский обряд «наречения имени».

В ходе реализации соответствующих мер по ограничению влияния ислама большое значение придавалось особенностям и специфике этой религии. К примеру, в связи с особым положением женщин в исламе, работу с ними предписывалось вести в основном женщинам-агитаторам¹⁰⁹.

Несмотря на интенсивную антирелигиозную законодательную деятельность высших органов власти, реализация предусмотренных мероприятий на местном уровне часто «пробуксовывала», ввиду формального отношения к ним местных руководителей. Подобная ситуация была характерна не только для религиозной сферы. Она была присуща всем областям общественной жизни советского государства.

Проведенный в 1986–1987 гг. Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС социологическое исследование имело цель выявить уровень религиозности и эффективность атеистической работы в регионах распространения ислама. Результаты компаративного изучения для организаторов показали неутешительную картину религиозности населения: верующими в Аллаха назвали себя в Казани – 29,7%, в Карачаево-Черкесии – 21,3%, в Узбекистане – 31,6%, в Дагестане – 45,9%, в Таджикистане – 74,9%.¹¹⁰

Несмотря на стремление властей проводить дозированную демократизацию советского общества, стремительно

¹⁰⁹ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 264, л. 51.

¹¹⁰ Там же, д. 934, л.14.

расширялось влияние демократических начал практически на все сферы жизни общества, в том числе и в религиозную. Этому, как и в 1943 г., во многом способствовал внешнеполитический фактор. Во второй половине 1980-х гг. активизируется советская дипломатия, стремящаяся преодолеть конфронтацию с ведущими капиталистическими державами, в первую очередь с США, и установить с ними дружеские отношения. Учитывая, какое большое значение в этих странах придаётся демократическим свободам, в том числе и свободе вероисповедания, руководство страны не только ослабило давление на религиозные организации, но и привлекло их к реализации своих внешнеполитических планов. В связи с этим во время визита М.С. Горбачёва в США в состав официальной делегации, наряду с общественными деятелями и учёными, были включены представители основных конфессий, действовавших на территории СССР, что можно считать значительным прорывом в отношениях между государством и конфессиями¹¹¹.

В конце 1980-х гг. начинается возврат верующим культовых зданий. Это означало, что запускается процесс, обратный тому, который осуществлялся антирелигиозной политикой Советского государства. Особенностью процессов, происходивших в религиозных объединениях в конце 1980-х гг., стало стремление духовенства обрести всю полноту власти в приходах, как это было до 1960-х гг. Основой для этих тенденций послужил новый Устав об управлении Русской православной церковью, принятый на поместном соборе 8 июня 1988 г. Одно из его положений гласило, «... Председателем Приходского Совета может быть избран и настоятель»¹¹². В сущности, это было возвратом к сосредоточению духовной и административной власти в руках священнослужителей. Характерно, что и сами верующие предпочитали видеть во главе прихода именно настоятеля, а не

¹¹¹ Ибрагимов Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань, 2005. С.133–134.

¹¹² ЦГАИПД РТ, ф.15, оп. 15, д. 935, л. 24.

мирянина. В мусульманских общинах доминировала позиция сосредоточения духовных и хозяйственно-финансовых вопросов в руках избранного имама.

Важной особенностью в деятельности религиозных объединений в этот период стало инициирование ими вопроса о строительстве новых мечетей и церквей. До этого, на всём протяжении советского правления, верующие зарегистрированных религиозных объединений всех конфессий использовали для своих нужд культовые здания, построенные до 1917 г., или приспособленные под эти цели помещения, в том числе частные дома. Теперь же, сообразуясь с новыми веяниями в обществе, они стали ставить властям более жёсткие требования. Наряду с этими процессами начинается возврат верующим культовых зданий, изъятых у них в годы антирелигиозных пятилеток.

Во многом активизации религиозных объединений способствовали подготовка и проведение юбилейных торжеств по случаю 1000-летия принятия христианства на Руси в 1988 г., 1100-летия принятия ислама народами Поволжья и Приуралья и 200-летия образования ДУМЕС в 1989 г. Эти празднования в значительной степени способствовали тому, что в обществе наметилась переоценка роли религии в истории и культуре. В сознании многих людей, особенно молодёжи, был серьёзно поколеблен сложившийся стереотип в отношении верующих и духовенства. Более активно начинают освещаться в СМИ вопросы, связанные с религией и деятельностью религиозных объединений. В конце 1980-х гг. частым явлением становятся выступления представителей духовенства различных конфессий на страницах печати, на радио и телевидении.

Примечательно, что в конце 1980-х гг., в период ломки устоявшихся догм и идеалов, наиболее востребованной стала регулятивная функция религии. Проведённые социологические опросы в городах и районах республики показали, что респонденты при ответе на вопрос о положительном воздействии ислама чаще всего отмечали то, что он способствует

установлению социальной справедливости (30% опрошенных). По мнению 20% опрошенных, он являлся одним из гарантов сохранения национальной культуры и традиций; т.е. выполнял интегративную функцию, 10% отметили его компенсаторную функцию – вера в аллаха помогает в трудные периоды жизни¹¹³.

В условиях демократизации советского общества верующие существенно активизировались в реализации своих прав на удовлетворение религиозных потребностей. Прежде всего, это выразилось в ходатайствах о регистрации религиозных объединений, передаче им молитвенных зданий, что при данной политической конъюнктуре находило поддержку у властей. Легализация религиозных общин, формально находившихся вне закона, становится одним из приоритетных направлений в религиозной политике государства. Характерной чертой времени стало стремление религиозных объединений и духовенства поднять свой статус в обществе посредством выхода через СМИ к широкой общественной аудитории.

В конце 1980-х гг., в связи с усилением влияния религии в обществе, религиозные объединения уже не могли существовать только в тех рамках, которые была отведены им всё ещё формально действующим советским законодательством о культах и, в первую очередь, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года. Однако насущные проблемы идеологического и социального характера, почти в одночасье обнажившиеся в советском обществе, и проявившаяся несостоятельность официальных государственных структур при их решении вызвали необходимость в более широком участии в общественной жизни страны сил, доселе находившихся едва ли не на полуполюгальном положении. В числе таковых были и религиозные объединения. В основном они заполнили вакуум в системе образования. В конце 1980-х гг. активистами из числа верующих и духовенством повсюду организуются воскресные школы как для

¹¹³ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 15, д. 1626, л. 18.

детей, так и для взрослых, где преподавались основы обрядовых систем и догматики. Несмотря на отсутствие законодательной базы, данная практика имела место уже со второй половины 1980-х гг. Так, о наличии в регионах подобных фактов в 1986 г. сообщили в Совет по делам религий при Совете Министров СССР 65 его уполномоченных¹¹⁴.

Социально-политические процессы, протекавшие в стране, вызвали необходимость в изменении законодательства о культах, которое уже не соответствовало существующим реалиям. В связи с этим 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принимает новый закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября того же года «Закон о свободе вероисповеданий» принимает российский парламент. Оба закона, несмотря на многочисленные недостатки, предусматривали действительную реализацию принципа свободы совести.

За первое десятилетие начавшихся общественно-политических перемен в Татарстане произошел заметный рост религиозных общин: по информации Совета по делам религий при КМ РТ к началу 1995 года их насчитывалось 642, в том числе мусульманских – 482, православных – 121, протестантских – 9, прочих – 2, а по состоянию на 1 января 1985 года в республике было 38 зарегистрированных религиозных обществ, в том числе 18 мусульманских, 15 православных, 2 старообрядческие общины, 1 – адвентистов седьмого дня. В справке Совета по делам религий при КМ РТ о деятельности религиозных организаций в Республике Татарстан от 17 января 1994 года (№03) за подписью его председателя И.Ш. Хабибуллина высказывались определенные опасения по поводу новых религиозных течений. В частности, отмечалось «воинствующее течение» «Белое братство», вызывала «беспокойство у определенной части населения также деятельность протестантских организации харизматического

¹¹⁴ Одинцов М.И. Государственная политика отделения школы от церкви» в СССР: исторический анализ и политико-правовой аспект// Религия, церковь в России и за рубежом. Информ.-аналитич. Бюллетень № 9–10. М., 1997. С. 77.

толка «Церковь Христа» (пастор Полищук А.В.) и «Дух жизни» (пастор Соломонов Н.Б.)»¹¹⁵.

Власть в процессе религиозного возрождения столкнулась с проблемой активизации верующих не только в рамках общины, но и с выходом на арену общественно-политической жизни ряда общественных организаций с политическими претензиями защиты прав верующих на уровне представительской власти – в Государственной думе. О своем праве на активное участие в политической жизни заявил на пресс-конференции, состоявшейся 10 мая 1995 года в Москве, Гейдар Джемаль – председатель оргкомитета предвыборного объединения «Исламский комитет». Как идеолог исламского возрождения он подчеркивал близость духовных основ ислама и православия, что могло послужить перспективой совместного противостояния нигилизму западного общества и противостоять его попыткам использовать Россию в качестве инструмента по «отбрасыванию ислама». Он выразил готовность сотрудничать в избирательных блоках с теми силами, чья программа не противоречит его целям.

26 июля 1995 года в Москве в отеле «Редисон-Славянская» состоялась первая пресс-конференция Общероссийского мусульманского общественного движения «Нур» («Свет»). Лидеры движения Х. Яхин и В. Яруллин заявили об участии в выборах в Госдуму и о планируемом выдвижении кандидатов на пост Президента России в 1996 году.

Министерство юстиции РФ 16 июня 1995 года зарегистрировало Общероссийское общественно-политическое движение «Союз мусульман России (СМР)». В нем видели продолжателей дела, начатого в 1905–1917 годы съездами мусульман России и мусульманской фракцией Госдумы. Его учредителями стали: Исламский культурный центр России (ИКЦР г. Москва), Духовное управление Поволжья (г. Саратов), региональные филиалы Высшего координационного центра Духовных управлений мусульман России (ВКЦ

¹¹⁵ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх.№03, от 17 января 1994 г.

ДУМР) и ИКЦР. В первом августовском совещании в г. Сибая Республики Башкортостан из Татарстана принял участие В. Якупов, ректор медресе «Мухаммадия». 1–3 сентября 1995 года в Москве состоялся первый съезд, где приняли участие представители весьма широкого круга общественных и политических сил. В частности, в президиуме разместились люди разной политической ориентации – Р.А. Абдулатипов, зам. председателя Совета Федерации, Ю. Калмыков, бывший министр юстиции РФ, Ш. Бено, бывший министр иностранных дел правительства Д. Дудаева, М. Эсенбаев, известный танцор и др. Невзирая на принципы светскости государства, муфтий Поволжья М. Бибарсов и председатель исполкома ВКЦ ДУМР Н. Аширов были избраны в руководящий состав СМР и активно включились в предвыборную кампанию. Патриарх Алексей II негативно оценил появление подобной организации: «такое вовлечение религиозного фактора в политическую борьбу неизбежно может подтолкнуть православную общественность к ответным шагам, что может привести к конфронтации в православно-мусульманские отношения и породить новый раскол в обществе». Действительно, на политической арене появляется новое избирательное объединение «Христиане России», возглавляемое В. Савицким, который заявил о стремлении создать крепкий блок в парламенте для лоббирования христианских интересов, причем, надо полагать, используя «антимусульманскую волну». Корреспондент журнала «Новое время» в статье «Да поможет Аллах христианам!» так комментировал появление данного объединения: «Не умея объединиться на конструктивной основе, они теперь воочию увидели тех, против кого можно дружить»¹¹⁶.

Активность новых политических объединений, созданных на основе идеи защиты религиозно-культурных традиций, была заметна. Так, к началу октября 1995 года СМР имел отделения в 43 регионах РФ, было зарегистрировано 175 кандидатов в депутаты Госдумы РФ по федеральным

¹¹⁶ Новое время. 1995. № 38.

спискам, по одномандатным – 32, а «Нур» – соответственно 97 и 76. Вместе с тем в СМР возникли внутренние противоречия, бывший Генеральный секретарь А. Халитов был заменен духовным лицом М. Бибарсом и другими (сопредседателями стали председатель исполкома ВКЦ ДУМР Н. Аширов, генеральный директор ИКЦР А. Ниязов, предприниматель из Дагестана Н. Хачилаев), наметились также расхождения интересов между кавказцами и татаро-башкирскими группами, что ослабляло движение. Впоследствии российский федеральный закон запретил участие религиозно ориентированных общественно-политических объединений в выборах в органы государственной власти. В силу историко-культурных традиций, полиэтноконфессиональности общества и особенностей политической культуры, западные традиции либерально-демократических христианских политических движений не получили развития.

Своевременно принятый закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997) ответил на насущные проблемы общественного развития и государственно-конфессиональных отношений. Он явился результатом компромисса, призванного преодолеть крайние взгляды и подходы к социальной проблеме. Поэтому, естественно, закон имеет и ряд недостатков. Но главное – он отвечает современным потребностям религиозной жизни поликонфессионального общества и гарантирует право на религиозную свободу. Таким образом, удалось приступить к реализации принципов подлинной свободы совести. Религиозные организации, в свою очередь, получили возможность выступать в качестве юридического лица. В законотворческой деятельности и принятых правовых актах по вопросам свободы совести и вероисповедания нашли отражение наряду с общепринятыми правами и нормами мировой и отечественной практики и местные особенности, складывающиеся из этноконфессиональных традиций с учетом переживаемого момента.

Важным и достаточно длительным процессом стало приведение региональных законов в соответствие с федераль-

ными. Так, например, изучая реестр нормативных правовых актов субъектов РФ, удалось выяснить, что лишь в 13 субъектах Российской Федерации приняты и действуют законы, направленные на защиту прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания и координацию деятельности религиозных объединений. В ряде субъектов страны, таких, как Хабаровский край, Орловская область, после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» региональные законы были признаны утратившими силу. В то же время из всех изученных законов субъектов РФ о свободе совести и о религиозных объединениях только закон Волгоградской области «О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области» (ст. 2) и закон Тюменской области «О деятельности религиозных объединений в Тюменской области» (ст. 2) наделяют органы местного самоуправления соответствующих субъектов правом образовывать органы по связям с религиозными объединениями.

В современной России вопрос отношений между государством и религиозными объединениями в связи с началом процесса социально-политической трансформации общества в 90-е гг. прошлого века приобрел особо важную роль. Такая ситуация связана в первую очередь с широким вовлечением в эту орбиту проблем историко-культурного характера, политико-правовых и мировоззренческих аспектов жизни государства и общества. Кроме того процесс демократизации государственной и общественной системы в России в полной мере захватил и сферу религиозной жизни общества, привел к созданию принципиально новой религиозной ситуации и, соответственно, коренному изменению отношений российского государства к религии и религиозным объединениям.

Влияние ислама и православия на процесс формирования политики в данной сфере напрямую связано с их ролью в историко-культурной и политической жизни народов, живущих на территории нашей страны. При этом следует признать мощную доминирующую роль православия в силу

его определяющего места в истории и культуре Российского государства. Восприятие религии как части культуры, национального самосознания и идентичности, а также представление ее в качестве государствообразующего элемента вывели эти события конфессиональной жизни на уровень мероприятий общественно-государственной значимости.

Наиболее выпукло обозначенные общественно-политические, духовно-религиозные тенденции проявились в ходе подготовки и проведения двух значимых историко-идеологических мероприятий: «двухтысячелетия христианства» и «1400-летие начала распространения ислама на территории современной России». Проведение последнего настойчиво предлагалось Советом муфтиев России (с опорой на позиции ученых Москвы, Казани и ряда других научных центров), главным образом, в качестве конфессионального баланса. Характер и содержание проведенных по этому случаю мероприятий с полной очевидностью выявили их политико-идеологическую и общественно-культурную направленность. Свидетельством этого служат итоги работы международной научно-практической конференции в Казани «Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий» с участием зарубежных и отечественных ученых, государственных и религиозных деятелей. Теоретические и практические вопросы межконфессионального сотрудничества стали лейтмотивом данного форума.

Важными факторами стабильности государства и общества, их поступательного развития являются духовно-нравственные основы индивидов. В формировании данных качеств большую роль играет религия, выполняющая мировоззренческую, регулятивную, воспитательную и консолидирующую функции. При этом возможности реализации конфессиями своего потенциала в различных сферах жизни в рамках какого-либо государства во многом определяются условиями их существования, т.е. общеполитической ситуацией, взглядами правящей элиты на религиозный вопрос, процессами, протекающими внутри конфессий, состоянием

межконфессиональных отношений. В этой связи данный комплекс проблем всегда являлся объектом пристального внимания научного сообщества.

Процесс политической и социокультурной трансформации, начавшийся в советском государстве в конце 80-х гг. XX в., повлек за собой не только распад единого государства, но и коренным образом изменил парадигму государственно-конфессиональных отношений. В начале 1990-х гг. в Российской Федерации были отменены ранее существовавшие ограничения в деятельности религиозных объединений; значительное количество культовых зданий и имущества было возвращено религиозным центрам и верующим; религиозные организации, получив статус юридического лица и освободившись от идейно-политического давления, приобрели возможность широкого участия в общественной и социальной жизни.

В то же время, первые годы демократии весьма остро обозначили и новые проблемы в государственно-конфессиональных отношениях. Опыт этих лет показал, что в некоторых случаях бесконтрольное проникновение различных религиозных объединений, течений и сект в общественную жизнь страны влечет за собой проявление негативных результатов как для самого социума верующих и духовенства, так и в целом для всего российского общества. Не прибавили авторитета конфессиональным структурам излишняя политизация духовенства и внутриконфессиональные конфликты, имеющие финансово-структурную и идеологическую подоплеку.

Сущность современных проблем во взаимоотношениях власти и религиозных структур будет легче понять, если рассматривать их в контексте многовековых традиций государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в России. Процесс подготовки и принятие закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года убедительно продемонстрировал эту очевидность. Серьезные споры по содержанию закона, возврат его Пре-

зидентом РФ Б.Н. Ельциным Госдуму на повторное рассмотрение, главным образом, по вопросам новых религиозных групп и процедуры их контроля и регистрации, а также включение в преамбулу закона положения о значимости традиционных религий в истории и культуре страны свидетельствуют о приверженности законодателей, прежде всего, принципам традиционного общества. Хотя преамбула не имеет силы закона, но она претворяет общие предпочтения, политические приоритеты и ориентиры в нормативное законотворчество.

На фоне преодоления стереотипов советской эпохи, связанных со сферой религии, исходя из общественных запросов и необходимости покаяния государства за разрушение религиозных ценностей, рождается формула, ставшая политическим аргументом в пользу поддержки процесса возрождения религиозных институтов. Преодолевая стереотипы в вопросах религии, ученые проекта «Культура, религия и общество» впервые ввели в практику организацию встреч с представителями науки, религиозных и государственных структур на одной площадке, утверждая мысль об общности главных интересов общества и религии, в защите которых государству отводилась важная роль. Именно в таком формате проводилась международная конференция «Религия в современном обществе» (1997), где на практике демонстрировалась возможность диалога разных мировоззренческих сторон по вопросам мирного развития общества, что по факту расширяло социальную базу его устойчивости. Опираясь на такое научно обоснованное видение, Президент РТ М.Ш. Шаймиев неоднократно в своих выступлениях аргументировал позицию государства в деле содействия в восстановлении культовых зданий и религиозных институтов тем, что **«религия отделена от государства, но не отделена от общества»**. Такая позиция соответствовала, с одной стороны, идейно-ментальным особенностям жителей республики, с другой – диалогу общин представителей двух крупнейших конфессий человечества, а значит, и отвечала интересам государства и гармоничному общественному развитию.

2. Формирование новой модели отношения власти к религии

Основной закон Республики Татарстан за двадцать лет своего существования служил инструментом решения многих социально-экономических, политико-правовых, культурных и этноконфессиональных проблем. Данная Конституция, принятая 6 ноября 1992 года, была первым документом такого рода, возникшим в условиях обновляющейся России. Конституционные положения о свободе совести (включая принципы «светскости» и отделения религии от государства) получили конкретное отражение в республиканском законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1999) и Договоре о разграничении полномочий между государственными структурами Татарстана и федерального центра (1994, 2007), а также в других законодательных актах.

Процесс принципиального изменения теоретических и правовых основ конфессиональной политики проходил в условиях общественных перемен за сравнительно короткий промежуток времени. Принятые в октябре 1990 года законы СССР и РСФСР «О свободе совести и религиозных организациях» и «О свободе вероисповеданий» отразили поворот к реализации подлинных принципов свободы совести (в частности, религиозные организации получили права юридического лица).

Преодолевая теоретико-методологические инерции идеократического государства в вопросах религии, в 90-е годы постепенно утверждаются принципиально новые оценки и подходы в политике выстраивания взаимоотношений государства и конфессий. При сохранении светскости государства главными направлениями в этой области стали: признание за религией роли основополагающего фактора культуры и нравственности верующих граждан; предоставление социальным институтам религии юридических прав; утверждение правовых основ социального партнерства их с государством и предоставление гарантии защиты прав религиозных объ-

единений и свободы совести граждан; достижение правового равенства религиозных конфессий перед законом (как основы межконфессионального согласия), обеспечение комфортности для верующих всех вероисповеданий и т.д.

Общеконцептуальные и теоретические подходы в реализации конфессиональной политики не исключают в правоприменительной практике учета особенностей религиозных традиций в различных республиках и областях Российской Федерации. Это нашло свое отражение как в законотворческой практике, так и в политической деятельности тактического характера. Такая стратегия на местном уровне отвечала этноконфессиональным традициям народов полиэтноконфессиональных регионов (в республиках Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья и др.).

Ещё в начале 90-х годов идейно-мировоззренческая ограниченность служащих госструктур не позволяла осознать степень смещения общественного мнения в сторону защиты религии не только как общего культурно-нравственного достояния, но и как фактора национальной самоидентификации. Возникающие конфликтные ситуации по вопросам возвращения культовых зданий, налаживания религиозного образования, получения разрешения на строительство мечетей и храмов и т.д. требовали выработки политики, адекватно отвечающей сложившейся ситуации, сбалансированию интересов различных конфессий. Важным направлением стало не только преодоление препятствий на пути осмысления и возвращения в общественную жизнь религиозных ценностей (именуемое в литературе «религиозным возрождением»), но недопущение преференции в этом вопросе какой-либо одной конфессии, что могло бы стать причиной эскалации межрелигиозных раздоров.

Исходя из реальной практики конкретных этноконфессиональных интересов и ситуаций, инициаторами проекта «Культура, религия и общество» были сформулированы приоритеты в религиозной политике. К середине 90-х годов в Республике Татарстан были определены основные очертания

политико-правовой формулы государственно-конфессиональных отношений: **соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий – ислама и православия**. С учетом примерного количественного равенства верующих этих двух конфессий и их доминирующего положения в республике такой подход был вполне корректен. Тем более что по мере выполнения задач начального этапа возрождения оставалась возможность перемещения акцента на вторую часть данной формулы «и **равенство всех религиозных объединений перед законом**», где предусматривалось равенство всех религиозных объединений в светском демократическом государстве. Таким образом, данное положение получило логическое научно-теоретическое завершение в деятельности проекта «Культура, религия и общество», что является испытанным политико-правовым инструментом регулирования конфессиональных процессов по сей день. Данная формула имеет емкое содержание, при ее реализации могут иметь случаи отклонения в пользу той или иной конфессии в зависимости от лоббирующих «свою религию» политических сил, здесь важна политическая воля, прежде всего, руководителя республики. Поэтому необходима аргументированная оценка данной ситуации и не следует ограничиваться просто высказанной по поводу этой формулы фразой: «Однако на практике декларируемый баланс не соблюдается»¹¹⁷. Здесь кроется немало проблем, поэтому при их анализе и оценке требуется исключительная объективность и отсутствие всякого узкоконфессионального подхода.

К середине 90-х годов в практике взаимоотношений религии и государства принцип соблюдения баланса интересов двух конфессий реализуется в таких вопросах как: возвращения культовых зданий (православные храмы и мечети), поддержка становления системы религиозного образования, реставрация и ремонт культовых зданий, прием по случаю

¹¹⁷ Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Лучшева Л.В. Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. Казань: КНИТУ, 2011. С. 194–195

крупных религиозных праздников Президентом РТ представителей мусульманского и православного духовенства, а также других конфессий (по итогам этих приемов принимались протокольные поручения по назревшим вопросам и обращениям верующих) и т.д. Надо полагать, такие подходы со стороны государства и стремление религиозных центров к сотрудничеству с государством подвели к заключению, что у нас формируется кооперативная модель государственно-конфессиональных отношений¹¹⁸.

В законотворческой деятельности по вопросам свободы совести и вероисповедания наряду с общепринятыми правами и нормами мировой и отечественной практики находили (с учетом переживаемого момента) отражение и местные особенности, сложившиеся на основе этноконфессиональных традиций. В законе Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1999) законодатели прописали ряд положений, которые дополняли аналогичное федеральное законодательство. Его преамбула имела важные положения, подчеркивающие поликонфессиональные особенности республики: «Признавая особую роль ислама и православия в становлении и развитии духовности и культуры народов Татарстана, уважая и учитывая специфику других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов республики, осознавая опасность проявления религиозного экстремизма и политизации деятельности религиозных объединений, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимается настоящий закон».

Наиболее важные и актуальные задачи, связанные с обеспечением мирного возрождения религии, сохранением

¹¹⁸ См. например: Козлов В.П. Кооперативная модель государственно-конфессиональных отношений в Республике Татарстан / Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 13–14 октября 2011 г. / Серия «Культура, религия и общество». Вып. 21 / под общей ред. Р.А. Набиева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 262–266.

и укреплением межконфессиональной толерантности, недопущением проникновения чуждых (особенно в мусульманскую умму) течений и экстремистских взглядов, требовали целенаправленной работы и наличия политического инструментария для воздействия на религиозные процессы. В этом плане с учетом особенностей конфессиональных традиций республики закон предусмотрел право религиозных организаций иметь вакуфное имущество (ст. 18 п. 3), возможность оказания государственного содействия в преподавании общеобразовательных дисциплин в учреждениях профессионального религиозного образования (ст. 6), создание государственного органа по делам религий (ст. 7) и др.

Конституционные нормы, федеральное и республиканское законодательство о свободе совести определяют общие принципы и порядок регистрации и лицензирования образовательной деятельности. Государство заинтересовано в качественном религиозном образовании в силу того, что не кто иной, как образованный имам или священник на благо общества сможет на высокоинтеллектуальном уровне донести до верующих сакральную сущность религиозных ценностей. В этом отношении положение республиканского закона «О свободе совести и религиозных объединениях» (1999) о государственной поддержке преподавания светских общеобразовательных предметов в профессиональных религиозных учебных заведениях (ст. 6, п. 7) имеет важное и принципиальное значение. Реализация данного положения в силу ряда причин затянулась, однако реальная жизнь в последние годы ускорила использование данного ресурса в образовательной деятельности религиозных организаций.

Сфера религиозного образования постепенно интегрируется в общероссийское образовательное пространство. Это обеспечивается не только регистрацией учебных заведений в статусе религиозных организаций и выдачей лицензии на образовательную деятельность, но и стремлением к аккредитации отдельных образовательных про-

грамм этих учебных заведений и выдаче дипломов государственного образца.

Важнейшее значение в развитии системы образования (особенно в поликонфессиональном обществе) играют принципы толерантности и воспитания дружественных отношений между религиями и народами, закрепленные во «Всеобщей декларации прав человека» (1948). При этом в условиях религиозного возрождения всё более актуальной становится задача формирования системы религиозного образования на основе сложившихся столетиями традиций, как в исламе, так и в православии. Конкретным вкладом в этом направлении стала государственная финансовая и материальная помощь мусульманским и православным учебным заведениям, создание Российского исламского университета и Православной духовной семинарии в конце 90-х годов.

В основе дискуссий и споров в обществе по вопросу преподавания в школе знаний о религии, в первую очередь, лежит осознание ответственности за мир и согласие в полиэтноконфессиональном государстве. Именно этим объясняется обостренное восприятие в Татарстане религиозного дискурса в светской системе образования: вопрос о необходимости преподавания «Истории религий» или «Основ традиционных религий», а также по выбору, вплоть до основ светской этики. Подобные курсы при условии их правильной разработки, возможно, отвечали бы интересам многонациональной республики, мира и спокойствия в обществе. В целом в мировой религиоведческой науке подчеркивается смещение проявлений религиозного опыта из сферы чистой догматики и сакральности в область социально-духовной жизни, что подтверждается активизацией религиозных организаций в сфере социального служения и духовно-нравственного воспитания верующих граждан. Другая сторона религиозного дискурса в светской школе продиктована устоявшимися наблюдениями и оценками, говорящими о том, что продуктивность межконфессионального диалога достигается не на основе универсализации и экуменизации

религий¹¹⁹, а на знании (с феноменологической точки зрения) уникальных особенностей каждой религии, отражающихся в этнокультурных традициях народов. Следует подчеркнуть, что школа никоим образом не должна стать площадкой для разъединения людей на основе религии, но обязана служить местом объединения и сплочения молодых граждан на основе общего устремления к достойной жизни и процветанию своей страны.

Поучительной является с точки зрения законотворчества, а также учета реальной ситуации позиция парламентариев республики в ходе принятия республиканского закона о свободе совести. Общественно-религиозную жизнь 90-х годов будоражили внутриконфессиональные конфликты, вызванные противостоянием нескольких муфтиятов в республике. Свое разрешение они нашли на объединительном съезде мусульман республики в феврале 1998 года, где путем объединения было создано одно духовное управление мусульман. Чтобы в какой-то правовой форме закрепить это положение в законе, появилась статья со следующей формулировкой: «Мусульманские религиозные организации в Республике Татарстан представляются и управляются одной централизованной религиозной организацией – Духовным управлением мусульман Республики Татарстан». Для баланса интересов конфессий подобное положение было прописано и в отношении православных общин (ст. 10, п. 5). Хотя по канонической церковной структуре и традиции такая необходимость отсутствовала. Данная статья закона через два года была отменена Верховным судом РФ по исковому заявлению руководителя созданного впоследствии ЦДУМ (ханафитов), потому что она вторгалась в сферу внутрикон-

¹¹⁹ См.: «Суперэкуменизм» — религиозное движение, стремящееся к унификации не только христианских конфессий (экуменизм), но и мировых религий во имя так называемого диалога религий. В 1893 году теософы в Чикаго проводят Всемирный конгресс религий. Своеобразное преломление эти идеи нашли в деятельности Ильдара Ханова и в построенном им Храме всех религий в п. Юдино Республики Татарстан. В этом русле в 1970-е годы пропагандировал свои взгляды о «макрорелигиозной системе» писатель Диас Валиев.

фессиональных установлений. По большому счету, эта отмена уже не имела политических последствий в силу того, что ДУМ РТ и его структуры за это время прочно укрепились и набрали темпы в своем поступательном развитии.

Защита и обеспечение прав граждан, в том числе на свободу совести, закрепляются в Конституции страны. Договор о делегировании полномочий между федеральным центром и республикой (февраль 1994) также предусматривал положение о совместном ведении вопроса по части обеспечения прав граждан. В ходе приведения законодательных актов субъектов в соответствие с федеральными законами некоторые положения республиканского закона о свободе совести были изъяты или скорректированы (особенно интенсивно в 2004–2006 гг.).

Межконфессиональная толерантность, атмосфера взаимоуважения, мира и согласия между представителями различных религий является важным фактором устойчивого развития общества. В целях эффективного сотрудничества представителей различных религиозных общин, а также недопущения самоизоляции религиозных объединений важным инструментом может служить их совместная деятельность на социальной площадке. Поскольку социальные доктрины и концепции традиционных религий с одной стороны и законодательство о свободе совести с другой способствуют социальному служению и участию религиозных институтов в общественно значимых проектах, активизация их социального партнерства с государством представляется весьма актуальной.

Приоритетное развитие государственно-конфессиональных отношений в этом направлении может способствовать становлению религиозных институтов как элементов гражданского общества. Такой подход (вовлечения конфессий различных направлений в совместную работу по духовно-нравственному оздоровлению общества) в свою очередь служит важным составляющим элементом основы стабильности поликонфессионального социума. Участие религиоз-

ных организаций в общественно-полезной деятельности, например, через государственные гранты «Общественная инициатива» Министерства социальной защиты РТ, включение религиозных организаций в мероприятия, проводимые в «Год благотворительности» в республике, поиски путей реализации сотрудничества в сфере образования и т.д. стали конкретными шагами в интеграции религиозных организаций в общественные процессы путем развития социального партнерства с государством.

Научно-теоретическое осмысление вопроса перспектив развития религиозных организаций в период их возрождения и практическое продвижение нового подхода инициировалось в рамках деятельности исследовательского проекта «Культура, религия и общество». Идея о необходимости развития религиозных организаций в качестве элементов гражданского общества Советом по делам религий была переведена в практическую плоскость: в этом направлении планомерно проводились мероприятия, эти подходы обосновывались в обращениях руководству республики. Следует отметить, что в структурах власти эти вопросы первоначально не вызывали особого интереса, но тем не менее постепенно появились сторонники этих идей, например, в лице советника Президента РТ по политическим вопросам Р.С. Хакимова, заведующего отделом Аппарата Президента РТ Р.Ю. Беякова¹²⁰. Этот подход практически одним из первых в России нашел отражение в Послании Президента РТ¹²¹ Государственному совету Республики Татарстан в 2007 году.

Инициативы депутатов Госсовета РТ по вопросу соблюдения равенства религий в политико-правовой жизни, сохранение правовых положений, учитывающих специфику традиции народов, проживающих в нашей республике, пред-

¹²⁰ Беяков Р.Ю. Становление гражданского общества в России и современное православие /Гражданское общество, государственная власть и местное самоуправление: материалы межрегиональной научно-практической конференции (январь 2001). Казань, 2001. С. 208–211.

¹²¹ См.: Послание Президента РТ Государственному совету РТ, 2007 г.

ставляют собой отражение воли народа, учет специфики религиозных традиций народов и желание не допустить возникновения конфликтов в стране на почве религии.

Современная конфессиональная политика в Республике Татарстан, опирающаяся на конституционные положения федерации и республики, а также обладающая опытом исторического прошлого во взаимоотношениях двух крупных конфессий – ислама и православия, имеет возможность определить свои четкие теоретические и политические ориентиры. Изначально не допуская в прошлом возникновения религиозных столкновений, народы нашего региона (несмотря на непростую поликонфессиональную ситуацию) выработали толерантное отношение друг к другу. Биконфессиональное большинство представителей ислама и православия выступает в качестве социокультурного фактора стабильности и устойчивого развития общества. Любые попытки смещения государственной политики в пользу преференции одной религии нарушат конституционные принципы и заложат основы межконфессиональных напряжений и размывания авторитета самих религий.

Поликонфессиональный и многонациональный характер Российского государства наиболее четко выражен в Татарстане, который в свою очередь имеет ряд особенностей. Здесь соприкасаются тюрко-исламский и славяно-христианский миры, сложилось равновесие двух крупных конфессий: ислама и православия (в своем биконфессиональном паритетном большинстве); исторически через непростые этапы развития выработались толерантные межрелигиозные взаимоотношения, республика в настоящее время является одним из лидеров по количеству религиозных объединений и т.д. Сегодня Республика Татарстан является поликонфессиональным регионом, где по данным Управления Министерства юстиции РФ по РТ, например, к началу 2012 года зарегистрировано 1505 религиозных организаций, из них:

1128 мусульманских, 290 православных РПЦ Московского Патриархата, 2 Истинно-православной церкви, 1 Российской

православной автономной церкви, 5 старообрядческих (белокриницкого согласия и старопоморского толка), католики – 2, иудеи – 3, протестантских общин различных направлений – 69 (евангельские христиане-баптисты – 4, евангельские христиане – 26, христиане веры евангельской – пятидесятники – 16, христиане веры евангельской – 1, адвентисты седьмого дня – 10, единая евангелическо-лютеранская церковь России – 5, реформатская церковь – 1, новоапостольская церковь – 1, Свидетели Иеговы – 5), буддизм – 1, бахаи – 1, кришнаиты (вайшнавцы) – 2, Церковь Последнего Завета (виссарионовцы) – 1, церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны) – 1. По числу зарегистрированных религиозных общин Татарстан относится к числу лидеров среди субъектов Российской Федерации. На территории РТ действует 2 централизованные религиозные организации: Казанская митрополия РПЦ и Духовное управление мусульман РТ. При Казанской митрополии ведут деятельность 9 монастырей, 1 духовная семинария, при ДУМ РТ 11 мусульманских религиозных образовательных учреждений, в том числе Российский исламский университет. В пользовании религиозных общин находится более 1400 мечетей, около 300 православных храмов и порядка 50 культовых сооружений других религий.

Коллективная историческая память народов хранит весьма поучительные факты как горьких, так и позитивных страниц истории взаимоотношений ислама и христианства, являющиеся прочной основой для взаимного познания и осмысления, формирования толерантного сознания и атмосферы взаимоуважения в настоящее время. Вместе с тем, очевидно, что межконфессиональные отношения не находятся в статичном и застывшем состоянии. Динамика их развития зависит не только от участников по горизонтали (рядовых верующих), но и от субъектов данных процессов по вертикали (разного уровня клира, политиков, представителей научной общественности и т. д.). Составляющие элементы и факторы межконфессионального диалога ис-

ключительно разнообразны (от обыденных форм взаимного общения и социокультурных практик до высоких рационально-интеллектуальных форм совместного обсуждения проблем субъектами-участниками данного диалога). В этом плане подготовка и проведение конференций, организация постоянно действующих семинаров, «круглых столов» и т. д. с разнообразной повесткой дня является залогом благополучия, фактором устойчивости и осмысленных креативных действий участников диалога. В этом контексте изучение накопленного опыта Татарстана и дальнейшее развитие его позитивного потенциала представляется особенно важным.

Диалог культур, основанный на исламских и христианских традициях в нашем регионе, обеспечивает как углубленное понимание своей культуры, так и восприятие общечеловеческих ценностей. Актуальный характер данного процесса определяется спецификой ситуации в сфере национальной политики РФ. Целью такой политики выступает своевременное и максимальное удовлетворение национальных потребностей этносов и отдельных людей, равно как и всех проживающих в стране этносов без ущемления их законных потребностей и риска этно-конфессиональной напряженности и конфликтов. Одной из гарантий реализации такой установки является создание условий и механизма воспроизводства национально-этнической жизни народов¹²². Во время обсуждения новой концепции государства по национальной политике вполне закономерно находят отражение насущные проблемы данной сферы, в их числе вопросы утверждения взаимоуважительных отношений между культурами и религиями.

Актуальность формирования этноконфессиональной, национальной и расовой толерантности в современном мире обуславливает повышенную востребованность изучения традиций межнационального мира в таком изначально пе-

¹²² См.: Абдулатипов Р. Концепция национальной политики Российской Федерации (краткий вариант) // Панорама-Форум. Россия и Татарстан: проблемы национальной политики. 1995. № 3. С. 27.

стром регионе, как Поволжье. Несмотря на то, что у волжских булгар с 922 года ислам был государственной религией, золотоордынские ханы, проявляя традиционную религиозную толерантность, учредили в Сарае (в центре Орды) православную епархию. В условиях царской России после завоевания Казанского ханства, несмотря на политику притеснения мусульман и насильственную христианизацию, социально-политические конфликты никогда не перерастали в религиозные войны. Причиной тому, прежде всего, являлись многовековые мирные взаимоотношения соседствующих народов, а также золотоордынские традиции чингизидов, выступавших за равенство всех религий. В частности, в ярлыке Узбек-хана 1313 года, выданном митрополиту Петру, были слова: «Если кто-либо будет поносить христианство, плохо отзовется о церкви, о монастырях и часовнях, тот человек будет подвергнут смертной казни». Следует отметить, что и после исламизации Золотой Орды традиции терпимого отношения к другим религиям сохранялись.

Признанные в исламском мире татарские богословы-джадиды сумели ответить вызовам времени, разработали концепцию мирного развития мусульманской жизни в условиях иноверческого окружения, что востребовано и сегодня в целях сохранения и развития религиозно-культурных традиций российских мусульман. Советская эпоха для всех религиозных систем оказалась периодом тяжёлых испытаний, в который они подвергались гонениям и притеснениям. Татары-мусульмане потеряли арабскую графику, которой они пользовались столетиями. Одной из задач перехода к Яналифу (латинице) было стремление отсечь татар-мусульман от традиций древней истории и исламской культуры. Огромный пласт историко-культурного наследия остался вне поля доступности, что является и сегодня препятствием при осмыслении истоков теологической (и общественной в целом) мысли татарского народа.

Следует обратить также внимание на то, что в условиях глобализации религиозный фактор обретает особую значи-

мость, проявляя себя в конфликтах, междивизиационных контактах и в защите прав личности. В современных тенденциях развития религий становится заметным и то, что во многих развитых странах происходит смещение акцентов: от чисто религиозной догматики, ритуальной сферы в сторону развития социального служения, духовно-нравственных аспектов религиозной жизни. Обоснованный характер носит суждение о том, что основным вектором углубления межконфессионального диалога должно быть не только изучение специфики отдельных религиозно-культурных существующих систем, но и дальнейшее изучение и сохранение уникальности исторически сложившихся межконфессиональных традиций. Поэтому возрастает востребованность научно-теоретического осмысления, например, программы возрождения Булгара и Свяжска, разворачивающейся на широкой социокультурной площадке. Сама задача возрождения эти историко-культурных объектов и осмысление ее в контексте политики исторической памяти вписывается в концепт научной группы, сосредоточенной вокруг проекта «Культура, религия и общество: система социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений».

Согласно новому законодательству, религиозным обществам для начала своей деятельности не требовалось регистрироваться в органах государственной власти. Однако для получения статуса юридического лица любым видам религиозных организаций (религиозное общество, управление, центр, объединение, а также монастыри, братства, миссии и духовные учебные заведения) необходимо было представить в исполком районного или городского Совета народных депутатов свой устав (положение).

Согласно статье 12 закона «О свободе совести и религиозных организациях», в нем должны были быть отражены сведения «о виде и местонахождении религиозной организации, её вероисповедной принадлежности, о месте в организационной структуре религиозного объединения, об имуще-

ственном положении, о правах по учреждению предприятий и средств массовой информации, основанию других религиозных организаций, созданию учебных заведений и об иных правомочиях, о порядке решения имущественных и других вопросов в случае прекращения её деятельности, а также иные положения, связанные с особенностями деятельности данной организации»¹²³. Таким образом, в уставе (положении) не затрагивались вопросы, касающиеся внутренних дел религиозных организаций, что, безусловно, стало значительным шагом вперед в процессе демократизации религиозной жизни.

Государство прекращало финансирование общественных организаций, ведущих атеистическую пропаганду, что ставило их в равные условия с религиозными объединениями. В связи с тем, что последним была разрешена общественная деятельность, они, как и любые другие общественные организации, получили возможность выступать в СМИ. При этом немаловажным фактором, инициировавшим активную миссионерскую деятельность религиозных организаций, стало разрешение издавать, а также вывозить за рубеж и ввозить из зарубежья религиозную литературу. Следует отметить, что данное право подготовило почву для массированного «вторжения» на советское, а затем и постсоветское пространство нетрадиционных религиозных сект и течений.

После 1991 г., актуализировались вопросы, непосредственно касающиеся принципов формирования нового общества и механизмов взаимодействия её различных институтов, в связи с чем наметился пересмотр старых схем взаимоотношений структур государственной власти с различными институтами общества, в том числе и конфессиональными.

Усиление роли религии в обществе ярко проявилось в количественных показателях. К примеру, если в 1980-х гг. к верующим относили себя около 20% населения страны, то в конце 1990-х гг. этот показатель составил приблизительно

¹²³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 41. С. 994.

50-60%; многократно увеличилось количество зарегистрированных в органах государственной власти религиозных объединений, с 3040 – в 1986 г., до 20215 – в 2001 г.¹²⁴. Динамика была стремительной, например, к январю 1991г. в России было 5502 религиозных организаций, к 1994 году их стало уже 11088¹²⁵. В Татарстане количество религиозных организации выросло с 38 в 1986 году до 1288 в 1994 году, а к этому периоду 44,6% сельских татар и 33,5% городских считали, что «религия роднит со своим народом»¹²⁶.

Одним из факторов меняющейся религиозной картины России стало распространение здесь новых религиозных движений западного и восточного происхождения. По данным сотрудников кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при президенте РФ (РАГС), в начале 2000-х гг. в России действовало 60 конфессий, деноминаций и религиозных направлений¹²⁷. Показательной в этом отношении была экспансия и активизация на территории постсоветского пространства различных нетрадиционных религиозных сект и течений, некоторые из которых имели ярко выраженный тоталитарный характер. Несмотря на факты запрета их деятельности во многих демократических государствах, в условиях новой России многие из них получили возможность неограниченной пропаганды своих далеко не миролюбивых убеждений и активной вербовки новых членов. Ярким примером таких тенденций стали факты актив-

¹²⁴ Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке. «Независимая газета» 27 июня 2001. Электронный ресурс: <http://religion.ng.ru/printed/90178>

¹²⁵ История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / под общ. ред. А.П. Торшина (В.А. Бабинцев, Е.Н. Житник, М.И. Одинцов, А.Е. Себенцов). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 89.

¹²⁶ Мусина Р. Мусульманская идентичность как форма «религиозного национализма» татар в контексте этносоциальных процессов в этнополитической ситуации в Татарстане / Ислам в Евразии. М., 2001. С. 301.

¹²⁷ Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке. «Независимая газета» 27 июня 2001. Электронный ресурс: <http://religion.ng.ru/printed/90178>

ной пропагандистской деятельности сект «Сайентологии» и «Аум Сенрикё». Результатом такой неограниченной вседозволенности, а также отсутствия новых схем и форм взаимоотношений государственных и конфессиональных структур стали тысячи искалеченных судеб – как самих последователей этих сект, так и их семей. Опыт этих лет показал, что в некоторых случаях бесконтрольное проникновение различных религиозных объединений, течений и сект в общественную жизнь страны может иметь негативный результат, как для самого социума верующих и духовенства, так и в целом для всего российского общества.

Переживаемые Россией в 90-х гг. XX в. трансформация государственно-политического строя и переход на рыночную модель экономики в определенной степени стали причиной внутриконтрафессиональных конфликтов. Условно их можно разделить на две категории. Первая из них сводилась к разногласиям в определении сфер юрисдикции и полномочий центральных и региональных структур. Вторая обуславливалась расколом между консерваторами, отстаивающими чистоту религии, её неизменность, и сторонниками адаптивирования своих конфессий к стремительно меняющимся внешним социокультурным условиям информационного общества.

Приметой времени стал также процесс политизации деятельности ряда религиозных организаций. Примечательно, что далеко не всегда эта тенденция находит поддержку в среде самих верующих и в целом в российском социуме. В особенности это касается проектов создания политических и общественных организаций, в основе которых лежат религиозно-экстремистские идеи.

Спектр вышеозначенных проблем находился в тесной взаимосвязи с социально-политическими процессами, происходящими в целом в стране, и по этой причине требовалась продуманная, взвешенная политика государства в отношении религии. В условиях постсоветского периода развития важной политической формулой регулирования государственно-контрафессиональных и межрелигиозных отношений,

например в Татарстане, стало соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий – ислама и православия – и равенство всех религиозных объединений перед законом. Это было особенно важным при возвращении конфессиям культовых зданий и имущества, выделении земельных участков и привлечении спонсорской помощи для строительства новых храмов, оказании поддержки в восстановлении религиозного образования, организации приема Президентом РТ по случаю крупных религиозных праздников и юбилейных торжеств и т. д. Символом взаимоуважительных отношений ислама и православия стало возведение мечети Кул Шариф и реставрация Благовещенского собора в Казанском кремле к 1000-летию столицы Татарстана. Такой подход оказался исключительно плодотворным в условиях бурного религиозного возрождения, позволил сохранить спокойствие и мирное духовное развитие татарстанского общества в условиях постсоветского времени.

Характеризуя современные политические реалии, в своем послании Государственному совету Республики Татарстан 31 января 2008 г. Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев подчеркнул, что на фоне непростых отношений между христианами, иудеями и мусульманами, сложившихся в ряде стран, повысился интерес к межконфессиональным отношениям в Республике Татарстан, имеющим прочную, базирующуюся на длительном совместном проживании доверительную основу. Этот интерес подкрепляется проведением ряда международных научно-практических семинаров в столице РТ как одном из центров межконфессионального мира и согласия в России. Особенно актуальным данный вопрос стал в связи с победой Казани в конкурсе по проведению Всемирной летней универсиады в 2013 г. Учитывая интерес к религии во всем мире, проведение универсиады помогло показать всему миру пример религиозной толерантности и межконфессионального согласия. Важным основополагающим документом, который в концентрированном виде представляет татарстанский опыт и наши устрем-

ления в этноконфессиональной сфере, стала утвержденная в 2008 г. указом Президента республики «Концепция государственной национальной политики Республики Татарстан». Главное в этом документе – поиск пути для решения стратегических задач национального развития в условиях многонационального и поликонфессионального государства. Однако обеспечение сбалансированного развития всех наций и религий в силу ряда причин является крайне сложной задачей. Не случайно особый интерес у стран Запада и Востока вызывает именно межконфессиональное сотрудничество.

Обсуждение путей и методов реализации социально-духовного и миротворческого потенциала ислама и христианства продолжается. Оно протекает на двух уровнях, как среди религиозных, научных и государственных деятелей, так и в среде рядовых верующих. Казань постепенно превращается в общероссийский центр такого диалога. Традиционными стали встречи, круглые столы, межрелигиозные форумы. Весьма продуктивным оказалось проведение международных научно-практических конференций «Исламо-христианское пограничье» (1994) и «Религия в современном обществе: история, проблема, тенденции» (1997). Положительный резонанс имела уже упоминавшаяся международная научно-практическая конференция «Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий», которая проходила в рамках празднования исторических дат – 2000-летия христианства и 1400-летия начала распространения ислама в России. Международная конференция «Исламская культура в Волго-Камском регионе», прошедшая в июне 2001 г., явилась важным фактором в оживлении историко-философских исследований в области выявления места и роли ислама в судьбах России. А в июне 2002 г. прошла международная конференция «Христианство в Волго-Уральском регионе: история и культура», вызвавшая большой интерес со стороны ученых и представителей конфессий. Она стала продолжением продуктивного диалога. Подобные конференции прошли в период и после празднования 1000-летия Каза-

ни. Интерес ученых, политических и общественных деятелей к поликонфессиональному региону с традициями толерантных отношений не ослабевает. По инициативе Комиссара по правам человека Совета Европы Альваро Хиль Роблеса 22–23 февраля 2006 г. Казань стала местом проведения очередного семинара с повесткой дня: «Диалог, толерантность, образование: совместное действие Совета Европы и религиозных сообществ»¹²⁸; в январе 2008 г. сообщество политологов на международной конференции в столице Татарстана обсуждало проблему: «Ислам, конфликты, миротворчество»; с 2008 года стало традицией проведение в рамках деятельности Центра евразийских и международных исследований КГУ научных форумов, симпозиумов, конференций по проблемам перспектив развития межцивилизационных отношений, в частности о влиянии иранской исламской революции на евразийское пространство, и т. д.

В Казани при содействии руководства РТ и лично президента РТ проходит Международный фестиваль мусульманского кино «Золотой минбар». Например, в работе III фестиваля наряду с известными актерами и режиссерами России, Саудовской Аравии, Ирана, Турции, Казахстана и других стран мира приняли участие представители Совета муфтиев России во главе с председателем Равиль-хазратом Гайнутдином.

Гарантия свободы совести и условий функционирования религиозных объединений обеспечивается конституционными нормами и законодательной базой федерального центра и его субъектов. С октября 1990 г. в России начал действовать Закон «О свободе вероисповеданий», «непосредственно сказавшийся на подъеме исламского движения»¹²⁹. Именно с начала 90-х гг. в России начинается процесс возрождения мусульманской уммы, направленный на восстановление институтов и структуризацию системы функционирования религиозной организации.

¹²⁸ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ, вход. № 12,18 (январь – февраль), 2006.

¹²⁹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 260.

При определении приоритетных направлений в дальнейшем развитии и целостном возрождении уммы отмечалось, что одним из первостепенных вопросов в деле развития поликонфессионального характера государства, гарантирующего решение целого ряда задач, является законодательная основа, опирающаяся на принципы толерантности, учитывающая особенности исторического развития и конфессионального состава населения данной страны. В русле обозначенных приоритетов, учитывающих актуальность и сложность данного направления на постсоветском правовом пространстве (на территории современной России в целом и ряда субъектов страны в частности), начались процессы законотворчества, а затем унификации положений законов субъектов в соответствии с федеральным законом.

Наиболее ценным является опыт Дагестана на Северном Кавказе и Республики Татарстан в Волго-Уральском регионе. В декабре 1997 г. в Дагестане был подготовлен, обсужден и принят Народным Собранием Республики Дагестан Закон «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях». Принятие республиканского закона было вызвано необходимостью учета некоторых этноконфессиональных особенностей Дагестана. Так, например, в зависимости от территориальной сферы деятельности религиозные организации подразделяются на местные и республиканские (ст. 10, п. 4), что не позволяет регистрировать более одной республиканской религиозной организации одного и того же вероисповедания; при этом запрещено создание исламской республиканской религиозной организации по национальному признаку (ст. 10, п. 6). Ст. 6 несет в себе положение о государственном органе по делам религий РД (таким органом в Дагестане является Комитет по делам религий Правительства РД, преобразованный из Управления в октябре 1998 г.). Также регламентируется порядок осуществления миссионерской деятельности на территории Республики Дагестан (гл. 5), регистрация в государственном органе по делам религий контрактов (договоров), заключаемых организациями

религиозного обучения граждан РФ в иностранных государствах (ст. 9. п. 5), положение об обязательном обеспечении родителями или лицами, их заменяющими (независимо от права детей на получение религиозного образования), получения ими основного общего образования (ст. 7. п. 4).

В Законе Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1999) законодатели прописали ряд положений, которые дополнили аналогичное федеральное законодательство. Его преамбула вслед за федеральным законодательством содержала важные положения, подчеркивающие поликонфессиональные особенности республики. Именно «признавая особую роль ислама и православия в становлении и развитии духовности и культуры народов Татарстана, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания»¹³⁰, принимался настоящий закон. Сложные и актуальные задачи, связанные с обеспечением мирного возрождения религии, сохранения и укрепления межконфессиональной толерантности, недопущения проникновения чуждых течений и экстремистских взглядов (в особенности в мусульманскую умму), требовали целенаправленной работы и наличия адекватного политического инструментария для воздействия на религиозные процессы. В этом плане с учетом особенностей конфессиональных традиций республики закон предусмотрел права религиозных организаций иметь вакуфное имущество (ст. 18 п. 3), возможность оказания содействия государства в преподавании общеобразовательных дисциплин в учреждениях профессионального религиозного образования (ст. 6), создание государственного органа по делам религий (ст. 7).

3 августа 2012 года. Госсоветом РТ был принят Т 64 З–РТ – Закон Республики Татарстан о внесении изменений в закон

¹³⁰ Закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях», 28 августа 1999 года // Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения. Словарь-справочник. Серия «Культура, религия и общество». Вып. 8. Казань, 2001. С. 119–137.

Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях». Закон гласил: «3. религиозные организации, зарегистрированные на территории Республики Татарстан, устанавливают требования для кандидатов на должности духовных лиц, в том числе наличие религиозного образования, полученного в образовательных учреждениях, находящихся на территории Российской Федерации, а также на территории иностранных государств, дипломы которых признаны в установленном порядке, а также ограничения, связанные с занятием должностей духовных лиц.

4. религиозные организации, зарегистрированные на территории Республики Татарстан, определяют порядок обеспечения канонического единства вероучения, указанного в уставе религиозной организации»

Президент РТ 17 июля 2013 г. внес изменения в пункт 3 ст. 17. «Религиозные организации вправе устанавливать в соответствии со своими внутренними установлениями условия деятельности священнослужителей и религиозного персонала, а также требования к ним, в том числе в части религиозного образования». Указанные поправки, в принципе, не изменили степень контроля ДУМ РТ над кадрами мусульманского духовенства.

Поликонфессиональный характер общества нашел свое отражение и при определении вакуфного имущества (ст. 18), которое по своей форме свойственно лишь одной религиозной системе – исламу. Во избежание возможности нарушения баланса интересов разных конфессий в республике в законе о свободе совести относительно данной статьи, связанной с собственностью, речь идет не только о мусульманских, но и обо всех религиозных организациях, которые в зависимости от учения и традиции могли иметь подобного рода имущество. Законодательно, ни на федеральном, ни на республиканском уровнях, до примера Татарстана не было дано определение понятиям «вакф» и «вакуфная собственность». Вообще, термином «вакф» (мн. ч. аукаф и вукуф, синоним хубус) в исламском мире обозначается имущество,

право собственности, на которое по волеизъявлению учредителя (вакф) ограничено пользованием всем доходом или частью дохода (или продукта) таким образом, как это установил сам учредитель. Согласно мусульманскому праву такое имущество (будь то земля, постройки и т. д.) перестает быть собственностью дарителя, но и не становится собственностью того, кто получает право пользования доходом, получаемым от него. Собственность, переданная в вакф, трактуется как благотворительное учреждение, доходы от которого тем или иным образом идут на нужды мусульманской общины (уммы). Принципиально здесь то, что при передаче имущества в вакуф действие права собственности как бы останавливается (вакуфа), и ни даритель, ни государство уже не могут в принципе изменить статус этого имущества. Получателями доходов от вакуфа могут быть как отдельные лица, так и группы людей (например, нуждающиеся, проживающие в том или ином городском квартале), а также общественно-религиозные и социальные институты (мечети, медресе, больницы и т. д.). Последняя форма вакуфа (так называемый благотворительный вакуф хайри) является наиболее известной и зачастую отождествляется с вакуфом как таковым¹³¹. Согласно проекту возрождения и развития вакуфа в РТ предполагалось создать основную базу на основе функционирующих в комплексе мечети Марджани 17 коммерческих структур. Среди них, скажем, мусульманское кладбище, созданное при прямой поддержке президента, с выделением 40 га земли. Таким образом, определились первые попытки реализации вакуфных принципов (управления Попечительским советом, при участии на основе приглашения представителей государства и общественности).

Процесс принципиального изменения теоретических и правовых основ конфессиональной политики в условиях общественных перемен проходил за сравнительно короткий промежуток времени. Социально-политические процессы,

¹³¹ Айдагулов М.Ш. Российские вакфы: общемусульманская традиция и региональный срез развития // Ислам в современном мире. 2007. № 9–10.

протекавшие в стране в конце 1980-х гг., вызвали необходимость в изменении действующего законодательства о культурах, которое уже не соответствовало существующим реалиям. В этой связи 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принимает новый закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября того же года «Закон о свободе вероисповеданий» принимает российский парламент. Оба закона, будучи почти идентичными, несмотря на многочисленные недостатки, предусматривали действительную реализацию принципа свободы совести. В отношении перспектив формирования новой модели государственно-конфессиональных отношений свою роль сыграли положения этих законов о государственном органе по делам религий. При этом Союзный закон позволял создание подобного органа, а закон, принятый российским парламентом, запрещал создание специальных органов власти по вопросам религий.

В последующие годы шли серьезные дискуссии по вопросу – быть или не быть госоргану по делам религий в структурах власти. Жесткая позиция РПЦ по данному вопросу, озвученная патриархом, внесла определенную сложность в поиск приемлемых форм регулирования государственно-конфессиональных отношений. Обращения с мест и сама реальная практика подсказывала необходимость более гибкого подхода к данному вопросу. В результате федеральный закон о свободе совести 1997 года снимает запрет на создание подобных структур, вместе с тем споры и разные позиции сохранились по сей день.

Отношение к содержанию деятельности госоргана по делам религий в Татарстане зависело не только от общественно-политической ситуации и периодов социально-экономического развития страны, но и было связано со степенью понимания происходящих процессов ответственными лицами и с их умением принимать эффективные решения в данной сфере. Здесь можно выделить несколько этапов: это, во-первых, период адаптации к изменившимся условиям, когда шел процесс освобождения госоргана по делам религий от

административно-бюрократических способов деятельности и поиск новых форм работы (1990-е гг.); во-вторых, легитимация статуса госоргана по делам религий и создание системы социокультурно-правовой координации, способствующей вовлечению внутренних ресурсов общества и самих религиозных систем в процесс устойчивого развития общества (с конца 1990-х – 2007 г.); в-третьих, волонтаристское свертывание широкого спектра деятельности госоргана по делам религий и растворение его в вертикали власти.

Рудиментом жестких подходов и игнорирования поиска конструктивно-реформационных решений в определении роли и функции госоргана по делам религий явилось заключение работников Аппарата Президента РТ (вх. п/01. №5414 от 18. 08. 2000г.) в ответ на предложения Совета по делам религий о повышении значимости и статуса этого органа в соответствии со статьей 7 республиканского закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Под предлогом развития демократических начал предлагалось образовать при Правительстве РТ аморфный «Координационный совет по взаимодействию органов государственной власти и управления и религиозных конфессий», а Совет по делам религий при КМ РТ упразднить. Отсылка к прошлой истории советского периода работы данного органа не имела отношения к нынешней ситуации, поскольку он уже работал совершенно в другом формате на основе гибкого содержания статьи 7 республиканского закона о свободе совести, а не «административно-бюрократическим способом», как утверждали оппоненты. К сожалению, именно такой способ стал доминирующим в последующие годы, когда госорган по делам религий оказался растворенным в иных структурах государственной власти. Первая волна атаки на госорган по делам религий была отбита, немалая роль в принятии решения М.Ш. Шаймиевым сыграла позиция заместителя Премьер-министра РТ И.К. Хайруллина и Советника Президента РТ по политическим вопросам Р.С. Хакимова. По сути, центром ответствен-

ности и координации в вопросах религии становится Совет по делам религий при КМ РТ.

Возникший спор вокруг госоргана по делам религий не является случайным явлением. В этом вопросе проявляется формирование и столкновение различных представлений и позиций по вопросу регулирования религиозных процессов в условиях переходного периода развития постсекулярного общества. Татарстан по праву оказался в эпицентре политических, общественно-экономических процессов, и поскольку он представляет собой, по сути, Россию в миниатюре, стабильное и устойчивое ее развитие во многом зависит от состояния этого региона. Татарстанская модель развития в федеративном государстве обладала емким содержанием и отражала особенности религиозно-духовной стороны полиэтноконфессионального общества. В контексте данной парадигмы привлечение М.Ш. Шаймиевым группы ученых для нормализации развития религиозных процессов представляется вполне закономерным.

Ряд положений республиканского закона о свободе совести закрепил концептуальные подходы участия государства в процессе религиозного возрождения в условиях светского государства. Эти положения были внесены авторами реализуемого проекта «Культура, религия и общество», действующего в рамках Совета по делам религий при КМ РТ. Гибкая юридическая формула о статусе и функциях госоргана по делам религий, сохранившаяся в законе по сей день, позволила не только сформировать «буферную площадку» между государственными и религиозными структурами, но и успешно действовать в религиозной сфере более десяти лет, привлекая большую группу ученых, заинтересованные государственные и общественные учреждения.

Вторая волна попыток принижения роли госоргана по делам религий начала подниматься после успешного празднования тысячелетия столицы республики. Установившаяся относительно спокойная в этноконфессиональной сфере ситуация, очередные меры по сокращению и оптимизации

госаппарата в тот период, а также демократичные, порой вызывающие раздражение, предложения и позиции по ряду вопросов госоргана по делам религий, воспринимаемые как несущественные и бесперспективные, вели к принятию решения о выведении его из структуры исполнительных органов государственной власти¹³². В связи с этим 17.01.2006 Премьер-министру Республики Татарстан прокуратурой республики было вынесено представление об устранении нарушений ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и республиканского законодательства в деятельности Совета по делам религий при Кабинете Министров Республик Татарстан.

Вместе с тем понижение статуса продолжалось. Постановлением Кабинета Министров республики от 15.06.2006 № 308 в положение о Совете по делам религий были внесены изменения. Совет по делам религий был преобразован из республиканского органа государственного управления, реализующего государственную политику и осуществляющего координацию деятельности органов государственного управления в области государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений, прав человека на свободу совести и свободу вероисповедания, в некоммерческую организацию в форме государственного учреждения, созданную для реализации ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», не имеющую извлечения прибыли в качестве основной цели своей деятельности¹³³. Кроме этого, из перечня основных задач Совета по делам религий исключена координация деятельности органов государственного управления по вопросам проведения и обеспечения государственной политики в отношении религии и религиозных объединений.

Совет по делам религий информировал Президента РТ и руководство республики в целом о складывающейся си-

¹³² См.: Указ Президента Республики Татарстан № УП-147 от 28.04.2005 г.

¹³³ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Вх. 12-06 от 18. 06.2006 г.

туации вокруг проблем регулирования религиозной сферы на примере конкретных ситуативных вопросов¹³⁴. Ряд обращений был изучен, в частности, было рассмотрено поступившее через Первого заместителя Премьер-министра РТ обращение председателя Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Татарстан по вопросу придания Совету по делам религий статуса органа исполнительной власти и наделения в соответствии с этим специальной компетенцией в сфере государственно-конфессиональных отношений прокуратурой республики. Прокурор республики в ответном письме(20.04.2007 №40/2-30-01 На № Кол-303-03-РМ от 22.03.2007) отметил, что «изменения, внесенные в Положение о Совете по делам религий, противоречат требованиям ст.7 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 14.07.1999 № 2279 (ред. от 25.02.2004), которой предусмотрены полномочия по координации», а нынешний статус «подрывает его авторитет и способствует тому, что Совет по делам религий свои задачи и функции выполняет не в полном объеме»¹³⁵. В заключении были сделаны следующие выводы: «полагаю необходимым решить вопрос о придании Совету по делам религий статуса государственного органа исполнительной власти с наделением специальной компетенцией в сфере государственно-конфессиональных и межнациональных отношений...»¹³⁶. В соответствии с этим Совету по делам религий Первым заместителем Премьера-министра РТ было поручено «внести предложения по проекту изменений и дополнений в Указ Президента РТ»¹³⁷.

Однако при рассмотрении данного вопроса в разных форматах, например, на совещании, проведенном по поручению Президента РТ в конце 2005 года, в заключении

¹³⁴ См.: Там же. Исх. № 129 от 6 мая 2006 г.; исх. №176 от 1 июня 2007 г.

¹³⁵ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Вх. 46-04 от 27.04.07 г.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

Правового управления Кабинета министров Р.Ф. Гафиатулина (27.11.06), первого заместителя министра экономики и промышленности А.Н. Кудрявцевой (02-33/2529 от 26.04.07) выносились решения о недопустимости права координации и включения госоргана по делам религий в структуру исполнительной власти и т.д. В итоге выходит Постановление Кабинета министров РТ № 233 от 11.06.2007 года о внесении дополнения в прежнее постановление о Совете (пункт 2.1): «Осуществление координации деятельности исполнительных органов государственной власти по вопросам реализации государственной политики в отношении религии и религиозных объединений». Однако это носило неконструктивный характер,¹³⁸ поскольку некоммерческая организация в форме государственного учреждения не могла координировать работу структур исполнительной власти на основе лишь принятого решения, законно не находясь в рамках этой системы. Таким образом, двусмысленность позиции в данном вопросе стала очевидной.

Эта коллизия была разрешена только при новом председателе Совета по делам религий в 2008 году, в рамках вновь созданного Управления по делам религий при КМ РТ, которое было включено в структуру исполнительной власти, а руководителям был возвращен статус государственных служащих. Однако деятельность его уже определялась не системой широкой социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений в структурах исполнительной власти, которая была просто постепенно вытеснена. Широкая системная координация в данной сфере была заменена исполнением повседневных ситуативных поручений. На логику развития событий не могли повлиять и наполненные тревогой за складывающуюся ситуацию письма в адрес руководства республики опытных сотрудников бывшего Совета по делам религий при КМ РТ М.Н. Фасиховой, В.Р. Абдулхаевой,

¹³⁸ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Вх. 19-06 от 13.06.2007 г.

В.П. Козлова, а также экспертная оценка автора «Заехали в тупик?» от 18 апреля 2011 года и другие. Не нарушило заданный процесс развития статуса и содержания деятельности госоргана по делам религий и осложнение ситуации, связанное с нурлатскими событиями ноября 2010 года и трагическим случаем июля 2012 года.

В дальнейшем госорган по делам религий был преобразован в Управление Президента РТ по взаимодействию с религиозными объединениями, затем стал составной частью департамента внутренней политики Аппарата Президента Республики Татарстан. Это в принципе логическое завершение того курса, который был взят на концентрацию властных полномочий в сфере религий в одних руках и реализацию их способами преимущественно административного характера, что может серьезно повлиять даже на религиозные структуры в случае их возможной «приватизации». Известно, что при слабости своего аппарата его обслуживает руководитель, а не наоборот. Если такое обнаруживается, то обладающие властью структуры восполняют недостаток силы, просто низводя своих конкурентов, и сосредоточивают у себя максимум полномочий. Как показывает практика, при различных кризисных ситуациях ответственные лица аппарата обычно остаются вне критики, что было продемонстрировано, например, в случаях увольнения двух последних руководителей госоргана по делам религий, хотя они были напрямую подчиненными, целиком и полностью выполняющими волю руководителя структурного подразделения Аппарата Президента.

Вместе с тем, все это отражает складывающуюся общую тенденцию, напоминающую принцип действия маятника; участники событий лишь вносят определенные оттенки в существующую картину. При одержимости и амбициозности архитекторов данного курса сосуществование двух концепций работы на религиозной площадке представлялось весьма проблематичным. Создавшееся напряжение в процессе реализации двух конкурирующих концепций на основе тенденциозных подходов нашло разрешение в увольне-

нии с должности председателя Совета по делам религий при КМ РТ¹³⁹.

На языке государственных служащих это означает не-пременное прекращение и сворачивание той практики и методики, которая проводилась прежним руководителем любого ведомства и его командой. В случае с госорганом по делам религий события разворачивались несколько не по стандартной схеме, не совсем так, как обычно происходит с чиновниками при жестких решениях. Вместо предложенного варианта написать заявление по собственному желанию, исходя из мнения научной группы проекта «Культура, религия и общество», председатель Совета по делам религий в тот же день (1.10.2007г.) обращается с письмом к Президенту РТ, который в своей резолюции поручил «рассмотреть» обращение. Суть письма отражает концепцию проводимой госорганом по делам религий работы за последнее десять лет и резюмируется несогласие, что «позиции разошлись», поскольку шло утверждение альтернативных форм работы в религиозной сфере. По своей сути и по форме отстаивание научной группой своих позиции посредством использования личной судьбы руководителя в практике госструктур явление крайне редкое и весьма сложное.

Таким образом, в силу того, что идейно-концептуальная составляющая работы проекта «Культура, религия и общество» и его руководителя в лице председателя Совета по делам религий не соответствовала видению части госслужащих, а добровольный уход с работы не последовал, взамен первоначального проекта Постановления Кабинета Министров РТ об увольнении по собственному желанию выходит решение приказного характера (ст.81, п.10). С другой стороны, хотя и оно носило необоснованный и унизи-
тель-

¹³⁹ См.: Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Вх. 13-10 от 11 октября (Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 1 октября 2007 г. № 531 О Р.А. Набиеве), который к этому моменту по ступени государственной службы был в ранге действительного государственного советника 3 класса.

ный характер, тем не менее, позволяло обращаться к структурам под разными предложениями (рассмотрение порядка увольнения 4.04.2010, возвращение статуса госслужащего, право на выслугу лет 1.11.2012, пересмотр содержания постановления об увольнении 8.11.2013) с тем, чтобы вернуться в структурах власти к вопросу рассмотрения того опыта, который был накоплен в период реализации проекта «Культура, религия и общество» в рамках деятельности Совета по делам религий при КМ РТ 1997-2007гг.

С этого момента внутри государственного аппарата прекращается деятельность по реализации проекта «Культура, религия и общество», осуществляемого в соответствии со ст.7 республиканского закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Вместе с тем она продолжается, но уже в другом формате. По логике сформировавшихся представлений у некоторой части государственного аппарата в регулировании конфессиональной сферы осуществлялись другие подходы и проходили апробацию иные способы и приемы. Концепция проекта «Культура, религия и общество» о системе социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений, осуществляемой в рамках деятельности Совета по делам религий при КМ РТ, продолжил свое развитие уже вне системы государственной власти. В частности, в КФУ на кафедре политической истории и мировой политики и в ее лаборатории «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения: отечественный и зарубежный опыт» (созданной по решению Ученого совета КФУ от 27.12 2012 г.) в рамках теперь больше в сфере конкретно научной и научно-методической деятельности.

Научно-теоретическая и научно-методическая разработка проблем государственно-межконфессиональных отношений организаторами проекта «Культура, религия и общество» в последние годы осуществлялись в шести выпусках Серии по итогам международных и всероссийских форумов, монографических и диссертационных исследованиях, де-

сятках научно-методических и учебных пособиях, экспертных выступлениях и заключениях. Общественно и научно значимая работа коллектива в составе Р.А. Набиева (руководитель), В.М. Бухараева, Г.П. Мягкова, А.Ю. Хабутдиова, А.А. Гафарова за проект «Культура, религия и общество» Ученым советом КФУ 2013 году была выдвинута на Госпремию РТ в области науки и техники, что получило более двух десятков положительных заключений от научных и общественных учреждений и известных специалистов. Получив научное признание и став предметом политического осмысления, участники данного проекта из восьми претендентов на традиционно выделяемые две премии по общественным наукам дошли до финала. Важно то, что существенное продвижение в позитивной оценке труда коллектива казанских ученых произошло не только в научных, но и в политических кругах, о чем свидетельствуют публичные выступления об этом проекте Председателя Государственного совета Республики Татарстан¹⁴⁰, депутата Госсовета, Вице-президента АН РТ¹⁴¹, а также Государственного советника Республики Татарстан.

Вполне закономерными выглядят попытки компенсации недостаточной работы как в сфере широкого взаимодействия общественных и государственных институтов, расширения субъектов-участников межконфессионального диалога, так и в сфере системной работы в данном направлении. Продуктом этой заботы стал Указ Президента Республики Татарстан от 30 января 2013 года «Об образовании Совета при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям». Совет, состоящий из 46 человек, представляет собой консультативный орган, он призван обеспечить взаимодействие между властью, институтами гражданского общества, общественными

¹⁴⁰ Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы международной научной конференции (Казань, 23–24 мая 2013 г.) Серия: «Культура, религия и общество». Вып. 23 / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 3–4.

¹⁴¹ Хакимов Р.С. Наука прямого действия // Республика Татарстана. 2013, 14 июня.

и религиозными объединениями, научными организациями. Бесспорно, позитивным является то, что появляется новая, действующая на более высоком уровне, общественно-государственная площадка, где можно будет утвердить концептуально-перспективные направления развития межнациональных и межконфессиональных отношений. Вместе с тем общим слабым местом подобных высоких общественно-государственных образований, как показывает практика, являются их ограниченные возможности обеспечения четко выраженной постоянной работы.

Исходя из установки Президента РФ об ответственности руководителей субъектов федерации за состояние дел в этноконфессиональной сфере, департамент внутренней политики Аппарата Президента становится ключевой структурой, которая подотчетна только первому лицу республики, а не представительной ветви власти. Отсюда качества решений, принятых наделенной огромной властью структурой, и ответственное отношение к их выполнению во многом зависят от ситуативных обстоятельств и личных качеств руководителей. При таком подходе, как правило, возрастает пренебрежение и глухота к чужим позициям и предложениям со стороны ставшего неуязвимым политико-идеологического центра власти. Созданный Совет по межэтноконфессиональным вопросам, с одной стороны, имеет опасность стать структурой по выработке малоэффективной методики с точки зрения ее деятельности в области практики и стратегии, с другой – местом консолидации всех интеллектуально-организационных сил для решения назревших задач, что требует много удачных составляющих. Следовательно, сложившая концепция работы на конфессиональной площадке состоит из двух уровней: а) Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям, представляющий демократическое начало; б) департамент внутренней политики Аппарата Президента РТ, обладающий административно-политическими властными полномочиями.

Становится очевидным, что для сбалансированного решения не только этих, но и многих других составляющих этноконфессиональных проблем на федеральном и региональном уровнях необходимо создавать самостоятельные министерства, комитеты, госкомитеты¹⁴² и т. д. Они работают с иной мерой ответственности в смысле подотчетности, а глубина погружения и широта охвата проблем могут выгодно отличаться. В таком формате имеется реальная перспектива возвращения концепта проекта казанских ученых-практиков «Культура, религия и общество: системная социокультурно-правовая координация развития государственно-межконфессиональных отношений», но уже, надо полагать, на более высоком уровне.

Учитывая вышеизложенное, следует заметить, что современная конфессиональная политика при её базировании на опыте исторического прошлого имеет свои четкие теоретические и политические ориентиры. Именно народы региона в непростой ситуации, не допуская в прошлом возникновения религиозных войн, выработали толерантное и взаимоуважительное отношение друг к другу. Данный опыт в сочетании с продуманной и взвешенной политикой государства в отношении религии на современном этапе может стать фактором стабильности и устойчивого развития общества. Прошедшая проверку на практике концепция системы социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений имеет свои этапы формирования и взаимосвязанную цельную структуру, сочетающую в себе как демократическое начало, так и координирующие функции:

а) обеспечение легитимации социокультурно-правовой и координационной деятельности госоргана по делам религий принятием республиканского закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1999)¹⁴³;

¹⁴² См.: Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. 26. 07.2000 г., предложение и отрицательный ответ по созданию госкомитета (п/01-5414 от 18. 08. 2000 г.), а также исх. № 129 от 6. 05.2006 г. о создании комитета.

¹⁴³ См.: Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Казань, 2001. Ст. 7.

б) комплектование кадрового состава госоргана по делам религий и определение приоритетных направлений деятельности¹⁴⁴;

в) создание проекта «Культура, религия и общество» как научно-практического комплекса, ставшего наукой прямого действия в 1997–2007 гг. в рамках деятельности Совета по делам религий при КМ РТ¹⁴⁵;

г) формирование общественно-экспертных и организационных структур при Совете по делам религий при КМ РТ (Экспертный совет по религиоведческой экспертизе, Комиссия по государственно-конфессиональным отношениям, Экспертная группа Комиссии по государственно-конфессиональным отношениям и др.)¹⁴⁶;

д) разработка концепции социального партнерства государственных и религиозных структур в сфере образования, социального служения, создание инструментов недопущения распространения экстремистских течений и условий для развития религиозных организаций в качестве элементов гражданского общества. Следовательно, складывание концепции проекта «Культура, религия и общество» охватывало организационно-концептуальные, правовые и практические сферы, что предусматривало рождение механизмов решения вопросов развития государственно-межконфессиональных отношений.

Таким образом, в условиях пришедшего в конце 1990-х годов взамен постсоветскому сверхлиберализму государ-

¹⁴⁴ В составе Совета по делам религий при КМ РТ в 1997–2007 гг., при имеющих 8 штатных единиц, работали на полной ставке кандидаты и доктора наук Р.А. Набиев, И.П. Корнилов, В.П. Козлов, В.В. Никифоров, М.Н. Фасихова, по совместительству Е.В. Липаков, В.М. Бухараев, А.Ю. Хабутдинов, а также разрабатывающие и впоследствии защитившие кандидатские диссертаций по проблемам духовных ориентиров молодежи и системы мусульманского образования А.М. Фазлиев и И.З. Нафиков.

¹⁴⁵ См.: Цикл работ по итогам научно-практических мероприятий в рамках проекта «Культура, религия и общество», а также содержание книги гл. 1, раздел 3.

¹⁴⁶ Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане. Вып. 11. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2003.

ственного внимания к сфере религии в Татарстане была найдена оригинальная модель управления религиозными процессами. Она связана с решением руководства республики о привлечении в Совет по делам религий при КМ РТ группы ученых КГУ, сосредоточенных вокруг научного проекта «Культура, религия и общество». Из-за существующих на сегодняшний день различных подходов к вопросу взаимоотношений власти и религии (например, строгой «сепаратности»), для нашего еще во многом традиционного общества, при наличии «феномена возрождения», в ближайшей перспективе государственное внимание к вопросам религии остается важным. В этом плане в республике прошли апробацию два варианта: во-первых, сложный и опосредованный путь создания госоргана по делам религий с координирующими функциями и формирование модели системной социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений: через развитие режима постоянного диалога и нормативно-правовой базы, социального партнерства, образования, развития внутренних ресурсов социальных институтов религий, помогающих им стать элементами гражданского общества. Во вторых, ослабление госоргана по делам религии путем растворения его в структурах власти и переход к формам с преобладанием административно-командного регулирования религиозной сферы, решающим ситуативные вопросы, но не обеспечивающим закладывание социокультурных основ развития межконфессионального согласия. Доминирование последнего варианта в структурах власти путем кадровых и структурных изменений, а также возложением несвойственных госоргану по делам религий административных функций или дублированием задач других структур ведут к растворению его в вертикали власти, тем самым ослабляется более гибкий и опосредованно действующий вариант в государственно-конфессиональной политике. В-третьих, важно то, что наметились поиски ресурсов в сфере общественных институтов, что связано с созданием по этноконфессиональным вопро-

сам специального общественного Совета, который повторяет схожие общественные структуры, действовавшие при госоргане по делам религий как часть общей системы в рамках реализации научно-практического комплекса «Культура, религия и общество», хотя в статусном плане на более высоком уровне. Следовательно, широкая системная социокультурная и правовая координация развития государственно-межконфессиональных отношений является проверенной моделью и позитивным опытом Татарстана в сфере регулирования развития государственно-межконфессиональных отношений.

3. Периодическая печать как средство рецепции свободы совести

В связи с распространением демократических принципов в условиях социально-политической трансформации общества средства массовой коммуникации получают широкую свободу. По мере того, как общество продвигалось в сторону ослабления советско-коммунистических конструкций функционирования идеологических структур, появлялась возможность внедрения в общественное сознание плюралистических позиций и мнений, в том числе в сфере свободы совести.

Наиболее ярким не только религиозным, но и общественно-культурным событием, активно обсуждаемым в средствах массовой информации, стало мероприятия по случаю тысячелетия принятия христианства на Руси и 1100-летия принятия ислама в Волжской Булгарии. Эти события серьезно повлияли на общественное мнение постсоветского общества относительно оценки роли и места религиозных ценностей в истории и культуре народов. Патриарх Алексей II и муфтий Талгат Таджуддин стали частыми гостями в системе массовой информации.

Вместе с этим появилась возможность распространять и пропагандировать учения нетрадиционных и новых религи-

озных течений, что находило отражение в печати. К середине 1980-х годов в республике было всего две общины евангельских христиан-баптистов и одна община адвентистов седьмого дня. Спустя десять лет их стало 30, причем 10 из них, которые являются миссионерскими обществами харизматического толка, зарегистрировались в последние три года в крупных городах. В особенности в 1992-1993 годы проводились массовые собрания на стадионах, во дворцах культуры с участием зарубежных миссионеров разных направлений, где осуществлялась евангелизация части населения или происходило вовлечение людей в свое религиозное направление. Информация об этих мероприятиях становилась доступной населению через средства массовой информации.

Распространение новых религиозных движений вызывало беспокойство многих граждан. Сопротивление этому носило разноплановый характер, порой предложения и действия не всегда вписывались в рамки закона или были на грани его нарушения. Татьяна Сидрова, опытная и часто пишущая на острые темы журналистка, в статье «Религиозная чернуха грозит захлестнуть Татарстан» выразила общую тревогу¹⁴⁷. Продолжая эту тему, в статье «Бог правду знает, да не скоро скажет»¹⁴⁸ она уделила особое внимание проведенной Советом по делам религий международной конференции «Религия в современном обществе: история, проблемы и тенденции». В статье отмечается, что раньше подобные форумы «не давали никакой пищи умам и сердцам участников. На сей раз обновленный и укрепленный состав республиканского Совета по делам религий такую пищу организовал «с пылу с жару». Анализируя содержание обсужденных вопросов в армейском стиле, она оправдывает это тем, что сам Патриарх Алексей II «сравнивал наступление тоталитарных деструктивных сект (новых религий) на Россию с наступлением НАТО на Восток». В статье были отмечены наиболее важные, больные, проблемы, поднятые выступающими, а именно:

¹⁴⁷ Время и деньги. 1997. 10 июня.

¹⁴⁸ Там же. 9 октября.

М. Муртазин о возрастающей значимости слова муллы, Р. Набиев о том, что «церковь должна существовать обособленно, иначе потеряет себя», А. Шепталин из Удмуртии о привлекательности неоязычества для интеллигенции, Г. Галиуллин о расширении возможности работы с молодежью в школах, достижении исламом уровня православия и теоретическом обосновании практики религиозного ренессанса в обществе, Р. Хакимов о роли евроислама во взаимоотношениях между Западом и Востоком, А. Журавский об исторических заслугах христианства в России и Поволжье, Ф. Харисов о диалоге школы с традиционными религиями, что, по мнению автора, статьи проигрывало на фоне активности новых религий, С. Червонная о насильственном крещении в Поволжье и Крыму (за что от журналиста ей досталась критика за политизацию религиозных вопросов и за обвинение в косности российской провинции, хотя не так давно она сама издала дружелюбную книгу «о провинции» под названием «Искусство Советской Татарии») и другие. Резюмируя, автор опять акцентирует внимание на наболевшем: «Участники конференции сформулировали-таки: отечественная религия – та, что учит уважению к своей земной родине. В то время как «новые религии» космополитичны по сути, причем в вызывающей форме»¹⁴⁹. Все же спектр поднятых вопросов на этой конференции оказался весомым, многоплановым и комплексным. На конференции поднимался вопрос о необходимости исламского центра в Татарстане, одной из его форм могло стать создание общества исламоведов. Вскоре, как сообщалось в печати, в здании театра им. Тинчурина прошла презентация центра (президент Рамиль Юнусов) и научная конференция, посвященная главным образом проблемам образования. Комментируя это событие в газете «Молодежь Татарстана», председатель Совета по делам религий подчеркнул необходимость подобного центра для спокойного развития ислама, что согласуется и с законом, тем более что «разрабатываемый Советом республиканский

¹⁴⁹ Время и деньги. 1997. 9 октября.

закон о свободе совести будет учитывать национальные и религиозные традиции народов»¹⁵⁰.

Реальные факты будоражили общественное сознание, в частности, случай о выдворении из Казани уже почти год проживающего в городе гражданина США Паула Боема, который являлся проповедником мормонов¹⁵¹. Автор статьи «Крещение мертвых казанцев» Альберт Шакиров сообщил о том, что «мормоны в Татарстане, как и во всей России, заняты скупкой архивных данных всех умерших с целью посмертного крещения»¹⁵². Этот факт возмущал, пожалуй, больше всего мусульман, поскольку это воспринималось как «двойное глумление над памятью умерших мусульман», по выражению первого заместителя муфтия В. Якупова. Этот случай для Совета по делам религий стал важным аргументом при объяснении причин отказа религиозной группе в регистрации до 2009 года. В этой части не помогло им и предложение решить данный вопрос через суд, а также то, «что Ринат Набиев – председатель Совета по делам религии при Кабмине РТ – после поездки на конференцию в Нью-Йорк воспользовался гостевым приглашением в Юту»¹⁵³. Вместе с тем более спокойно и без каких-либо конфликтов прошла регистрация религиозной группы бахаи. Увлечение молодежи деятельностью этой «экзотической» организации, как с удивлением отмечает известный журналист Рафаэль Миргазизов, священнослужителей традиционных конфессий не особенно волнует. «Напротив, они даже его приветствуют, считая «вспашкой души», которая позже поможет перейти... к более серьезным и фундаментальным вероуставам ислама и православия»¹⁵⁴.

В 2006 году такое действие, как выдворение, было осуществлено по отношению к гражданину Японии К. Аоки, мис-

¹⁵⁰ Молодежь Татарстана. 1998. 15 января.

¹⁵¹ Время и деньги. 1997. 10 июня.

¹⁵² Восточный экспресс. 2001. 27 декабря.

¹⁵³ Восточный экспресс. 1997. 27 декабря.

¹⁵⁴ Республика Татарстан. 2001. 9 июня.

сионеру «Церкви объединения Муна», а с приездом гражданина США в Казань Боба Вайнера было связано появление религиозной группы «Дух жизни», которая после суда над пастором Н. Соломоновым самораспустилась. Активисты церкви «Краеугольный камень» при поддержке миссионеров (Д. Вильямс и Д. Крис) в Казани провели многолюдное собрание «Твое призвание в царствие Божиим», а сторонники церкви сайентологии и центра «Дианетика» прочно обосновались в промышленных центрах республики – Набережных Челнах и Нижнекамске. Два лидера традиционных конфессий – мухтасиб Казани Мансур-хазрат и епископ Анастасий – высказались за ускорение принятия закона о свободе совести, причем первый предложил создать совет из представителей ведущих конфессий (ислам, православие, иудаизм) при госструктурах для согласования при регистрации новых религий, а второй по этому поводу высказался за то, чтобы подождать до принятия закона¹⁵⁵. Подобные ограничительные предложения поступали, но они при реализации привели бы к нарушению прав человека, что и разъяснялось авторам этих инициатив Советом по делам религий при КМ РТ. К фактам некорректной трактовки религиозной свободы можно отнести публикации 1998 года в газете «Вечерняя Казань», в которых выдвигалась версия о причастности Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня (АСД) к убийству В. Ткачевой своих детей. По данному факту пастор церкви АСД обратился с иском в суд. Бугульминская районная газета тоже допустила публикацию, в которой протестантские церкви были определены как секты и общественность и госструктуры призывались к разным формам ограничений их деятельности. Совет по делам религий негативно оценил данные публикации, основанные на неустановленных фактах и нарушающие права верующих.

На фоне непростой конфессиональной ситуации периодическая печать стремится, с одной стороны, уверить общество в том, что государство и имеющиеся специальные

¹⁵⁵ Время и деньги. 1997. 10 июня.

структуры профессионально занимаются этим вопросом, с другой обращает внимание на наиболее острые и волнующие проблемы. Содержание конфессиональной политики и правовые вопросы отражались в публикациях о деятельности общественных и государственных структур в разных журналистских жанрах; интервью ответственных работников, статьях, очерках и т.д.

Новые подходы в работе Совета по делам религий при КМ РТ нашли отражение в печати, например, организация специальных региональных семинаров по разъяснению вопросов свободы совести и государственно-конфессиональных отношений. В сообщении Д. Александрова под емким названием «Время учиться веровать» сообщается о таком семинаре в Набережных Челнах, где об основных тенденциях духовного развития в российском обществе рассказал доцент КГУ В. Бухараев, а также выступили заместитель министра юстиции РТ Л. Кузьмина, вице-мэр горда Ф. Муштафина, председатель Совета по делам религий Р. Набиев. Целью прошедшего семинара явилось разъяснение положений недавно принятого закона РФ «О свободе совести и религиозных объединениях»¹⁵⁶. В печати сообщалось также о разрабатываемом аналогичном республиканском законе¹⁵⁷, о парламентских слушаниях по этому поводу под председательством Ф.Х. Мухаметшина, где законопроект был представлен Н. Кробковым (секретарь постоянной комиссии Госсовета), Р. Набиевым (председатель Совета по делам религий при КМ РТ), а в обсуждении приняли участие Р. Миннуллин, муфтий ДУМ РТ Госман хазрат Исхаков, архиепископ Анастасий, А. Погасий, В. Якупов, Г. Хасанова, А. Журавский, Т. Миннуллин, А. Колесник¹⁵⁸.

Одним из важных направлений деятельности Совета по делам религий явилось разъяснение сути конфессиональ-

¹⁵⁶ Республика Татарстан. 1997. 19 ноября.

¹⁵⁷ Молодежь Татарстана. 1998. 15 января.

¹⁵⁸ Ватаным Татарстан. 1998. 24 октября; см. также: Мәдәни җомга. 1998. 6 ноябрь.

ной политики, содержания правовой основы функционирования религиозных объединений и принципов обеспечения прав граждан на свободу совести, на основе которых формируются толерантные межконфессиональные отношения. В этом плане были важны и во всех отношениях выигрышны выступления в печати Р.А. Набиева не как просто профессора-религиоведа, а должностного лица, отвечающего за состояние дел в конфессиональной сфере в государственных структурах республики. В этом плане привлекал внимание читателей ряд его выступлений и статей в периодической печати: «Мир и согласие – основа конфессиональной политики»¹⁵⁹, «Триколор на зеленом поле»¹⁶⁰, «На перекрестке двух цивилизаций»¹⁶¹, «Веротерпимость – это норма жизни»¹⁶², «Борылыштагы уйлар»¹⁶³, «Особенности конфессиональной политики Татарстана»¹⁶⁴ и другие.

Знания о специфике отдельных конфессий, в частности, ислама, тоже были востребованы обществом, а суждения об этом и позиция председателя республиканского Совета по делам религий являлись частью проводимой государственной политики. Обостренное восприятие событий происходило ввиду беспокойного протекания мусульманского возрождения, связанного с проникновением экстремистских течений в республику. В этой связи нужны были взвешенные и конструктивные выступления в средствах массовой информации, причем в самых разнообразных формах: статьи, заметки, интервью, участие в круглых столах и т.д. Многие названия публикаций в основном отражали содержание самих выступлений: «Не все решается в умме. Административные просчеты чреваты конфликтами на религиозной почве»¹⁶⁵, «Үз илемдә, үз иркемдә»¹⁶⁶,

¹⁵⁹ Республика Татарстан. 2001. 10 апреля.

¹⁶⁰ Российские вести. 2002. 20–26 февраля.

¹⁶¹ Республика Татарстан. 2001. 10 июля.

¹⁶² Республика Татарстан. 2002. 14 декабря.

¹⁶³ Шәһри Казан. 2000. 15 сентябрь.

¹⁶⁴ Современная мысль. 2005. апрель. № 4.

¹⁶⁵ Российская газета. 2003. 2 апреля.

¹⁶⁶ Татарстан. 1999. № 1.

«Бүгенге милли яңарышта ислам факторы»¹⁶⁷, «Мәдәниятебезнең нигез ташы»¹⁶⁸, «Үз горейф-гадәтләребездә тернәкләнгән дин кирәк»¹⁶⁹, «Этноконфессиональные факторы единства России. Насколько религиозные и культурные особенности народов нашей страны учитываются Центром и влияют на общеполитическую ситуацию?»¹⁷⁰ и другие.

Плодом успешного сотрудничества Совета по делам религий с редакциями и учеными-социологами (Кузнецовой-Моренко И.Б. и Салахутдиновой Л.Н., реализующими специальный проект) стало проведение в июне 2004 года совместного круглого стола по теме «Ислам и СМИ». В чем заинтересованно, – как отметила председатель Союза журналистов РТ Римма Ратникова, – принимали участие представители ДУМ РТ, общественных и государственных структур, ученые-преподаватели казанских вузов (выступили – Валиулла Якупов, Римзиль Валиев, Зуфар Галиуллин, Альмира Адиатуллина и др.). Из выступления Р. Набиева следовало, что с учетом специфики профессиональной сферы важно совершенствование «религиозной журналистики» и адекватное присутствие исламской темы на страницах газет и телерадиоэфире – об этом сообщала республиканская газета в статье А. Лебедева «Ислам в зеркале журналистики»¹⁷¹. В изданном по итогам встречи сборнике «Ислам и СМИ» (Казань, 2004) нашел отражение круг обсужденных вопросов – от соблюдения журналистами этики при освещении проблем отдельных конфессий до необходимости религиозного образования для журналистов¹⁷². Повышение эффективности СМИ в реализа-

¹⁶⁷ Фән һәм дин. 2000. № 2.

¹⁶⁸ Татар иле. 2001. Февраль. № 5.

¹⁶⁹ Ватаным Татарстан. 2005. 24 июнь.

¹⁷⁰ См.: Материалы круглого стола. НГ-Религии. 1999. 27 октября.

¹⁷¹ Республика Татарстан. 2004. 10 июня; См. также об этом: Шәһри Казан. 2004. 18 июнь.

¹⁷² См. также: Ислам в медийном пространстве: сборник материалов / под ред. Кузнецовой-Моренко И.Б. и Салахутдиновой Л.Н. Казань: Открытое общество, 2004. Под эгидой Совета муфтиев России учеными и опытными журналистами, такими, как С.Х. Кямилев, М.Э. Калимуллина, М.Л. Шевченко и др., готовится специальное пособие «Памятка журналисту по неоскорблению чувств верующих мусульман. М.: «Исламская книга», 2013. 60 с.

ции антиэкстремистской политики является предметом пристального внимания компетентных и других структур государства с тем, чтобы в этот процесс вовлекался также широкий круг общественности. В частности, в резолюции, принятой по итогам круглого стола в КФУ по теме «Совершенствование мер по противодействию вовлечению отдельных категорий граждан в экстремистскую деятельность» от 3 декабря 2010 года предложен ряд конкретных мер по усилению роли СМИ в этом вопросе.

Примером открытости средствам массовой информации, стремления дойти до глубины при раскрытии поставленных журналистами вопросов и проявления заботы о качестве и направленности публикаций на религиозные темы, несомненно, являлся М.Ш. Шаймиев. Это подтверждается многочисленными выступлениями в СМИ, причем в самых различных формах. Примечательно, что, не скрывая озабоченности, он излагает свое видение важного не только для мусульманина, но и волнующего, пожалуй, всех вопроса, как зарождается террористическое действие молодого человека и имеет ли это отношение к исламу. На такой вопрос автору статьи «Ислам тревоги нашей» газеты «Республика Татарстан» дается ответ, что кто-то использует глубину веры человека в своих целях, и «организаторы терактов не обязательно мусульмане»¹⁷³. Поясняя этот вопрос, известный профессор Московской духовной академии Андрей Кураев говорил, что исламский мир сложен и что в нем можно обнаружить и фанатиков, и подонков – как и везде. Вина ислама в том, что взрывы совершаются не где-либо, а именно среди людей и с исламскими лозунгами. Он в «Народной газете» пишет: «Не в терроризме виноват ислам, а в том, что недостаточно яростно защищает свою святыню – Коран – от фанатичных перетолкований». А вот «стратегическое планирование терактов, совершаемых от имени ислама, происходит в западном мире»¹⁷⁴, – убежден автор.

¹⁷³ Республика Татарстан. 2006. 3 февраля.

¹⁷⁴ Народная газета. 2004. 30 октября.

В связи со скандалом, вызванным публикацией в европейской прессе карикатур на пророка Мухаммеда, Президент М. Шаймиев высказался за адекватное реагирование представителей различных государств и конфессий. Он считал «необходимым принятие соответствующей законодательной базы, чтобы исключить в будущем проявление каких-либо вольностей на эти темы. Цена вопроса настолько высока, что полагаться только на ответственность и мудрость СМИ после произошедшего просто не приходится»¹⁷⁵. Митрополит Кирилл считал, что «скандал с опубликованными в Дании карикатурами – это не конфликт между исламом и христианством – это конфликт между секулярным либеральным гуманизмом и религией»¹⁷⁶.

Одним из концептуально и научно выверенных направлений работы за десятилетний период существования Совета с 1997 по 2007-е годы стало приоритетное развертывание социокультурного регулирования процесса религиозного возрождения наряду с правовыми действиями. Это связано с развитием религиозных организаций в качестве элементов гражданского общества, вовлечением их в социокультурную и общественную среду. Важно было в разных формах и системно поддерживать это развитие. На страницах периодической печати охотно публикуются подобные материалы. Такой подход свое отражение нашел также в рамках реализуемого исследовательского цикла «Культура, религия и общество», в частности, «Ислам и государство», «Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь», об успешной презентации которого в полномочном представительстве Татарстана в Москве сообщали в печати¹⁷⁷. Создаётся серия изданий о культуре толерантности, например, по итогам круглого стола¹⁷⁸, или справочник для милиционера,

¹⁷⁵ Республика Татарстан. 2006. 16 февраля.

¹⁷⁶ Известия. 2006. 1 марта.

¹⁷⁷ Татарские новости. 2005. № 4; Восточный экспресс. 2004. 17 ноября.

¹⁷⁸ См.: Векторы толерантности: религия и образование. Казань, 2006; Ислам в Татарстане: опыт толерантности и культура сосуществования. Казань, 2002.

о котором «Вечерняя Казань» пишет так: «Извести в Татарстане мымерцевщину (у персонажа-будочника Глеба Успенского были лишь две обязанности – «тащить» и «не пущать») под корень взялись председатель Совета по делам религий при Кабмине Ринат Набиев, руководство МВД в лице первого замминистра Рената Тимерзянова и замначальника управления кадров Здуарда Усманова и Центр толерантности «Поволжский мир» в лице Владимира Роскина – регионального представителя российско-американского проекта «Климат доверия»¹⁷⁹. Печать регулярно информирует о проведенных форумах по развитию толерантности, например, круглого стола с участием представителей духовенства в Доме дружбы народов, где Ринат Набиев сообщил о предложении комиссара Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблеса провести в Казани межрелигиозную конференцию, посвященную толерантности¹⁸⁰.

Имела большое значение поддержка и участие председателя Совета по делам религий в таких мероприятиях, как, например, чествование 110-летия имама-мугаллима мечети Марджани Габделхак хазрата Садыкова, Баш казыя Габделхак хазрата Саматова¹⁸¹ или 15-летие Молодежного центра Исламской культуры (МЦИК) «Иман»¹⁸². В частности, оценивая значение исламского центра журналист привел слова Р. Набиева, что «центр сыграл важную роль в деле духовного воспитания молодежи». А также важно было участие, скажем, в конференции «Калям в татарской богословской мысли»¹⁸³, организованной А. Юзеевым, Т. Ибрагимом, А. Хабутдиновым и др. Все это работало на возвращение традиций прошлых поколений и осмысление философского наследия.

¹⁷⁹ Вечерняя Казань. 2007. 11 апреля.

¹⁸⁰ Восточный экспресс. 2005. 2–8 июня.

¹⁸¹ Шәһри Казан. 2005. 9 декабрь; См. также: Сборник статей по случаю юбилея Г. Саматова «Халык күңелендәге Габделхак хәзрәт» (Казан-Сургут, 2010.192 б.), а также см.: Первые Саматовские чтения (сборник материалов). Беренче Саматов уклары (материаллар җыентыгы) / сост. В.М. Якупов. Казань: Иман, 2011, 124 с. и другие материалы ежегодных Саматовских чтений.

¹⁸² Современная мысль. 2005. декабрь. № 12.

¹⁸³ Шәһри Казан. 2003. 31 январь.

Выполнение религиозными организациями одной из социальных функций религии как социального служения, вовлечение их общественно значимые государственные проекты, а также участие их в мероприятиях культурно-просветительского и образовательного характера также находит освещение в средствах массовой информации. «На VI пленуме ДУМ РТ 12 октября 2004 года председатель Совета по делам религий поднял вопрос о благотворительной деятельности религиозных организации в рамках социального служения»¹⁸⁴. «Религиозный институт вакф как инструмент формирования социальной справедливости в обществе привлекает внимание не только верующих, поэтому заинтересованный разговор об это пошел на первой международной конференции, проведенной при поддержке Совета по делам религий, в Казани»¹⁸⁵, – сообщается в печати. С определенным беспокойством и удивлением в статье с броским названием «Мечеть раздора» описывали возникшие противоречия в связи с вводом в эксплуатацию НКЦ г. Лениногорска, пристроенного к мечети¹⁸⁶. Главе района Исхаку Садриеву и имаму Равилю Шакирову, которому в конечном итоге пришлось оставить свой пост, журналистам долго пришлось объяснять свою позицию. Подобная ситуация сложилась и в соборной мечети г. Альметьевска. Статья М. Зиннатуллина «Есть ли будущее у Мусульманского центра в Альметьевске» призывает сохранить мусульманский культурно-просветительский центр в комплексе здания мечети с музеем истории, культуры, исламских традиции¹⁸⁷. Вера Постнова в статье «Неправоверному музею указали на дверь»¹⁸⁸ подробно старалась рассказать о важных моментах конфликта, связанного с роспуском дирекцией строящегося мусульманского центра и деятельностью «культурно-религиозно-просветительского»

¹⁸⁴ Шәһри Казан. 2004. 15 октябрь.

¹⁸⁵ Шәһри Казан. 2004. 18 июнь.

¹⁸⁶ Вечерняя Казань. 2006. 15 ноября; Заман сулышы. 2006. 20 сентябрь.

¹⁸⁷ Звезда Поволжья. 2001. 15–21 ноября.

¹⁸⁸ Независимая газета. 2003. 20 февраля.

центра. В какой-то степени возникшая коллизия раскрыла многие тонкости правового характера, возможности выстраивания взаимоотношений государства, общественности и мечети, национальной культуры и религии.

Поздравления, посещение и приемы духовенства ислама и православия на уровне республиканского руководства стали традицией. Иногда организуются такие же посещения и для других конфессий, например, М.Ш. Шаймиев посетил иудейскую общину по случаю праздника Хануки¹⁸⁹, а официальное ежегодное поздравление по случаю праздника Пейсах от имени государства было определено решением правительства по предложению Совета по делам религий¹⁹⁰.

Наиболее сложное, порой противоречивое освещение в печати получают проблемы внутреннего развития мусульманской уммы, распространения ваххабитских и экстремистских течений. Тому есть разные объяснения: добрые побуждения, иногда присутствует чисто политиканствующая мотивация, желание пиариться на фоне острых тем, нехватка профессиональных знаний и т.д. Одно дело – знать проблему изнутри, другое дело – выйти с этим на широкую публику, где не многие могут профессионально оценить и понять ситуацию. В данной сфере важно не распространение страшилок, а выстраивание грамотной и системной работы, позволяющей ослабить остроту проблемы и постепенно выправить обстановку. У политического руководителя бывают разные источники информации, в том числе и СМИ, исходя из этого он обычно принимает соответствующее решение.

Проблема ваххабизации населения стала одной из серьезных тем для СМИ, в том числе для периодической печати. Известный исламовед Айслу Юнусова в интервью для газеты «Время и деньги» во время международной научно-практической конференции, посвященной развитию исламской культуры в Волго-Камском регионе и прошедшей в начале июня 2001 года, заявила, что «никакой исламской

¹⁸⁹ Еврейское слово. 2002. 11–17 декабря.

¹⁹⁰ Республика Татарстан. 2004. 6 июня.

угрозы в действительности не существует, точно так же, как и ваххабитов, поисками которых сейчас активно занимаются некоторые политики и пресса»¹⁹¹. Данная ее позиция была изложена и на страницах газеты «Аргументы и факты Регион»¹⁹². Казанский ученый Р.М. Мухаметшин публично заявил о наличии в Татарстане «умеренного ваххабизма», что вызвало недоумение многих. Газета Совета муфтиев России «Ислам минбаре» с 1999 года начала печатать серию статей «О ваххабизме и ваххабитах», в которых попытались дать взвешенную оценку этому течению и снять ряд противоречивых суждений о нем¹⁹³. Круглый стол в редакции «Вечерняя Казань» собрал специалистов в области религии – Гусмана Исакова, Рината Набиева и Рафика Мухаметшина. В этом случае разговор был выстроен в соответствии с названием темы «Кавказские события – это испытание для духовенства Татарстана»¹⁹⁴. Проведенный редакцией газеты «Республика Татарстан» круглый стол с участием ученых Д. Исакова, Р. Мухаметшина, В. Якупова обсудил перспективу развития ислама в Татарстане, а лейтмотив соответствовал названию материала – «Ваххабизму – нет, джадидизму – да?»¹⁹⁵ В целом в печати не было единого и однозначного мнения о ваххабизме, по крайней мере, позиции сближались в главном – в том, что он несет угрозу общественному спокойствию.

Совет по делам религий и его председатель в силу специфики своей деятельности и компетенции в вопросах уровня ваххабизации никогда не выступал. Однако напряженная работа шла в сфере образования, комплекс мер по развитию традиционного ислама и противодействию экстремизму проводился системно в рамках полномочий, которыми был наделен госорган по делам религий. Уже после ухода председателя с занимаемой должности в печать просочился ряд оценочных моментов Совета по делам религий. Газе-

¹⁹¹ Время и деньги. 2001. 14 июня.

¹⁹² Аргументы и факты Регион. 2001. № 25.

¹⁹³ Ислам минбаре. 1999. № 8.

¹⁹⁴ Вечерняя Казань. 1999. 19 ноября.

¹⁹⁵ Республика Татарстан. 2001. 24 мая.

та «Звезда Поволжья» представила «справку, подписанную доктором наук Ринатом Набиевым, предназначенную для главы правительства РТ Рустама Минниханова. Она написана в 2006 году, но интересна. В ней констатируется, что в республике продолжают появляться подпольные медресе. Констатируется, что «окружение муфтия продолжает оставаться в зависимости от иностранных финансовых средств и сохраняется, по сути, модель образования, свойственная чисто мусульманским странам». Набиев констатирует, что имеется две перспективы развития ислама в Татарстане: 1) радикально настроенный ислам под иностранным влиянием, который имеет в арсенале ДУМ РТ; 2) развитие на основе наших традиций, осмысление богатого наследия наших джадидов с учетом современных достижений исламской мысли»¹⁹⁶. Данная газета, ссылаясь на «малоинформированные источники», также сообщила, что «Ринат Набиев, который участвовал в работе пленума, написал аналитическую записку президенту Шаймиеву, в которой делился опасением, что если Гусман хазрат останется в третий раз управлять ДУМом РТ, то может усилиться «ваххабизация» мусульман в Татарстане»¹⁹⁷.

Об исламе можно говорить много, он един и вместе с тем многолик. На этой площадке появлялись разные материалы, как отражающие реальную ситуацию, так и предвзятые, необъективно освещающие те или иные события. В «Известиях» журналисты Александр Богомолов, Сергей Расов, Алексей Укконе, Виктор Филиппов под броским названием «Неверные. В России мусульмане начали составлять «черные списки» врагов ислама»¹⁹⁸ поспешили информировать всю страну о случае, произошедшем в Петрозаводске, где неудачная и в правовом отношении недопустимая, а по Корану не богоугодная попытка защиты своих интересов стала предметом широкого обсуждения. В принципе – решение

¹⁹⁶ Звезда Поволжья. 2010. 25 февраля – 3 марта.

¹⁹⁷ Звезда Поволжья. 2006. 29 декабря – 13 января.

¹⁹⁸ Известия. 2003. 22 февраля.

данного вопроса, прежде всего, дело правоохранительных структур. Много интересных фактов и информации дается в публикации «Московский комсомолец» об экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами», что очень важно. Вместе с тем этот специальный репортаж на целую полосу под названием «220 дней в джихаде»¹⁹⁹ больше напоминает репортаж из мест военных действий, чем вдумчивую статью о возникших проблемах. Общественный деятель и журналист Шамиль Галимов в статье «Суд странный, но справедливый» пишет о суде над террористической группой «Хизб-ут Тахрр аль-Ислами» в составе двух узбеков, и одного татарина, примкнувшего к ним, которые хотели установить в Самаре халифат. Он эмоционально и с сожалением пишет о случившейся у этих молодых людей беде и о том, какой урон наносится исламу. Автор спокойными рассуждениями подводит читателя к мысли, что случившийся факт не должен побуждать СМИ делать пугало из ислама. Дело в том, что, по сути, шумиха в СМИ способствовала нагнетанию обстановки и запугиванию исламом, тогда как реальной угрозы установления халифата не существовало, тем более что двое были освобождены из-под стражи прямо в зале суда, а «примкнувший» отделался штрафом²⁰⁰.

Озабоченная проблемами уммы республики и не вдаваясь в тонкости исламских течений, писатель и общественно-политический деятель Фаузия Байрамова выступила с протестной статьей «Рамазан аенда мэдрэсэлэр ябу мэслихэт булырмы?», связанной с судебным процессом в Набережных Челнах по медресе «Йолдыз». Здесь подвергались критике многие государственные структуры, в том числе Совет по делам религий при КМ РТ и его председатель за изучение книг, имеющихся в библиотеке медресе. О расширении мусульманского влияния и радикализации ислама, особенно среди молодежи, информирует читателей М. Тульский в объемной статье «Ислам в неисламском мире. В большинстве стран

¹⁹⁹ Московский комсомолец. 2004. 19 июля.

²⁰⁰ Азан. 2005. 18 ноября.

численность и влияние мусульман выросли за последние десятилетия»²⁰¹.

Статьи журналистки Веры Постновой отличались драматичной формой изложения материала, г. Казань в глазах читателя превращался в главного рассадника экстремизма-ваххабизма, и хотя в статье приводится много реальных фактов, но они даются в своеобразной авторской трактовке. В частности, это мы видим в статье «Еще одно взятие Казани. Если пустить исламское образование на самотек, в России скоро появится свой Усама бен-Ладен», «Воины джихада с берегов Камы», «Ваххабитам в России вольготно», «Мечети обороняются от ваххабизма», «Ваххабиты под носом у Шаймиева», «Татарстан в объятиях ваххабизма»²⁰² и др. В статье, названной первой, автор как бы опасается превращения Казани в центр притяжения российских мусульман, в особенности журналистка резко критикует деятельность второго регионального Казанского муфтията под началом муфтия Татарстана. Критика В. Якуповым автора этих статей, в частности, за необъективность информации в сообщении «Конкурентная борьба за минареты» была воспринята в штыки Фаридом Салманом. Он, прежде всего, выдвинул ряд аргументов в свою защиту, обвинил муфтия и его первого заместителя в распространении ваххабизма, в приспособленчестве за предложение сжечь мусульманские книги, признанные экстремистскими²⁰³. Свое мнение об этом случае высказал также известный в прошлом активный депутат и публицист Фандас Сафиуллин в статье «Духовное управление котельными»²⁰⁴.

С точки зрения мусульманских канонов отсутствие единого духовного центра в российском пространстве не должно вызывать удивления, причем и светский закон не противоречит этому. Это резко отличает ислам от православия, католи-

²⁰¹ Независимая газета. 2001. 29 сентября.

²⁰² Независимая газета. 2002. 4 марта; 2002. 16 апреля; 2005. 18 мая; 2004. 24 декабря; 2004. 22 сентября; 2004. 30 ноября.

²⁰³ Звезда Поволжья. 2008. 17–23 апреля.

²⁰⁴ Звезда Поволжья. 2008. 13–19 марта.

цизма и др. Однако нельзя забывать о сложившихся традициях российских мусульман с эпохи Екатерины II и о том, что интересы государства и, естественно, запросы и проблемы самих мусульман часто требуют консолидированного подхода. Отсюда появление новых муфтиев в субъектах федерации (их около 80), духовных центров (наиболее крупных – 3) всегда вызывает интерес и осуждение, порой непонимание и разные спекуляции. Эта тема в журналистской тематической обойме всегда имеет свое место. Авторы статьи «Лидеры мусульманского раскола» Алексей Максимов (о Равиле Гайнутдине) и Михаил Тульский (о Талгате Таджуддине) представили на страницах «Независимой газеты» обширную информацию о жизненном пути двух мусульманских лидеров современной России²⁰⁵. Показывая этапы постепенного развития сопернических отношений, авторы сосредоточиваются больше на конкретных участниках событий, чем на причинах, содействующих возникновению конкретной ситуации. Верховный муфтий Т. Таджуддин, титул которого оспаривался и считался нелегитимным в статье Тагира Шайдуллина «Миф «о верховном муфтии»²⁰⁶, а по Тимуру Вахитову («Нетрадиционный ислам», «Звезда Поволжья», 2001 г.) данный лидер виновен в расколе и выполняет чужую волю, представлен ярким сторонником сохранения традиций и активным противником распространения ваххабизма в стране²⁰⁷.

В периодической печати у мусульманских лидеров – как Т. Таджуддина, так и Р. Гайнутдина – имеется большое количество интервью и выступлений по разному случаю или без явного повода. Так, председатель ЦДУМ в печати неоднократно обнародовал свое видение раскола, что его «как такового среди российских мусульман нет и не было...», что это « миф, выдуманный и поддерживаемый целенаправленно», и в этом явлении есть, прежде всего, зарубежное влия-

²⁰⁵ НГ-Религия. 2001. 28 июня.

²⁰⁶ Независимая газета. 1997. 25 сентября.

²⁰⁷ См. также: Звезда Поволжья. 2002. 17–23 января. отрывки из книги Михаила Тульского «Россия и мусульманский мир».

ние²⁰⁸. Его интервью с броскими названиями, состоящими из его высказываний, привлекает внимание читателей. Скажем, такие заголовки газет, как: «Исламисты призывают джихад на свою голову» в дни проведения международной конференции лидером общественного движения «Евразия» Александром Дугиным «Исламская угроза или угроза исламу»²⁰⁹; «Бен Ладен – урод в исламской семье», где допускаются высказывания о том, что в «последние пять-шесть лет в Татарстане внедрялся ваххабизм»²¹⁰ и т. д.

Наиболее активным и постоянным оппонентом муфтия ДУМ РТ Госмана хазрата Исхакова после объединительного съезда мусульман стал Фарид хазрат Салман. Его активные выступления в печати, во-первых, были связаны с периодом защиты своих позиций в годы, когда его стремились вытеснить с должности имама мечети «Булгар», во-вторых, с приближением истечения избранного срока пребывания в должности муфтия республики. Например, статьи 2002 года в канун нового съезда или возможных досрочных выборов («Новые раскольники», «Конкурентная борьба за минареты») ²¹¹ и др.

В последнее десятилетие в Татарстане появился ряд известных и популярных ученых- публицистов, журналистов, религиозных деятелей, эксперт-аналитиков, освещающих религиозную жизнь. Заметный след в публицистике оставил искусный и смелый полемист Валиулла хазрат Якупов (1963–2012). Он стал узнаваемым особенно тогда, когда начинаются его дискуссии с академическими учеными, в частности, Рафаилом Хакимовым, советником Президента РТ по политическим вопросам (1991–2009), директором Института истории АНТ (с 1997 г.). Суть дискуссии сводилась к вопросам перспективы развития мусульманской уммы в пост-

²⁰⁸ Известия. 2003. 15 февраля.

²⁰⁹ Время и деньги. 2001. 4 июля.

²¹⁰ Известия. 2001. 20 ноября.

²¹¹ Новая вечерка. 2002. 13 февраля; Версия. 2002. 5–11 февраля; Независимая Газета. 2008. 26 февраля.

советском пространстве. Много выступлений у В. Якупова в газете «Звезда Поволжья», которая на долгие годы для него стала трибуной. Ряд статей посвящен защите традиции: «Ярымай... мәжүсичелек билгесе»²¹², «Будь ханафитом!»²¹³, «А была ли дихотомия «Джадидизм-кадимизм»?», «Ваххабизм в России», «Эстафета джадидизма»²¹⁴. Трудно согласиться со всеми его высказанными положениями и оценками, данными без аргументации. Вместе с тем частые неординарные и смелые суждения заставляли читателей задуматься и вызывали дискуссии.

Выборам муфтия в Татарстане придавали особое значение, что, на мой взгляд, вполне закономерно и на это есть свои причины. От выборов зависело многое: место и роль Татарстана в России, сохранение традиций ислама среди татар и наличие возможности позитивно повлиять на развитие российской уммы. В особенности Объединительный, а затем и последующие, в том числе внеочередные, съезды мусульманского духовенства находились под пристальным вниманием периодической печати, причем каждый из них имел свои особенности и свой уровень освещения в СМИ в целом. С уходом в отставку муфтия Гусмана Исхакова, 13 января 2011 года появились статьи, в которых авторы задались целью выяснить истинные причины ухода муфтия. Например, «Мөфтинен китү сәбәпләре» («Причины отставки муфтия» (Айзат Шэймардан)²¹⁵, критическая публикация «Чего боится и.о. муфтия?», посвященная Ильдусу Фаизову. К тому же газета «Звезда Поволжья» опубликовала письмо Президенту России первого муфтия Республики Татарстан Г. Галиуллина по поводу предстоящих выборов с просьбой не доводить дело до дестабилизации ситуации и не допустить «вмешательства государства в дела религиозных организаций»²¹⁶.

²¹² Ватаным Татарстан. 2006. 23 июнь.

²¹³ Звезда Поволжья. 2010. 11–17 марта.

²¹⁴ Звезда Поволжья. 2002. 30 мая – 5 июня; 2010. 3–9 июня; 2005. 24–30 ноября (к 110 летию имама Г. Садыкова).

²¹⁵ Безнең гәжит. 2011. 19 гыйнвар.

²¹⁶ Звезда Поволжья. 2011. 17–24 февраля.

Уход муфтия в отставку связан с осознанием необходимости серьезнейшим образом заняться развитием ислама в русле традиционного ислама. В печати предлагали разные рецепты того, как переломить ситуацию и провести десалафизацию ислама. Материалы периодики (да и в целом общее видение проблемы выхода из создавшейся ситуации) условно можно было бы разделить на леворадикальные, центристские с опорой на традиции уммы, социокультурные и интеллектуальные и консервативно-либеральные. Выразителем первого направления выступил в печати Ислам Батый в статьях «После Гусмана»²¹⁷, «Ревайвализация»²¹⁸ и др., а также ряд авторов, позиционирующих себя как независимые эксперты новой волны. Такой подход был своеобразной небольшевистской кавалерийской атакой без учета последствий, в орбите которой оказался и Ильдус Фаизов, что подтверждалось выступлениями в печати и конкретными действиями.

Спокойно-рассудительные, опирающиеся на исламские традиции и интеллектуальную историю татарского общества публикации регулярно появляются. В итоге нас волнует мир и согласие цивилизаций, религий и культур в планетарном масштабе и в конкретном регионе, ибо от этого зависит наше комфортное сосуществование. В выступлении «Восток и Запад сближает идждихат – свободомыслие» Р. Хакимов обращает внимание читателей на огромный миролюбивый потенциал ислама²¹⁹. О поисках в этом направлении сообщается газетой «Звезда Поволжья» (11–17 августа 2005) в статье «Что такое европейский ислам» ученого Шейх Абд ал-Вахид Палласини. Журналист Гамэр Баутдинов в статье «Российские предтечи евроислама»²²⁰ делится своими размышлениями о евроисламе, сложностях его прививки на российскую почву и о том, как современные лидеры Татарстана пытаются соединить мусульманскую традицию с западным либерализмом. К числу аналитических статей, связанных

²¹⁷ Звезда Поволжья. 2011. 27 января – 2 февраля.

²¹⁸ Звезда Поволжья. 2010. 2–8 декабря.

²¹⁹ Республика Татарстан. 2004. 7 октября.

²²⁰ Независимая газета. 4 февраля

с ответственным периодом для уммы – выборами муфтия, относятся публикации доктора наук Д.М. Исхакова с наиболее обоснованными и внятыми предложениями. Его статьи «Зауряд муфтий» и опубликованный в канун съезда «Зауряд муфтий 2»²²¹ в этом отношении выделяются в особенности. Заинтересованное и внимательное отношение к выборам лидера мусульман вызвано, прежде всего, опасениями возможных ухудшений религиозной ситуации в республике и возникновением экстремистских проявлений.

У консерватизма всегда имеется позитивное начало, он стремится искать опору в устоявшихся традициях духовных сил, но вместе с тем часто цепляется за ушедшее в прошлое формы, не соизмеряясь с современными реалиями. А либеральное начало, применительно к изучению религиозного возрождения, ищет опору в лишь имманентно присущих, например исламу, ценностях, рассчитывая на саморегуляцию возникших проблем посредством трансцендентных духовных сил без участия организационных начал. В этом отношении интересными представляются публикации Зуфара Галиуллина, имама мечети Кул-Шариф, например, «Ислам – это сила духа»²²². Выразителем представлений тех, кто поворачивался от марксистско-ленинского мировоззрения к религиозному восприятию мира, показывая солидный компонент методологии советской науки, был Ильдар Гали. В частности, он остро полемизировал с Валиуллы хазратом и подвергал критике его взгляды по вопросам понимания джадидизма и мазхабов в статье «Что делать?». Его публикациям в печати и книгам были свойственны как попытки теологического постижения рассматриваемого объекта, так и использование инструментария науки о религии²²³.

С конца 2002 года в печати оживленно обсуждается один из животрепещущих вопросов из области свободы совести –

²²¹ Звезда Поволжья. 2010. 18–24 февраля.

²²² Звезда Поволжья. 2011. 17–24 февраля.

²²³ Звезда Поволжья. 2005. 5–12 октября; см. также: Гали Ильдар, Гумеров Фарид. История татар и руссов, 2010. 360 с.; Гали Ильдар, Бикчантай Камиль. Ислам хакыйкательере һәм диннәр тарихы. Казан, 2008. 392 б. и др.

это возникший после рекомендации Министерства образования и науки РФ вопрос о преподавании «Основ православной культуры» в школе. Сразу стало очевидным, что этот шаг со стороны лиц, ответственных за образование в стране, не продуман. Лидер Республики Татарстан М. Шаймиев дал резко отрицательную оценку этим действиям, назвав их публично «глупостью». Автор статьи «Богу – богово, кесарю – кесарево» Л. Харисова, заведующая кафедрой педагогической культурологии ИПКРО РТ, доктор педагогических наук, вслед за обращением Госсовета РТ к руководству страны поделилась с профессиональной точки зрения своими опасениями и поддержала это обращение. Одновременно являясь и руководителем лаборатории «Школа и религия», автор излагает мнение ученых-педагогов о том, что «мы можем учащимся давать знания о религиозной культуре и не более. Никакого религиозного образования, воспитания не может быть «по определению», это дело религиозных учебных заведений, дело семьи. Образование должно объединять народы, находить то общее в культуре, что нас сближает, помогает понять друг друга»²²⁴. На расширенном заседании коллегии Министерства образования и науки РТ в феврале 2003 года председатель Совета по делам религий при КМ РТ озвучил следующую позицию: «Многоконфессиональной стране давать преимущество в школе одной религии является большой ошибкой, это помешает воспитанию толерантной личности»²²⁵.

В заключение следует подчеркнуть, что страницы периодической печати стали площадкой для отражения разных, порой противоположных суждений и позиций. Печать становится своеобразным зеркалом, в котором находит отражение рецепция разных сторон принципа свободы совести. Позитивная роль и значение материалов, посвященных отражению религиозной жизни и проблем проявления экстремизма, зависели от объективности и отсутствия предвзятости появившихся в печати публикаций.

²²⁴ Республика Татарстан. 2003. 9 января.

²²⁵ Шәһри Казан. 2003. 7 февраль.

Г л а в а III

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Исламский дискурс конфессиональной жизни

В целом Российская Федерация является многонациональной и поликонфессиональной страной, а вместе с тем ее субъекты обладают своими особенностями не только в социально-экономическом, но в историко-культурном и конфессиональном плане. Основная линия различия в российских ареалах распространения ислама проходит между кавказскими республиками и Волго-Уральским регионом. В Татарстане, например, мусульмане и православные составляют примерно одинаковое количество, и отличаются в современных условиях толерантностью и комплиментарностью по отношению друг к другу. В этом направлении с учетом историко-культурной специфики осуществляются важные проекты, которые все больше укрепляют доминирующие позиции республики и ее столицы в российском исламском пространстве. Подтверждение тому – Объединительный съезд мусульман с программным выступлением Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева²²⁶, открытие Российского исламского университета в 1998 г., празднование тысячелетия Казани в 2005 г., проект возрождения Булгара в связке со Свяжском и другие.

Реализация проекта возведения мечети Кул-Шариф параллельно с реставрацией Благовещенского собора в Казанском кремле имеет не только чисто религиозное значение как символ религиозного возрождения, но и выступает в качестве показателя роста национально-духовного самосознания народа, а мирное сосуществование этих культовых зда-

²²⁶ Ватаным Татарстан, 1998, 17 февраля; см. также: Р. Набиев. Триколор на зеленом поле. В России появилась третья столица – мусульманская // Российские вести. 2002. 20–26 февраля.

ний на единой территории воспринимается как музей-центр распространения опыта исламских толерантных традиций. Издание специального Указа Президента РТ М.Ш. Шаймиева о строительстве мечети и оказываемое им постоянное внимание этому строительству, во-первых, обеспечило этому делу государственную значимость, во-вторых, помогло придать этой стройке всенародный характер, в-третьих, ускорило запланированное завершение возведения культового здания к 1000-летию Казани. Создание фонда мечети Кул-Шариф, равно как и фонда Благовещенского собора, оказалось удачным организационным шагом как для привлечения финансовых ресурсов верующих и благотворителей, так и для проведения организационно-хозяйственных и культурно-медийных благотворительных акций для привлечения дополнительных средств и пропаганды духовно-нравственных ценностей традиционного ислама. Совет по делам религий при КМ РТ после завершения строительства мечети по поручению Президента РТ, данному в момент посещения Кул-Шарифа Патриархом Алексием II, изучив опыт подобных фондов, в том числе Московского Кремля, вносит предложение по обеспечению возможности продолжения его функционирования, а также по форме и содержанию использования главных культовых сооружений Казанского Кремля²²⁷. Совет по делам религий обосновывал свою позицию следующими доводами: «В отличие от храмов Московского Кремля, используемых одной религиозной организацией, частое проведение мусульманских и православных религиозных мероприятий в Казанском Кремле может привести к соперничеству по количеству праздников и участников мероприятий, отходу от основного функционального предназначения мечети Кул Шариф и Благовещенского собора как центров воспитания толерантных отношений»²²⁸. Эти республиканские культово-исторические памятники являлись не только сим-

²²⁷ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх.№ 245 от 8.08.2005 г.

²²⁸ Там же.

волами веры, но и стали этноконфессиональным идентификационным кодом народов, знаком взаимоуважения культур и традиций. Возрождение их стало поистине всенародным делом, фактором единения и местом проявления взаимопомощи представителей разных конфессий и этнокультур. Об этом свидетельствуют и содержание Книг Памяти о ходе возрождения этих памятников, и обращения жителей к Совету по делам религий со многими конструктивными предложениями. В частности, в канун открытия мечети Кул Шариф к Совету по делам религий обратился Ш.З. Закиров с вопросом об организации передачи коллекции собранных им Коранов в дар мечети.

Красивейшая в России, по общему признанию, мечеть Кул-Шариф, уже известная далеко за ее пределами, была открыта, как и Благовещенский собор в рамках празднования 1000-летия Казани. Президент Республики Татарстан стал первым представителем России, которого удостоили Международной премии имени короля Фейсала. Решение было принято 13 января 2007 года на заседании наградной комиссии Благотворительного фонда под председательством наследного принца Султана Бен Абдель-Азиза. М.Ш. Шаймиев был удостоен этой награды за вклад «в благородное дело утверждения идеи толерантности, духовного возрождения и государственности Российской Федерации и Республики Татарстан, в дело национального и религиозного возрождения»²²⁹. После возвращения с церемонии награждения от лауреата премии М.Ш. Шаймиева поступили финансовые средства в Московский и Российский исламские университеты в размере полумиллиона рублей для каждого из университетов.

После крушения советской системы мусульмане республики, исполняя религиозные предписания, все активнее стремились совершить хадж в Мекку. Государство из года в год усиливало внимание к вопросу содействия в организации хаджа, и после создания департамента «Идель-Хадж»

²²⁹ Медина. 2008. 7–14 марта.

при ДУМ РТ, а также соответствующих организаций при Совете муфтиев России, ЦДУМР этот вопрос стал решаться легче. Нынешний Патриарх, будучи еще главой внешних церковных связей Патриархата, в своем докладе, отражающем православный взгляд на центральную, по его мнению, проблему России – соблюдение прав человека, высказал свою позицию на многие вопросы. В частности, относительно преференции Совету Муфтиев России во время организации хаджа, озвученной правоведом Игорем Понкиным, Кирилл заявил: «То, что государство помогает мусульманским братьям осуществить свой религиозный долг, не может вызывать возражений со стороны православных, но хотелось бы, чтобы у государства была большая поддержка и православного паломничества»²³⁰. В рамках деятельности Комиссии по вопросам религиозных организаций при Аппарате Кабинета Министров РФ создается ответственная группа по вопросам хаджа (первоначально руководителем стал депутат Госдумы из Дагестана А.Х. Билалов). На заседания Комиссии часто приглашались ответственные лица по вопросам религий ряда республик, в том числе председатель Совета по делам религий при КМ РТ Р.А. Набиев²³¹, где обсуждался широкий круг вопросов, в том числе заслушивали сообщения о позитивном опыте в сфере государственно-конфессиональных отношений и организации хаджа в Татарстане. В практику Совета по делам религий вошла координация деятельности госструктур при оказании содействия в организации хаджа, проводы и встречи паломников с участием председателя Совета по делам религий²³². В 1997 году из республики совершили хадж 164 паломника²³³, в 1998–1999 годах прибавились приглашенные королем КСА паломники в количестве 200 человек, в 2003 году выехали в Мекку 175 хаджиев²³⁴,

²³⁰ Известия. 2006. 1 марта.

²³¹ Шәһри Казан. 1998. 19 сентябрь.

²³² Шәһри Казан. 2003. 21 февраль.

²³³ Вечерняя Казань. 1997. 2 апреля.

²³⁴ Шәһри Казан. 2003. 21 февраль.

и именно с этого года в их состав стали включать медицинского работника за счет государства.

Для мусульман Волго-Уральского региона Булгар имеет особое значение и является весьма почитаемым местом. Процесс определения своего отношения к этому месту со стороны государства и части духовенства был непростым, поскольку здесь переплелось многое: и настороженность властей, и амбиции разных групп и лидеров мусульман, и противоречивые трактовки религиозно-идейного характера по вопросу посещения древних Булгар. Верховный муфтий Т. Таджуддин был инициатором и организатором ежегодного с 1989 года посещения этих мест, где булгарами в 922 году официально был принят ислам. В одном из приглашений от 25 мая 2001 года (№ 335), Т. Таджуддин пишет, что «стало доброй традицией ежегодное посещение мест, дорогих сердцу каждого мусульманина России, древнего города Булгары, расположенного на живописнейшем берегу реки Волги... Данные торжества не являются коммерческой акцией, а целиком и полностью направлены на единение людей, на повышение духовно-нравственных устоев общества».

Дело в том, что вплоть до 2006 года, по сути, единственным официальным представителем государства в этих мероприятиях был председатель Совета по делам религий при КМ РТ Р.А. Набиев. В Совете по делам религий с привлечением группы ученых прорабатывали возможные перспективы данного мероприятия. Исходя из этого, в письме председателю исполкома ВКТ И.Р. Тагирову Совет по делам религий просил оказать содействие при подготовке к этим мероприятиям и участвовать в них. По инициативе данной структуры при участии Министерства культуры и исполкома ВКТ делались попытки увеличить число участников болгарского мероприятия и повысить уровень его значимости. При активном участии заместителя министра культуры Р.М. Валеева и благодаря выделенным государственным средствам в размере 40 тыс. рублей удалось расширить научно-культурную часть посещения Булгар. На одном из совещаний в Совете по делам

религий этнолог Д.М. Исхаков предложил назвать мероприятие «Болгар жыены», затем он вышел с обоснованием этого в печати, а из уст Т. Таджуддина это название прозвучало в дополненном виде, что придало ему религиозный смысл – «Изге Болгар жыены».

Начиная с 2007 года мероприятие «Изге Болгар жыены» стало более массовым, способствующим усилению развития религиозно-национальной самоидентификации татар-мусульман. Именно с этого периода ему стали придавать государственное значение, наряду с рядовыми верующими в нем принимают участие руководители республики, представители ряда субъектов Российской Федерации, высокие гости, представители научной и художественной интеллигенции. Ежегодно в Булгарах в последние годы в день «Изге Болгар жыены» собирается свыше 30 тысяч участников, что означает увеличение более чем в десять раз по сравнению с тем, что было пятью годами раньше. Булгары становятся собирательно-объединительным центром российских мусульман.

На протяжении почти уже двадцати лет проблема единства российских мусульман является одной из самых обсуждаемых сфер религиозной жизни. В истории современной России при анализе состояния мусульманской уммы принято выделять определенные этапы ее развития. В перестроечное время стало фактом изменение общественно-политического статуса религиозных общин, затем происходила институционализация и структуризация ислама, создание организационно-управленческих структур и формирование трех общероссийских духовных центров притяжения (ЦДУМР, Совет муфтиев России и КЦСК (ВКЦ)). Условно можно выделить период, когда в 2000-е годы начинается самопознание уммы на богословско-теологической площадке. В научно-публицистической литературе данной проблематике уделяется достаточно большое внимание, существует немало вариантов периодизации. Однако в них просматривается недостаточная проработанность и односторонность. Дело в том, что развитие уммы рассматривается изолированно, без контекста раз-

вития государственно-межконфессиональных отношений и парадигмы эволюции самой многочисленной конфессии в стране²³⁵. Такой подход представляется малопродуктивным: например, в 1990-е годы государство уделяло мало внимания вопросам возрождения религии, и ситуация складывалась не в пользу укрепления духовной безопасности страны. Начиная с 2000-х годов особенно сильно возрастает забота государства об изучении и развитии исламской культуры, науки и образования, что в немалой степени способствовало возникновению очередного этапа в развитии мусульманской уммы.

Произошедшие после Объединительного съезда мусульман республики структурно-организационные мероприятия и активизация восстановления исламских институтов благотворно повлияли на оздоровление позитивных сил в мусульманской умме. Оживление научного интереса и активизация демонстрации в социокультурной жизни исламских духовно-нравственных ценностей стали заметными явлениями культурной жизни республики. Общий духовный подъем народов республики связан с Декларацией о суверенитете от 30 августа 1990 года. Ислам в первые годы национального возрождения был, прежде всего, в русле и активным компонентом татарского общественного движения, что подтверждается и общественно-политической активностью первого муфтия Республики Татарстан Г. Галиуллина. С конца 1990-х годов в мусульманском движении и исламско-государственных отношениях усиливается поиски конструктивных подходов, развития в рамках закона без политизации ислама как в самой умме, так и со стороны государственных структур.

Действительно, этот период был насыщен мероприятиями, связанными с исламской сферой. На рубеже веков за неполные четыре года было проведено около 15 конферен-

²³⁵ См. например: Мухаметшин Р.М. Основные этапы возрождения ислама в Татарстане / Инновационные технологии в совершенствовании учебного процесса в мусульманских учебных заведениях: сборник материалов международной научно-практической конференции. Казань: РИИ-КФУ, 2013. С. 8–14.

ций, связанных с исламской тематикой. Они носили статус международных, всероссийских и региональных. Наиболее значимые из них: «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» (июнь 2001); «Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий» (ноябрь 2000). С 2000 года ежегодно проводится конференция «Великий Волжский путь». В 1999 году совместно с ДУМ РТ были проведены конференции, посвященные С. Максуди, Ш. Марджани, М. Биги, Абу Ханифе, Х. Атласи. В 2001 году были проведены конференции «И. Гаспринский: наследие и современность», «Современное религиозное зодчество: дух времени и вечная истина». В 2000 году прошли конференции «Иранистика в Татарстане», «История старо-татарской слободы», посвященные истории государственности татарского народа. В 1999 состоялся 2 съезд востоковедов в Казани.

Издано приблизительно 20 монографий и около 200 статей, посвященных исламской тематике. При поддержке Совета по делам религий при КМ РТ вышел в свет альбом «Мечети Татарстана», а также книга «Ислам и мусульманская культура в Волго-Уральском регионе». А.Н. Юзеев издал монографию о деятельности Ш. Марджани, актуальные вопросы проанализировал в своей книге «Проблемы взаимосвязи национальных и религиозных компонентов культуры и быта» (2002) К.Д. Давлетшин; вышли также книги «Ислам у татар Поволжья в IX–XIX веках», «Суфизм в Поволжье», «Исторические портреты. Духовная культура и татарская интеллигенция». В 2000 году были опубликованы очерки «История татарской общественной мысли. Свод памятников истории и прозы РТ», Институт истории АН РТ начал издавать журнал «Мир ислама». В рамках серии «Культура, религия, общество» Советом по делам религий в 2002 году издана книга «Ислам в Татарстане: опыт толерантности и культура сосуществования» (Р. Набиев, А. Хабутдинов и др.) и монография Р. Набиева «Ислам и государство».

Институт истории участвует в работе международных конференций по исламской проблематике в Японии, Турции,

США, Финляндии. Опубликовано научно-методические материалы по истории ислама. Эту работу осуществляет Центр по истории, теории национального образования. Совместно с международными организациями институт истории принимает участие в проекте «Каталог мусульманских рукописей в коллекции ИЯЛИ», помимо этого осуществлялось сотрудничество в рамках плановых работ по изучению истории мечетей. Важным проектом для изучения и возвращения к жизни исторических традиций ислама в регионе стала подготовка к изданию многотомной серии под названием «Антология татарской богословской мысли»²³⁶.

19 сентября 2001 года Российский исламский университет получил лицензию Министерства образования Российской Федерации на право ведения образовательной деятельности в сфере религиозного образования. За этот период все профессиональные медресе, кроме Альметьевского, получили лицензию Министерства образования РТ на право ведения образовательной деятельности. В марте 2001 года произошла встреча мусульманских религиозных деятелей с Президентом РТ М.Ш. Шаймиевым, а в октябре состоялось установление полумесяцев на минареты мечети Кул Шариф, в котором принял участие Президент РТ. 2 февраля 2002 года проходил очередной съезд мусульман РТ, на котором был избран муфтий РТ на новый срок. В сентябре 2002 года ДУМ РТ совместно с институтом истории АН РТ и Советом по делам религий запланировали проведение конференции в связи с празднованием 120-летия основания Казанского мусульманского медресе «Мухаммадия». Таким образом, краткий перечень мероприятий, связанных с исламской проблематикой, показывает их насыщенный и многообразный характер. Особенностью этих лет стали активные научные поиски путей возрождения ислама, конструктивные подходы к решению внутренних и межконфессиональных проблем, а также широкие социокультурные мероприятия, способ-

²³⁶ См.: Бигиев Муса Избранные труды. В двух томах. Т.1 / пер. с осман. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 336 с.

ствующие раскрытию глубоких духовно-нравственных основ и толерантных традиций российских мусульман как важной базы возрождения религии.

Проводимые мероприятия должны были носить целенаправленный и системный характер, что разрабатывалось и осуществлялось в рамках реализации проекта «Культура, религия и общество». В этом плане для раскрытия внутреннего содержания мероприятий следует проанализировать «План работы Совета по координации деятельности в целях недопущения распространения радикальных течений и развития традиционного ислама»²³⁷ (выписка из протокола № 5 от 24.05.2001 г.). Конкретные сроки и обязательный характер исполнения задач для указанных в документе учреждений (Министерство образования РТ, АН РТ, Институт государственной службы при Президенте РТ, Министерство культуры РТ, Институт истории АН РТ, Совет по делам религий при КМ РТ, Департамент внешних связей АП РТ, ДУМ РТ (по согласованию) и др. исходил из предоставленного госоргану по делам религий права координации. Согласно плану реализовывались следующие задачи:

- в рамках учебы сотрудников администраций и городов Республики Татарстан, осуществляющих взаимодействие с религиозными организациями, с 17 по 26 апреля провести круглый стол по проблемам развития ислама в республике;
- рабочей группе Экспертного Совета рассмотреть вопрос об усовершенствовании учебных программ для всех уровней религиозных учебных заведений, подготовить предложения;
- провести совместное заседание по вопросу обеспечения религиозных учебных заведений религиозной литературой;
- организовать конкурс рефератов по направлениям светской и религиозной науки в РИУ, привлекая шакирдов всех профессиональных медресе;
- провести семинар преподавателей по совершенствованию преподавания светских предметов в РИУ;

²³⁷ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. 27-05 от 24 мая 2001 г.

- оказать содействие в организации и проведении конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе»;
- оказать содействие в проведении светско-религиозного мероприятия в Булгаре в 2002 г.;
- оказать содействие ДУМ РТ в организации научно-практических конференций «Доктринальная сущность социального служения в исламе: реалии и перспективы»;
- подготовить словарь-справочник «Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения»;
- подготовить специальное издание из серии «Культура. Религия. Общество» под названием «Государство и религия»;
- совместно с институтом истории АН РТ, РИУ подготовить и издать учебное пособие «Ислам в Среднем Поволжье»;
- продолжать координацию и согласование приглашения преподавателей из-за рубежа;
- продолжать координационную работу с шакирдами, выезжающими на учебу за границу;
- оказать содействие в открытии светских специальностей Российскому исламскому университету;
- провести расширенное заседание Совета с повесткой дня «О ситуации в мусульманских объединениях республики».

План работы направлен во все заинтересованные государственные структуры и согласован с ДУМ РТ²³⁸. Важным итогом совместных усилий является то, что при координирующей деятельности Совета по делам религий практически все пункты плана получили возможность реализации.

В политической практике Президента РТ М.Ш. Шаймиева важное место занимал баланс интересов ведущих конфессий - православных и мусульман, который выражался в возведении и восстановлении культовых объектов Казанского Кремля, одновременном посещении мечети и православных храмов, в приемах по случаю религиозных праздников представителей ведущих конфессий с последующими протокольными поручениями и т.д. Соблюдая сложившиеся тра-

²³⁸ См.: Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. 27-05 от 24 мая 2001 г.

диции, главные линии этой политики стремится продолжать Президент РТ с марта 2010 г. Р.Н. Минниханов.

Вполне логично и закономерно создание в республике широкомасштабного проекта в форме фонда «Возрождение» для восстановления в первую очередь объектов культуры Свияжска и Булгар, что придало этому процессу второе дыхание. Деятельность фонда, созданного по инициативе первого Президента РТ, Государственного советника М.Ш. Шаймиева, который возглавил его Попечительский совет, направлена на сохранение и развитие исторических, культурных и духовных традиций многонационального народа Республики Татарстан, а также возрождение памятников истории и культуры. Данные объекты представляют собой места памяти, которые заметно присутствуют в коллективных представлениях о прошлом у народов, населяющих территорию республики.

У народов, проживающих в этом регионе, непростая судьба, их история имеет немало драматических страниц. Подвергая серьезному анализу структуры исторической памяти и процесса конструирования позитивных сегментов в народных традициях, известный казанский историк В.М. Бухараев отмечает важность недопущения педалирования негативных фактов в истории прошлого. Дело в том, что «доминирующим компонентом исторической памяти является рефлексия по поводу негативного опыта этноса – носителя данной совокупности представлений о событиях прошлого. В современных условиях этот сегмент коллективной памяти ещё более усилился, поскольку криминализация и виктимизация минувшего повсеместно способствовали превращению «национального романа» в криминальную хронику»²³⁹. На этом фоне задача состоит в том, чтобы способствовать выработке исторической политики, направленной на утверждение

²³⁹ Бухараев В.М. Проект «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск» в контексте политики памяти / Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: сборник статей. Казань: Изд-во КФУ, 2013. С. 70–72.

в качестве доминирующих таких интерпретаций исторических сообщений и преданий, в которых преобладает позитивное восприятие знания о прошлом, включая вопрос о взаимоотношениях с «соседями» по культурно-историческому развитию.

Речь идёт о содержательном переструктурировании обычного исторического сознания и придания ему более систематизированной формы. В данной инициативе в основу проекта «Болгар – Свияжск», надо полагать, «положена идея ретроактивного истолкования межцивилизационного / межкультурного взаимодействия в полиэтнической Поволжской ойкумене. Смыслы в истории, что называется, открываются завтра: становится всё более очевидным, что через борьбу и сотрудничество, боевые схватки и культурные заимствования в Поволжье и Приуралье происходила цивилизационная и духовная притирка сопредельных народов – восточных славян, тюрко-татарского и финно-угорского этносов»²⁴⁰.

Можно согласиться с тем, что предпринятый оригинальный эксперимент конструирования комплиментарно интегрированной памяти татарского и русского народов на основе освоения их историко-культурного и религиозного наследия базируется на сложившихся устойчивых традициях добрососедства народов. При всём многообразии смыслов культурно-исторических символов в социальной памяти откладывается, прежде всего, какой-либо доминирующий элемент. Скажем, известное понятие «Болгар» связано с принятием в 922 году ислама в качестве государственной религии тюркоязычных племён, организованных в рамках раннегосударственного объединения Волжская Булгария и стремившихся укрепить свое международное признание. В настоящее время на этой площадке зародилась новая традиция – «Изге Болгар жыены», ориентированная на сохранение религиозно-национальной идентичности татар-мусульман. Что касается подтекста понятия «Свияжск», то оно связывается с событиями завоевания Казанского ханства, войсками Ивана IV и в известном смысле является историческим преемником

²⁴⁰ Бухараев В.М. Указ. соч. Казань, 2013. С. 72.

Булгарии. Важными последствиями этих событий явились не только дискриминация покорённого населения (мусульман и язычников) по религиозному признаку, но и начало зарождения мощной российской империи.

На протяжении более полутысячи лет народы Волго-Камского региона оказались в рамках единой государственно-политической системы и не растворились в «плавильном котле» истории, а сохранили свои традиции и самобытность, находясь в тесном взаимовлиянии с различными народами в евразийских просторах. Данный проект, в который вовлечены ученые Казанского федерального университета и академических учреждений, способствует укреплению спокойствия и миролюбия в этнической и конфессиональной сферах. Он вносит лепту в процессы этнокультурной идентификации, в особенности выделяя те стороны исторического опыта, которые отражают факты мирного сосуществования религии и этносов, развивают традиции веротерпимости и открытости к диалогу с «другими» с позиции осмысления драматических страниц во взаимоотношениях власти и этноконфессиональных сообществ.

Религиозно-политическое течение ваххабизм в исламе имеет свою историю возникновения и распространения, форму проявления и способы использования его в достижении политических и иных целей для различных политических групп. Мусульманское возрождение на постсоветском пространстве сопровождалось распространением данного течения. Возникшее на базе ханбалитского традиционализма, ваххабитско-салафитское учение в условиях иноверческого окружения, сильно развитых светско-культурных традиций и православного богословского наследия дает свое причудливое восприятие ислама. Хотя у нас и отсутствует реальная социально-культурной основа для этого течения в силу высокоразвитости интеллектуально-социальной инфраструктуры, тем не менее, его приверженцы появляются и в нашем регионе.

В условиях общественных перемен 90-х гг. прошлого века политика централизации руководства Центрального

духовного управления мусульман (ЦДУМ) и процессы повсеместной регионализации приводят к созданию отдельных Духовных управлений мусульман, зачастую нескольких, в ряде регионов. С конца 2000-х гг. региональные муфтияты ЦДУМ (Удмуртия, Пензенская и Самарская области, Санкт-Петербург) начинают передаваться по наследству²⁴¹.

Крупным общероссийским центром становится Совет муфтиев России, расположенный в Москве. Несмотря на все размежевания и конфликты нельзя не удивиться выстраиванию мусульманской инфраструктуры по всей России, включая тысячи мечетей и мектебов, десятки профессиональных учебных заведений. Кроме ряда республик Северного Кавказа российские мусульмане на всей территории сохраняют гражданский мир и стабильность, относительно высокую рождаемость; в Татарстане растет численность населения, в том числе русского. Медленно, но весьма ощутимо идет процесс повышения образовательного уровня, прежде всего, городских мусульманских общин, несмотря на регулярное сообщение ДУМ РТ о десяти процентах обеспеченности общин имамами с дипломами профессиональных мусульманских учебных заведений. Социальный состав духовенства пока остается пестрым: кадры из местных медресе и РИУ (РИИ, КИИ), бывшие партийно-комсомольско-советские кадры, лица без систематического образования (поколение 50–60-ти летних), выпускники зарубежных центров и другие. Слабая интегрированность мусульманских структур в общественные процессы, пока еще слабый состав духовенства и хроническая неспособность к объединению коренных российских мусульман при росте числа мигрантов, теракты вне Северного Кавказа, непрекращающиеся конфликты между ЦДУМ и СМР во многом создают фон для исламофобии и затрудняют формирование позитивного имиджа мусульманских общин.

²⁴¹ См.: Хабутдинов А.Ю. Мусульманская община в современном социокультурном и политическом пространстве России / Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы международной научной конференции. 23–24 мая 2013 г. Казань: Изд-во КФУ, 2013. С. 73.

В республиках в составе РФ (Башкортостан, Дагестан, Татарстан, Чечня) стало доброй традицией участие первых лиц в публичных празднованиях Курбан-байрамы и Ураза-байрамы. Президент РТ Р. Минниханов и президент РБ Р. Хамитов используют религиозный фактор для утверждения своего влияния среди мусульман путем публичного участия в основных праздниках ислама. 18 июня 2012 г. Верховный муфтий Талгат-хазрат Таджуддин открыл мечеть в деревне Штанды Балтачевского района, откуда родом Президент Башкортостана²⁴².

Президент РТ Р.Н. Минниханов 16 сентября 2010 г. встретился с участниками форума татарских религиозных деятелей. В данном мероприятии присутствовали председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, председатель ЦДУМ Талгат Таджуддин, муфтий Татарстана Гусман Исхаков и многие другие. Президент РТ заявил: «Мечети и медресе – основа сохранения нации»²⁴³. С 14 октября 2010 г. день официального принятия ислама Волжской Булгарией (21 мая), Ураза-байрам и Курбан-байрам (ранее) стали тремя религиозными праздниками республики²⁴⁴. Следует отметить, что тремя светскими праздниками являются День республики (30 августа), День Конституции РТ (6 ноября) и День родного языка (26 апреля).

В 2011 году был принят Указ Президента РТ N УП-468 «О праздновании праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам в 2011 году»²⁴⁵, что внесло новые явления в социокульту-

²⁴² См.: Верховный муфтий Талгат хазрат Таджуддин открыл мечеть в деревне Президента Башкортостана // http://mishar.ucoz.ru/news/verkhovnyj_muftij_talgat_khazrat_tadzhuddin_otkryl_mechet_v_derevne_prezidenta_bashkortostana/2012-06-19-1512; В Балтачевском районе открылась мечеть. 18 Июня 2012 г. // <http://www.bashkortostan.ru/news/37798/>

²⁴³ Президент Татарстана встретился с участниками Форума татарских религиозных деятелей ИА «Татар-информ», 16 сентября 2010 г. <http://president.tatarstan.ru/news/view/87793>

²⁴⁴ О праздничных и памятных днях в Республике Татарстан (с изменениями на 14 октября 2010 года) <http://docs.cntd.ru/document/917000672>

²⁴⁵ Указ Президента РТ от 1 августа 2011 г. N УП-468 «О праздновании праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам в 2011 году». <http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/341784>

турную жизнь республики. 30 августа 2011 г. День республики совпал с днем Ураза байрамы, когда впервые день религиозного праздника стал выходным. В день праздника Ураза-байрам в соборной мечети Марджани прошел намаз, где праздничную проповедь прочитал председатель ДУМ РТ муфтий И. Файзов. В мероприятии принял участие Президент РТ Рустам Минниханов: «муфтий РТ прочитал проповедь, в которой, в частности, подчеркнул, что участие главы республики в праздничном намазе – историческое событие»²⁴⁶. Новым явлением для общественности стало то, что в этот день были вручены Государственные премии Республики Татарстан им. Г. Тукая²⁴⁷, а ранее это мероприятие традиционно проводилось 26 апреля и приурочивалось ко дню рождения Габдуллы Тукая. В тот год Президент Татарстана Рустам Минниханов также принял участие в праздничной молитве по случаю праздника Курбан-байрам, ежегодно принимались Указы Президента по празднованию Ураза-байрам и Курбан-байрам в республике²⁴⁸.

Ислам в татарском мире – весьма богатое и содержательное историко-культурное явление. По разным оценкам количество татар в мире составляет примерно от 7 до 11 миллионов. Для самопознания уммы важно новое энциклопедическое прочтение истории ислама и его социально-философское проявление в жизни народа. Речь идет о необходимости создания энциклопедии под рабочим названием,

²⁴⁶ В мечети Марджани прошел праздничный намаз в честь праздника Ураза-байрам ИА «Татар-информ», 30 августа 2011 г. <http://president.tatarstan.ru/news/view/108333>

²⁴⁷ Президент Татарстана вручил государственные премии им.Г. Тукая за 2011 год Пресс-служба Президента РТ, 30 августа 2011 г. <http://president.tatarstan.ru/news/view/108334>

²⁴⁸ См.: http://1997-2011.tatarstan.ru/files/laws/laws_61682.pdf. 12 июля 2013 г. Президент РТ Р. Минниханов подписал Указ «Об определении дней празднования праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам в 2013г.; Президент Татарстана принял участие в праздничной молитве по случаю праздника Курбан-байрам Пресс-служба Президента РТ, 6 ноября 2011 г. <http://president.tatarstan.ru/news/view/109673>

например, «Ислам в татарском обществе» или «Ислам и татары»²⁴⁹ или в других подобных названиях.

Актуальность энциклопедического исследования «Ислам в татарском обществе» определяется, прежде всего, тем, что ислам играет значительную роль в современном мировом общественном развитии, более того, ислам является ныне наиболее быстро растущей религией в мире. Общее количество мусульман составляет по разным источникам от 1, 2 млрд до 1, 6 млрд человек. Причём быстрыми темпами растёт мусульманское население регионов, где традиционно доминирует христианство – Западной Европы и Северной Америки. За вторую половину XX века доля лиц, относящих себя к мусульманам, в Западной Европе утроилась, а в американском обществе – выросла более чем в 14 раз.

Усиление роли исламского фактора имеет отношение к татарскому этносу, который исторически сформировался в качестве северного форпоста мусульманской цивилизации, поскольку именно ислам сыграл огромную роль в формировании духовной культуры татар, определил её характерные черты и особенности. Вследствие религиозного и национального возрождения, которое в силу фундаментальных культурно-исторических причин переживает татарское общество в конце XX – начале XXI веков, особое значение приобретает всестороннее объективное изучение становления и путей развития в татарском мире ислама с учётом универсального характера этой религии и отсутствия региональной замкнутости.

Научно-теоретический – в данном случае, преимущественно, феноменологический – подход к религии, как к культурному и общественному явлению, предполагает конструирование базового дискурса, который потребен для описания различных групп понятий, посредством которых возможно обозначить основную совокупность вопросов и взаимосвязей в рамках данной проблемы. В этом смысле трудно переоценить значение издания энциклопедического типа, которое не

²⁴⁹ УММА. 2012. 29 июня.

только способствует формированию своего рода «метаязыка» – посредника между различными исследовательскими сообществами, но и стимулирует интерес к данной теме со стороны молодых специалистов и интеллектуалов.

Между тем, имеющиеся энциклопедические издания по «татарскому исламу» сориентированы, в основном, на ознакомление с догматами мусульманской религии и особенностями их проявлений в культурно-историческом контексте развития российского общества. Таким образом, за пределами базовых установлений темы оказывается целая совокупность проблем, связанных как с воздействием ислама на формирование духовной культуры, психоментальностей, структур повседневности татарского народа, так и с истолкованием теологических, философских и научно-теоретических подходов к процессам развития ислама в татарском обществе как составной части эволюции исламской цивилизации.

Каким образом ислам отражается на национальном самосознании? У каждого народа есть определенная терминология, посредством которой они связаны с исламом, у татар это слова «мечеть», «намаз» и другие. С точки зрения лингвистики эта терминология делает ислам «национальным». Ведь ислам – это и религия, и образ жизни, и основа культуры, и основа национального менталитета. Изучая ислам, мы раскрываем особенности своего народа.

Особенностью будущей энциклопедии должно стать использование опыта прошлых изданий. Содержательно-смысловое наполнение человеческой жизнеутверждающей деятельности представляет собой не отвержение, а осмысление глобально меняющейся жизни с точки зрения глубоких религиозно-культурных корней, лежащих в основе цивилизации. Причем, соотношение традиции этнической культуры и новации в татарском мире, как и в других компонентах евразийской цивилизации, всегда было в пользу традиции. Поэтому исламская культура, лежащая в основе этнической традиции, является, наряду с восприятием достижений других народов и толерантностью, фактором сохранения и устой-

чивого развития татарского общества. Изучение способов сохранения этнокультурных традиций в контексте фиксации современных проблем и поиска путей их преодоления, на мой взгляд, может стать важной особенностью и серьезной сюжетной линией данного издания.

Имеющиеся энциклопедические издания по классическому исламу достаточно многообразны и существует немало профессионально выполненных публикаций. На издательской площадке появились исламские терминологические словари, энциклопедический труд по вопросам ислама на территории бывшей российской империи и т. д. Еще раз следует подчеркнуть то, что применительно к вопросу отражения исламской традиции в татарском мире появились издания энциклопедического характера. Они в основном сориентированы на познание мусульманских традиционных истин или освещают региональные особенности распространения и утверждения данной религиозно-культурной традиции. В этом смысле заметным изданием оказался энциклопедический словарь «Ислам на европейском Востоке» (2004 г.), реализованный с привлечением многих известных российских ученых, причем он готовился и был издан на чистом энтузиазме участников. Далее, уже на другой организационной и финансовой основе, это дело продолжил Издательский дом «Медина», издавая книги о конкретных российских регионах, где компактно проживают татары-мусульмане. В них имеются сильные и слабые стороны, но главное, что они пробуждали интерес к исламу и давали объективное представление об исламе и его носителях, известных мусульманах. Бесспорно, эти книги играют исключительно важную роль в осознании несвойственных для истории татар-мусульман явлений и утверждении возникших на основе многовекового социального и религиозного опыта традиций российских мусульман.

Вместе с тем, теперь важно иметь целостное представление о месте и роли исламских ценностей в историко-философских и социокультурных основах болгаро-татарской цивилизации. Именно в таком контексте с учетом особенностей

богословско-теологических, философских и научных подходов к изучению и объяснению религии требуется формирование и раскрытие тематических вопросов энциклопедии из жизни татар-мусульман.

Надо полагать, цель энциклопедической исследовательской работы должна заключаться в осмыслении места и роли ислама в социокультурном и духовном развитии татарского общества со времени принятия ислама до наших дней.

Исходя из этого, важно решить ряд актуальных общественно-научных задач, например:

- раскрыть историко-культурную эволюцию исламской цивилизации в регионах традиционного распространения ислама на территории современной России;

- показать роль ислама в общественно-политической, социально-культурной, духовно-нравственной жизни татарского общества в контексте развития российского сообщества;

- обозначить особенности догматики, культово-обрядовой и организационно-управленческой системы «татарского ислама»;

- проследить исламские традиции в литературе, искусстве и архитектуре татарского народа;

- выделить особенности теологической и философской мысли среди татар;

- рассмотреть эволюцию религиозной и светской правовой культуры татарского общества;

- представить развитие благотворительности среди татар-мусульман;

- выявить основные направления деятельности женских мусульманских организаций;

- охарактеризовать ведущих деятелей татарского национально-религиозного движения.

Такая работа несет в себе своеобразную миссию, особое общественно-политическое и культурное значение.

Поскольку татаро-мусульманское сообщество выработало такие принципы, как толерантность, гибкость, политическая лояльность, взаимоуважение народов многонациональ-

ного и поликонфессионального российского государства, то опыт его развития может быть в полной мере использован в налаживании исламо-христианского диалога в контексте цивилизационных взаимоотношений между Западом и Востоком, в том числе на просторах Евразии. Предпринимаемые в энциклопедическом издании исследования и систематизация развития татаро-мусульманской уммы послужат основой для расширения исследований исламской цивилизации и особенностей ислама в татарском мире с учётом достижений исламоведческой научной мысли.

Как ступени роста стала рассматриваться идея симбиоза вместо толерантности, в особенности, в канун мероприятия мирового значения – Универсиады в Казани. Исходя из татарстанского опыта межконфессиональных отношений оживились научные поиски, появились попытки осмысления историко-культурных реалий, в частности трактовки понятия «исламо-христианский культурный симбиоз».

Значение татарстанского опыта в формировании толерантного сознания в обществе нельзя недооценивать. На Всероссийской научно-практической конференции «Историческое образование в высшей школе: формирование специалиста и гражданина», проведенной в рамках проекта серии «Культура, религия и общество» в 2010 году, говорилось о том, что Международное сообщество одним из критериев демократии определяет степень свободы совести в стране и состояние государственно-конфессиональных отношений. Татарстан, где ислам и христианство составляют биконфессиональное паритетное большинство, признан в нашей стране и за рубежом как регион с наиболее высоким уровнем религиозной и национальной толерантности. В период перестройки был взят курс на упразднение Советов по делам религии на всех уровнях. В Татарстане же государственный орган регулирования государственно-конфессиональных отношений был сохранен, что, как показала дальнейшая жизнь, оказалось мудрым политическим решением. Совет по делам религий стал объективным посредником между правитель-

ством и религиозными организациями, он старался поддерживать баланс интересов конфессий, наций и народностей, населяющих республику и, главное, способствовал процессу осмысления и продвижения креативно-позитивных действий в сфере государственно-межконфессиональных взаимодействий.

Необходимость в правовом и религиозном просвещении пришла с появлением некоторых конфликтных ситуаций. В 1997 году был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», суть которого активно разъяснялась в те годы. Далее по инициативе Совета по делам религий был организован общественный орган, межконфессиональный совет, состоящий из представителей различных конфессий. В рамках новых подходов, таких, как, например: идею религиозного просвещения материализовать с помощью встреч студентов с представителями ведущих конфессий, через социальное партнерство развивать межконфессиональное сотрудничество, посредством интеграции религиозных организации в социокультурную и общественную жизнь сформировать их в качестве элементов гражданского общества и т. д.

Группа ученых Казанского университета, собранных вокруг профессора Р.А. Набиева, сумела привлечь специалистов из АН РТ и других учреждений и с 1997 года начала разрабатывать в рамках цикла изданий «Культура, религия и общество» проблему межконфессиональных отношений. В нем были изданы сборники статей и докладов различных конференций, семинаров, посвященных религиозным вопросам, научные исследования, аналитические материалы, различные справочники и словари, учебные курсы. Все эти сборники – труды ученых на протяжении 15 лет плодотворной работы с целью изучения взаимодействия двух основных религий в России. Анализируя все эти труды, можно прийти к выводу, что пора говорить не просто о толерантности в многоконфессиональном обществе, а об изучении такого явления, как культурный симбиоз.

В обоснование целей научно-практических изысканий важно отметить, что на фоне сложных общественно-политических процессов особое значение приобретает осмысление опыта полиэтнокультурных вариантов развития, для которых характерными являются устойчивые тренды к толерантности, нормализации межэтнических и межконфессиональных отношений. Речь, в частности, идет о крупных восточных регионах постсоветского пространства, таких, как Татарстан, Башкортстан, Казахстан, где исторически сформировался определенный тип диалога культур и языков, который может быть охарактеризован в качестве исламо-христианского культурного симбиоза.

Интерпретация социологической наукой термина «симбиоз» возникает в контексте пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, где он обозначает форму взаимопольного сосуществования этнических систем в одном регионе, при котором симбионты сохраняют свое своеобразие. Между тем, ни в этнологии, ни в других направлениях социогуманитарного знания концепт социосимбиоза не получил сколько-нибудь заметного распространения. Взаимодействие двух основных традиционных для российского сообщества религий – православия и ислама на историческом срезе Татарстана с полным основанием может быть названо моделью межконфессионального культурного симбиоза. Ярким символом взаимoadaptации основных этнокультурных групп, населяющих Республику Татарстан, на современном этапе является крупный социальный проект, связанный с возрождением таких культурно-исторических памятников, как Булгары и Свияжск.

Обсуждение проблемы исламо-христианского культурного симбиоза, которое, несомненно, привлечет внимание широкого круга ученых и культурной общественности, представляется особо важным и значимым в связи с проведением в столице Татарстана – городе Казани – Всемирного студенческого спортивного форума, который, как известно, наряду с развитием спортивного движения призван решать задачи сближения и углубления взаимопонимания между народами.

Данное словосочетание может вызвать определенную настороженность у верующих. Однако симбиоз – это не экуменизм или слияние. Это нужно подчеркнуть. К тому же, речь не идет об исламо-христианском симбиозе, а скорее об исламо-христианском культурном симбиозе. Разница велика. Ислам и христианство – это самостоятельные и самодостаточные религиозные системы, и взаимопоглощение, естественно, не может произойти. Но и там и тут есть общие ценности, праздники, воспевающие эти ценности. Культурное взаимообогащение идет полным ходом. Православные поздравляют мусульман с их праздниками и наоборот, реальная жизнь вообще очень богата на примеры. А сколько смешанных браков в нашем обществе?! Какие здесь парадигмы воспитания общих детей? Понятно, что это не просто толерантность – терпимость. Мы не терпим друг друга, у нас происходит взаимовыгодное культурное обогащение. Мы не пытаемся друг друга ослабить, а понимаем, что только вместе мы сила, и это наша общая основа процветания и уютного проживания на одной территории. Поэтому введение понятия «культурного симбиоза» на исследовательскую площадку представляется значимым на современном этапе межкультурного взаимодействия на евразийском пространстве²⁵⁰.

Идеи евразийства и ее интерпретации в нашем полиэтничном регионе занимает особое место. Центр социально-консервативной политики (ЦСКП)²⁵¹ ПФО в формате круглого стола провел в КФУ семинар на тему: «Евразийская идеология как основа континентальной интеграции» На базе этого Центра разработана концепция российского консерватизма.

²⁵⁰ Умма. 2012. 30 марта.

²⁵¹ Некоммерческое партнёрство «Центр социально-консервативной политики» (ЦСКП) приступило к работе в России в январе 2005 года как антикризисный центр для выработки позиции «Единой России» по ключевым вопросам социально-экономического развития страны. В настоящее время ЦСКП является одним из наиболее влиятельных интеллектуальных центров страны. На заседании семинара ректор КФУ И.Р. Гафуров представил взгляд на евразийства из Казани.

Обращает на себя внимание отсутствие до сих пор представительства Центра ЦСКП ПФО в Казани. Это, вероятно, связано с имевшей место некоторой настороженностью руководства Татарстана по отношению к ряду политических выводов Центра, каковым является новое евразийство. Основания для этого, во всяком случае, имелись. Речь идёт о характерном для нового евразийства проведении различий между нацией и этносом: нация одна, как и единое государство, а этносы различны. Из этого следует в перспективе курс на изменение баланса сил между центром и регионами, причём в обе стороны. Могут быть ликвидированы такие понятия, как национальная республика внутри России, и одновременно могут расширяться полномочия этносов. Реально это означает «губернизацию» страны с приданием нерусским этносам статуса широких культурно-национальных автономий. Есть у этого вектора развития серьёзные противники, за которым стоят менталитет народа, его традиции и политические силы.

В Казани по вполне понятным причинам интерес к евразийству существует как со стороны ученых, так и со стороны политических кругов. Ряд ученых и политиков в 2001 году в Вестнике актуальных прогнозов высказывал интересные суждения с точки зрения традиции нашего региона и его позиционирования на евразийском пространстве (М. Шаймиев, Р. Хакимов, И. Тагиров, М. Фарукшин, М. Щелкунов, К. Амиров, Р. Набиев, В. Беляев)²⁵². Интерес к данной идее не ослабевает, на то есть объяснение, связанное с самой реальностью существования различных народов и государств в этом огромном пространстве. Первый Президент Татарстана в своем интервью, данном в журнале «Евразийский юридический журнал», подчеркнул, что не требуется ее закрепления в качестве государственной идеологии, здесь важно существование этих идей в самоощущениях, «психологической совместимости» самих людей и в мирном сосущество-

²⁵² Альманах. Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. 2001. № 3.

вании представителей ислама и православия, всех религий и культур²⁵³.

Сейчас руководство страны, в том числе В.В. Путин и Д.А. Медведев, опираются на евразийство «всерьёз и надолго», задача заключается в том, чтобы, используя научный и политический потенциал Татарстана, по возможности минимизировать в современном евразийстве влияние державно-шовинистических великорусских идей. Главным проповедником этого направления выступает профессор, завкафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ, член Экспертно-консультативного совета при председателе Госдумы России С.Е. Нарышкине Александр Гельевич Дугин, весьма близкий к правительственным кругам.

Первые евразийцы считали своими предшественниками деятелей славянофильского движения (Алексей Хомяков, братья Аксаковы, Николай Данилевский, а также Гоголь и Достоевский как публицисты). При всех отличиях славянофилов от евразийцев у них есть принципиальный общий момент – идея самобытного пути России, которая вовсе не должна, да и не способна копировать Запад.

Само евразийство возникло в среде русских эмигрантов в 20-е годы в качестве реакции буржуазно-дворянских интеллектуалов на Октябрьскую революцию и гражданскую войну. Эти события, по их мнению, показали несостоятельность либерально-западного варианта развития для России (почему и произошла революция), а сверх того, сказалась глубокая обида на Запад, который, якобы, обманул Россию, бросив её на произвол судьбы. Отсюда идея – повернуться лицом к Востоку, с которым у России много схожего. Весьма показательным является название сборника статей, выпуск которого и положил начало евразийству: «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921 г.).

²⁵³ См.: Евразийский юридический журнал. 2010. № 10 (29). С. 5–11. Материалы интервью с М.Ш. Шаймиевым «Толерантность – основа евразийской мысли и практики», данное представителю журнала Г.Г. Файзуллину.

В конце 20-х годов из евразийства выделилось левое крыло (Л. Карсавин, С. Эфрон, – кстати, муж М. Цветаевой и др.), некоторые из представителей этой левой группы вернулись в СССР и стали там жертвами политических репрессий. Дело в том, что эта часть евразийцев приветствовала большевистское руководство, которое, как им казалось, встало на путь воссоздания России как евроазиатской империи.

В начале 30-х «правым» евразийцам удалось восстановить движение и даже создать эмигрантскую Евразийскую партию, в Таллинне стала выходить их газета «Свой путь». Но к концу 30-х годов евразийство как течение сходит на нет.

Спустя десятилетия – как бы предчувствуя ход исторических событий – знамя евразийства в 60–70-е годы 20 века подхватил историк и мыслитель Лев Николаевич Гумилёв, который, конечно, тогда приходился не ко двору со своими неоевразийскими идеями.

Кроме всего прочего, Гумилёв предложил объяснение главного образа евразийства: пытаюсь доказать особый путь России, они сконструировали некий условный культурно-исторический континент Евразию в рамках географического континента Евразия. Центром этого отдельного континента-цивилизации являлась Россия – реально Российская империя с входившими в её состав многими азиатскими народами. Эта Россия-Евразия, по убеждению евразийцев, представляла собой некий синтез Запада и Востока, с преобладанием туранского (центрально-азиатского) начала. Исторически это означает, что Русь-Россия происходит из державы Чингисхана, является её наследницей, соответственно, никакого монголо-татарского ига не было, а были союзнические отношения, начало которым положили договорённости между ханом Батыем и Александром Невским.

Для современного евразийства имеет большое значение идея Гумилёва о «суперэтносе», который вбирает в себя многие этнические группы, объединённые общностью исторической судьбы. Под этим «суперэтносом» он имел в виду народы России.

Возрождение евразийства – в модернизированном виде – приходится на начало 90-х годов – время распада СССР и создания на постсоветском пространстве целого ряда независимых государств. В основе этого процесса возрождения, по крайней мере, два источника: во-первых, евразийская идея служит идеологическим обоснованием процессов реинтеграции на постсоветском пространстве, в котором объективно, а в ряде случаев – и субъективно заинтересованы политические классы и бизнес-сообщества стран СНГ. Эти сложности и трудности переживал и Казахстан, поэтому не случайно первым среди руководителей СНГ озвучил идею нового евразийства Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев, который в 2004 году выпустил книгу «Перспективы евразийской интеграции». По его мнению, «евразийство – это социальная модернизация, экономическое развитие при сохранении культурной и национальной идентичности».

Новый импульс обсуждению этой проблемы придала статья В.В. Путина, опубликованная в «Известиях» в начале октября 2011 года. В.В. Путин подчёркивает, что Евразийский союз – а к 2015 году интеграционные процессы должны привести к его созданию – будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов.

По словам Н.А. Назарбаева, он ещё в начале 90-х предложил программу сближения стран постсоветского пространства. Интеграция, по мнению Назарбаева, должна отвечать четырем основным критериям: «экономический прагматизм», «добровольность интеграции», «принцип равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга», «уважение суверенитета и неприкосновенности государственных границ».

Политическая практика последних лет показывает, что выдвинутая Н.А. Назарбаевым и В.В. Путиным инициатива создать в ближайшей перспективе Евразийский союз – это долговременная стратегическая линия в условиях,

когда идея СНГ пока еще не реализовала возлагавшиеся на неё надежды.

Пройдя этапы формирования таможенного союза в рамках евразийского сближения, экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект в современном мире.

Два крупнейших объединения нашего континента – Евросоюз и формирующийся Евразийский союз – основывая свое взаимодействие на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования, объективно, в том числе и через отношения с третьими странами и региональными структурами, способны распространить эти принципы на все пространство – от Атлантики до Тихого океана. Вместе с тем противоречия между этими центрами имеют место, в особенности, когда возникают вопросы притягивания постсоветских стран к интересам чисто европейской площадки.

2. Объединительный съезд мусульман: синдром единства без альтернативы

Съезды как высшая форма проявления воли определенного сообщества служат как для выполнения конкретных назревших задач, так и для определения перспектив развития. «Религиозная автономия» екатерининской эпохи в форме Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) вносит определенные элементы коллегиальности в управление и выборность должностей, но как таковые съезды не проводились. Хотя для внутреннего демократизма суннитского ислама всегда было характерно решение многих вопросов, в особенности относительно лидера, путем волеизъявления мусульманского сообщества в проводимых собраниях различного уровня. В истории российских мусульман в эпоху войн и революций начала XX века проходили знаковые Все-

российские мусульманские съезды, которых до 1917 г. было 4²⁵⁴. Подобного рода мусульманские форумы входят в практику (голяма – духовенства, женщин-мусульманок и т. д.). В Казани в июле 1917 года Всероссийский съезд духовенства, например, рассматривал следующие вопросы: реформы мектебе, медресе, религиозного образования; структурирование управленческих звеньев мусульманской общины; о Всероссийском союзе духовенства и его издательской деятельности и т. д.²⁵⁵. В советский период съезды улемов и мутаваллиев (попечителей) проходили в 1920, 1923, 1926 г. при ЦДУМ в Уфе. Незначительное количество духовенства участвовало в 4-м съезде ЦДУМ в 1948 г.

В условиях постсоветского периода, когда после 5-го съезда 1990 г. произошло дробление ЦДУМ и появление новых духовных управлений мусульман, съезды регионального, республиканского и всероссийского характера, разного уровня и значения, стали обычным явлением. Причин данного явления достаточно много, но в основном они кроются, во-первых, в неготовности ЦДУМ действовать в условиях крупных социально-политических перемен, во-вторых, при ослаблении в сфере религии централизаторской воли государства общая волна демократизации формирует новые центры притяжения с иными методами управления. В настоящее время в Российской Федерации существует три крупных мусульманских управленческих центра: ЦДУМ, Совет муфтиев России с 1996 года, Высший координационный центр Кавказа, вокруг которых объединяются большинство из 82 российских муфтиятов.

В начале 1990-х гг. на волне демократизации и роста национального самосознания в Татарстане звучали предложения о создании самостоятельного духовного управления, бо-

²⁵⁴ См.: Форумы Российских мусульман на пороге нового тысячелетия / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2006. 320 с. (Материалы, посвященные к 100-летию проведения 1 Всероссийского мусульманского съезда (1905–2005).

²⁵⁵ Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. С. 63.

лее того, были попытки реализовать идею передислокации ЦДУМ в Казань. Возобладало мнение о создании независимого духовного управления Республики Татарстан. В 1992 году 22 февраля на съезде представителей мусульманской организации создается ДУМ РТ во главе первым муфтием Габдуллой Сафовичем Галиуллиным. Он родился в Казани 2 сентября 1954 года, после окончания средней школы работал слесарем на заводе, служил в армии. Религиозное образование он получил в Бухарском медресе (1979–1983) и Ташкентском исламском институте (1983–1987), после возвращения стал работать имамом соборной мечети Марджани, а в 1990 году был избран председателем мутаваллиата мечети Нурулла (бывшая Сенная).

На начальном этапе возрожденческой волны национальное и религиозное движение тесно переплетаются. Такая ситуация отражается как в совместно проведенных мероприятиях, так и в учредительных документах и программах общественных объединений. Позиционируя себя ярким сторонником национального движения, муфтий Г. Галиуллин стал создавать напряженность в общественно-политической жизни. В период его деятельности в муфтиате ислам приобрел черты политизированности, национальные проблемы стали преломляться и через призму религиозных социальных институтов.

Во внутренней мусульманской жизни спонтанно формировались мухтасибаты, казыяты, совет улемов и другие, организационно-управленческие органы, которые постепенно обеспечивали структуризацию уммы. Такие попытки самоорганизации путем создания исламских институтов происходили при энергичном участии первого муфтия республики. Вместе с тем позитивные процессы были сопряжены с импульсивными решениями, частой сменой кадров. В действиях муфтия возобладали жесткие решения по отношению к своим заместителям, имамам и другим приближенным в случае неповиновения. Устав духовного управления во многом позволял муфтию принимать единоличные и авторитарные

решения, в частности, заместители муфтия и казый назначались лишь по приказу, отсюда и происходила частая смена руководителей в структуре муфтиата.

Появление в Татарстане по приказу председателя ЦДУМ Т. Таджуддина второго муфтия в лице Габделхамида Рауфовича Зиннатуллина в 1994-1997 годы вносило дополнительные сложности, связанные с принятием разных решений даже по чисто религиозным вопросам, например, таким, как определение празднования дня Ураза байрам, Курбан байрам и т. д. Муфтий Габделхамид Рауфович Зиннатуллин родился 2 сентября 1954 года в Казани в религиозной семье, работал слесарем на заводе «Радиоприбор», служил в армии, в 1980 году успешно окончил медресе «Мир-Араб» в Бухаре и по возвращении был назначен имам-хатыбом. Будучи имамом мечети г. Зеленодольска и председателем центрального мухтасибатского управления близлежащих районов Татарстана, Мордовии, Марий-Эл и Чувашии от ЦДУМ он редко бывал в Казани и не проявлял большой организаторской активности в столице. Он состоял в близком родстве с Т. Таджудином, имел хорошее религиозное образование, был членом президиума и казыем ЦДУМ и обладал исключительно красивым голосом при чтении Корана, что часто демонстрировалось на крупных религиозных церемониях.

Активизация деятельности второго муфтиата в Казани была связана с приходом на эту должность Фарид-хазрата Салмана. В ноябре 1997 года на пленуме Духовного Управления Мусульман Татарстана в составе ЦДУМ России и Европейских стран СНГ он был назначен муфтием Татарстана от ЦДУМ. Хайдаров Фарид Адиевич родился в Казани 29 мая 1969 года, с отличием закончил исторический факультет Казанского университета в 1991 году, религиозное образование получил в частном исламском институте в г. Штора (Ливан), работал имам-хатыбом в мечетях Марджани, Нурулла, в управленческих структурах мухтасибата г. Казани и ДУМ РТ, владеет арабским, английскими языками. В период подготовки к Объединительному съезду мусульман некоторые

религиозные деятели обзавелись семьями, в том числе Салман хазрат и Валиулла хазрат, что явилось, с одной стороны, отражением ментальности татарского народа и хорошим показателем уважения традиции отношения народа к духовному лидеру, с другой, выражением серьезных их намерений баллотироваться на должность муфтия республики.

Фарид Салман явился одной из заметных фигур новой генерации образованных исламских лидеров постсоветского периода. Вместе с тем, его карьерный рост в духовной сфере сдерживался, прежде всего, недостаточной его опытностью в политической сфере, неумением сдерживать свои эмоции и стремлением строить далеко идущие планы, неосуществимые в сложившейся ситуации. Его аналитические записки, обращения и заявления, во многом адекватно отражающие реалии мусульманской жизни, в особенности в вопросах ваххабизации, часто носили односторонний и неконструктивный характер. Острая критика, частые резкие оценки и высказывания в адрес местного руководства больше вызывали отторжение, чем серьезную проработку предложений. В его деятельности можно выделить период, когда имели место умеренные действия имама в ходе подготовки к выборам муфтия на Объединительном съезде мусульман. Однако после проигрыша на съезде он уходит в жесткую оппозицию не только по отношению к муфтию, но через некоторое время и по отношению к Казанскому Кремлю. Вместе с тем в последние годы в его выступлениях и высказываниях присутствует более прагматичная позиция, вызывают интерес его изданные труды, Коран на татарском языке, тафсиры и др.

В феврале 1997 года после истечения пяти лет после учредительного съезда ДУМ РТ остро встал вопрос о проведении очередного съезда мусульман. В интересах муфтия Г. Галиуллина было обеспечение легитимности своего пребывания на должности муфтия. В январе 1995 года Т. Таджуддин провел чрезвычайный съезд, где были отменены решения 7-го (1.11.1994 г.) съезда, который в свою очередь отменил решения 5-го съезда о пожизненном из-

брани муфтия²⁵⁶. В 1996 г. Т. Таджутдин был объявлен шейхуль-исламом, пожизненно пребывающим на этой должности. Пример пожизненно избранного муфтия был привлекателен и для Габдуллы хазрата. В случае проведения им самим съезда такая перспектива была вполне реальной. Он неоднократно обращался к руководству республики с просьбой разрешить проведение съезда, но, не получив поддержки, отменял или сам откладывал проведение съезда. Отношения муфтия с властными структурами не складывались, взаимное отчуждение уже трудно было скрывать. Осенью 1997 года в кругах муфтия рождалась идея проведения съезда в явочном порядке, без получения санкции со стороны властей, что было, по сути, нереальным.

В конце декабря 1997 года, исходя из анализа ситуации инициаторами проекта «Культура, религия и общество», Совет по делам религий при КМ РТ вносит Президенту РТ Шаймиеву М.Ш. предложение о содействии со стороны государства проведению Объединительного съезда мусульман РТ. Причем не с точки зрения присвоения ислама государством и вмешательство в дела религии, а из-за необходимости преодоления негативных тенденции в обществе и для раскрытия позитивного потенциала организационных структур мусульман. Разработанные концептуальные подходы, политико-правовые, организационные мероприятия по проведению съезда мусульман, поддержанные Президентом и осуществленные при содействии Совета по делам религии во главе его председателем, стали совершенно новым явлением в конфессиональной жизни республики и основой ее дальнейшего спокойного и конструктивного развития. Съезд по накалу страстей, значимости его ожидаемых результатов не имел себе равных в постсоветской истории Татарстана.

В ходе подготовки и проведения съезда учитывалось два принципиально важных подхода, которые были популярными

²⁵⁶ Биография Председателя Центрального духовного управления мусульман России, Верховного муфтия, Шейхуль-Ислама Талгата Сафа Таджуддина. <http://www.cdum.ru/mufti/>

и во всех отношениях эффективными методами, применяемыми в демократичном обществе. Во-первых, предложения о проведении Объединительного съезда опирались на многочисленные обращения, высказывания и пожелания мусульман и общественности, во-вторых, принцип альтернативности выборов был обеспечен в полном объеме, о чем свидетельствует участие в баллотировке шести претендентов на должность муфтия. В тот период это воспринималось как вполне уместное и закономерное явление и речи о присвоении религии государством или о том, чтобы оседлать ее развитие, не могло идти. Одно только такое ритуальное явление как массовый такбир – «Аллаху акбар» при открытии съезда вызывал трепет у основной массы чиновников, поскольку для них все это было новым и непонятым. Кстати, спустя несколько лет в канун III съезда в 2006 году предложения Совета по делам религии об альтернативных выборах муфтия воспринимались уже весьма скептически. В результате только Г. Галиуллин смог выставить свою кандидатуру и выступить с довольно слабой, хотя и во многом правильной, программой, ориентированной лишь на критику деятельности муфтия. Широкое обсуждение наболевших проблем и возможность адекватной оценки разных программ претендентов для последующего определения позиции при голосовании не было осуществлено. Такая атмосфера постепенно складывалась как внутри уммы, так и среди властных структур.

Помимо указанных претендентов на должность муфтия Г. Галиуллина, Г. Зиннатуллина, Ф. Хайдарова (Фарид Салман) прошли кандидатуры Исхакова Гусмана Гумеровича, Залялетдинова Марса (Мансура) Талгатовича и Бикчантаева Камила Имаметдиновича. Каждый из них пользовался определенной известностью в религиозных кругах. В частности, Гусман хазрат незадолго до съезда вернулся в Казань из Башкортостана и стал работать имамом, а также заместителем муфтия. Там в г. Октябрьске он основал медресе и получил широкую известность, будучи не только имамом, но и депутатом горсовета. Он родился в Казани 25 мая 1957года, после

школы работал на производстве слесарем, водителем, служил в армии, религиозное образование получил в бухарском медресе «Мир-Араб». В 1982 году после окончания учебы в медресе стал работать ответственным секретарем в ЦДУМ и совершил в том же году свой первый хадж в Мекку через Уфу. Избрание муфтием республики Г.Г. Исхакова было явлением не случайным, но с расчетом на рост его авторитета, на то, что он будет соответствовать высокому уровню времени возвращения прошлого духовного наследия и стать центром притяжения российских татар-мусульман в соответствии с ожиданиями власти и мусульманского сообщества Татарстана. Исходя из этого, в Совете по делам религий при КМ РТ с самого начала, чтобы сформировать его имидж, ему настойчиво рекомендовали представить мусульманам свои богословские работы и публикации в печати. Вскоре вышла первая его работа «Динсез яшэп булмый» (Казань, 2000) и другие. В тот момент он отвечал тем требованиям, которые предъявлялись ему уммой и властями. Вместе с тем, муфтий, обладающий хорошими организаторскими и коммуникативными способностями, не смог в годы пребывания на этой должности прийти до осознания и практического решения насущных проблем мусульманской уммы республики.

Духовная должность мухтасиб столицы всегда была привлекательной, поскольку она открывает широкие возможности к тому, чтобы быть на виду, иметь доступ к различным структурам при решении жизненно важных вопросов и дает также шансы на реализацию личных больших далеко идущих планов. Мухтасибом г. Казани Мансур Залялетдинов стал в 1996 году, за полгода до этого став имамом мечети Марджани. Он родился в Казани 27 марта 1960 года, служил в армии, работал в структурах городского общественного питания, религиозное образование получил в бухарском медресе «Мир-Араб» (1986–1990 гг.), прошел курсы в Стамбульском университете.

В силу свойственных ему личностных качеств, связанных, прежде всего, с превалированием у него заметных

способностей в области организационно-хозяйственных и коммерческих дел, он всегда проявлял осторожность в вопросах реализации планов стать муфтием республики. Естественно, для этого нужно было еще стечение многих обстоятельств, в том числе и наличие такого качества, как умение доводить начатое дело до конца. Скажем, М. Зялялетдинов один из первых в России создал общество вакфов, но не смог оценить его перспективы и тогда, когда было предложено Советом по делам религий в 2007 году в процедурах приватизации общиной мечети Марджани создать из более десяти действующих при мечети коммерческих структур хотя бы один образцово-показательный вакф. Это было очень важно, поскольку комплекс соборной мечети Марджани обладал знаковым статусом не только в Татарстане, даже в советский период она не закрывалась. Настойчивость Совета по делам религий была связана еще с тем, что необходимо было реализовать протокольное поручение Президента РТ, данное Р.А. Набиеву по содействию развития вакфа 6 марта 2001 года, доложить о результатах выполнения которого под угрозой наказания требовали в аппарате Президента РТ. Однако мухтасиб не принял эти предложения, выразив лишь недовольство по отношению к председателю Совета по делам религий при КМ РТ в печати (Шәһри Казан. 2007. 14 апрель), выставив его в качестве противника согласования проекта Постановления по статусу мечети, хотя уже год данная госструктура была лишена права участия в подобных согласованиях.

Два раза подряд на должность муфтия баллотировался имам мечети Султан (с 1993 г.) Камиль Бикчантаев, 1956 (8 августа) года рождения из д. Степные Енали (Кыр Энэлесе) Буинского района Республики Татарстан. После службы в вооруженных силах он закончил медресе «Мир-Араб» в Бухаре, затем работал имамом в Бугульме, Ижевске, в мечети Марджани. Судя по его отношению к процедуре выборов муфтия и его участию в качестве претендента на эту должность, можно было сделать вывод, что его мало волновал вопрос победы в этой предвыборной гонке. Пожалуй, для него были

важными такие моменты, как участие для обеспечения альтернативности выборов и возможность быть на виду среди мусульман в качестве одного из знатоков в области фикха. Находясь в должности имама мечети и регионального казья ДУМ РТ, он единственный из претендентов на должность муфтия в Объединительном съезде мусульман продолжил свое образование в РИУ, закончил бакалавриат по теологии и поступил в магистратуру.

Однако организационно-техническое решение данной задачи оказалось исключительно трудным. Здесь переплелись личные интересы группировок, соблюдение юридических норм, связанных с конституционными принципами отделения религии от государства, политические подходы к развитию мусульманской уммы республики и т. д. В силу того, что два юридически зарегистрированных муфтията республики ориентировались на разные духовные центры – ЦДУМР (Т. Татжуддин) и Совет муфтиев России (Р. Гайнутдин), важно было добиться их согласия на проведение Объединительного съезда, что и было достигнуто при встрече у М.Ш. Шаймиева. Причем, заранее было трудно предсказать возможные результаты голосования, что было важно, поскольку оставляло шансы на победу нескольким претендентам, по крайней мере, Г. Галиуллину, Г. Исхакову, Ф. Хайдарову. Это придавало устойчивость съезду, отпадало угроза под каким-либо предлогом одной из сторон сойти с дистанции и сделать результаты съезда нелегитимными. Однако все это надо было еще обеспечить как организационно, так и психологически, что и осуществлялось Советом по делам религий, с использованием самые различные приемы.

Организационный комитет, созданный из семи человек (по 3 из двух муфтиятов и председатель Совета по делам религии Р.А. Набиев для решения вопросов, связанных с государственными структурами), сосредоточил в себе согласование исключительно сложных и спорных вопросов. Его состав подвергался ситуативным изменениям, но основной костяк, состоящий из В.Якупова, И.Зиганшина, Х.Орлова,

Р. Набиева, работал с момента создания до конца истечения полномочий. Приведение к общему знаменателю положений двух уставов, определение процедуры проведения съезда, установление квоты по числу делегатов, выбираемых в общинах районов, определение кандидатов на должность муфтия и другие вопросы вызывали продолжительные дискуссии на заседаниях оргкомитета. Ввиду того, что ряд положений проекта двух уставов не удалось согласовать, было решено вынести на рассмотрение съезда два варианта устава ДУМ РТ: один общий и второй от бывшего ДУМ РТ (от муфтия Г. Галиуллина)²⁵⁷. В первый вариант целиком вошли рекомендации, выработанные в Совете по делам религий при участии ряда имамов, в частности, Айрат хазрата Мухаметзянова (имам мечети с. Именьково). О сложностях и ответственности за судьбы исламского возрождения в процессе выработки проекта Устава ДУМ РТ, да и Устава РИУ, осуществленной при научном руководстве председателя Совета по делам религий, он подробно изложил в газете «Республике Татарстан» (от 28. 11.2000 г.).

В целях обеспечения целостности духовного управления между съездами, муфтий одновременно является и председателем ДУМ РТ, Баш казый по представлению муфтия должен был избираться съездом, а первый заместитель муфтия по этому же образцу по традиции стал утверждаться съездом. Имам и председатель приходского совета (мутавалли) предлагался избрать в одном лице, а также положения о вакуфах, совета улемов и другие решались в принципиально новых подходах. Религиозная основа единства обеспечивалась уставным положением о том, что мусульмане республики осуществляют свою деятельность в соответствии с Кораном (в частности, на призыв: «держитесь за вервь Аллаха все, и не разделяйтесь...» 3:98(103)), Сунной и опираются на нормы мазхаба Абу Ханифа. Устав оказался прочным фун-

²⁵⁷ Якупов В. М. «Устав»ная литература Духовных управлений Татарстана – важный источник в изучении новейшей истории мусульманского сообщества Татарстана. Казань: Изд-во «Иман», 2006. 86 с.

даментом для устойчивого развития уммы, и в последующие годы он не претерпел принципиальных изменений.

Таким образом, на съезде 14 февраля 1998 года в Казани произошло объединение двух независимых управлений в одно – ДУМ Республики Татарстан (ДУМ РТ), и это было единодушное решение 700 делегатов – имамов. Из шести претендентов на пост председателя ДУМ РТ около 70% имамов проголосовали за Гусмана хазрата Исхакова, на втором месте оказался Г. Галиуллин и на третьем – Фарид Салман. По решению делегатов голосование было тайным, причем в составе счетной комиссии были представители обоих конкурирующих управлений, что обеспечивало жесткий контроль и о каких-то подтасовках голосов речи идти не могло, в целом это были честные, демократичные и справедливые выборы.

Процедура проведения Объединительного съезда дала возможность не только познакомиться с предвыборной программой претендентов на должность муфтия, но и на этом фоне открыто обсудить назревшие проблемы. Тем более что данная процедура вполне соответствовала демократическому духу ислама, каноническому принципу отсутствия священства, когда любой пользующийся уважением мусульманин имел право занять пост в духовной иерархии власти. Современная мусульманская избирательная практика имеет случаи долгосрочного пребывания муфтиев на духовных должностях, например, Т. Татжуддин (ЦДУМ), Аллашукур Паша Заде (Азербайджан), до развала советской системы на основе кланового принципа САДУМ с 1943 г. возглавляли Бабахановы. Избрание муфтием Г. Исхакова из семейного круга Рашиды абыстай (Г. Галиуллин муж ее дочери, а Гусман является сыном) не служит еще доказательством склонности к клановому принципу управления. В принципе, пожалуй, тогда не было заметных религиозных фигур, безоговорочно претендующих на духовную власть, поэтому и появилось достаточно большое количество претендентов. Государству не так важно, кого верующие изберут лидером, тем более что по закону это внутреннее дело общины. Главное, важно иметь

авторитетного и уважаемого духовного лидера, который может обеспечить позитивное развитие и консолидацию уммы. В политике опора на довольно многочисленное и устойчивое ядро в религиозной сфере вполне понятно, но о клановом принципе после выборов в 2011 году муфтием Ильдуса Фаизова, не стоящего в родстве с указанными лидерами, не могло идти речи.

Исходя из того, что после съезда должно начаться самое главное, связанное с развитием уммы в социокультурном пространстве Татарстана, Совет по делам религии рекомендовал принять на съезде концепцию основных направлений развития мусульманской общины республики. Речь идет о том, что за организационным единством мусульманских структур должны были последовать общие усилия по превращению общины в неотъемлемую часть социокультурного пространства, погруженную в общественную и социальную жизнь общества. В этом отношении интересные положения были сформулированы в Предложениях, подготовленных по итогам международной конференции «Религия в современном обществе: истории, проблемы и тенденции» (октябрь, 1997 г.),²⁵⁸ а также в содержательном выступлении Президента М. Ш. Шаймиева на Объединительном съезде мусульман. Такой кратко изложенный документ появился и был зачитан на съезде, но он не стал программой действия ДУМ РТ на последующие годы, главным образом из-за того, что лидеры мусульманских структур были подавлены общей нездоровой морально-этической ситуацией в стране, на них оказывали большее влияние финансово-хозяйственные проблемы и интересы, чем идеологические и перспективные для уммы вопросы.

Принятые в последующих съездах (2002, 2006, 2010 гг.) подобные документы во многом тоже оставались лишь декларациями. Отчетные доклады муфтия содержали много положительной информации, отражали различные аспекты

²⁵⁸ Религия в современном обществе: истории, проблемы и тенденции / под ред. проф. Р.А. Набиева. Казань, 1997.

деятельности, но не хватало очень важных моментов – критической оценки достигнутого, анализа болевых точек и путей выхода из этой ситуации²⁵⁹. В силу того, что в госоргане по делам религии при правительстве сосредоточился координирующий центр по осмыслению ситуации и определению конкретных действий, религиозные организации постепенно вовлекались в государственно значимые мероприятия. По инициативе Совета и при прямом его содействии они осуществлялись в сфере образования, социального служения, организации межконфессионального диалога и т.д.

Вместе с тем в первую очередь духовное управление и его состав больше удовлетворялось достигнутым единством как высшей ценностью этого периода, не осознавая своего значимого места в структуре российской уммы и необходимости превращения ДУМ РТ в главный инструмент недопущения распространения радикальных, нетрадиционных течений. Именно Устав духовного управления мусульман республики, прошедший государственную регистрацию, определял свои ориентиры сохранения традиций, утвердившихся в условиях существования в регионе мазхаба Абу Ханифа. Это своеобразное обязательство общины перед государством и обществом. В государственных структурах многие ответственные работники этой стороне деятельности духовного центра в тот период не придавали системно-концептуального значения. В частности, неоднократные постановления данного вопроса со стороны Совета по делам религий при КМ РТ²⁶⁰ воспринимались как несущественные и не оформлялись в качестве неотложных политико-правовых задач. А в ДУМ РТ не сформировалось системное представление о необходимости повседневной целенаправленной работы в данном направлении.

²⁵⁹ См.: Доклады Председателя ДУМ РТ, муфтия Гусман хазрата Исакова II–IV съездам Татарстана, 2002–2010 гг. (В брошюрованном виде)

²⁶⁰ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. № 32 от 1. 02. 2006г.; исх.№ 9 от 13. 01. 2006г.; исх.№ 129 от 6.05.06 г., исх. № 4 от 11. 01. 2006 г. и др.

Поскольку Объединительный съезд мусульман республики проходил в феврале (14 февраля 1998 г.), то можно образно говорить о «февральском» синдроме мусульманской элитарности в Татарстане. Избранный на съезде верховный слой мусульманского духовенства оказался в плену и заложником собственных и привнесенных слабостей, формирующих комплекс его неполноценности. Механизм его создания лежат в двух плоскостях. С одной стороны, государство, взявшее на себя ответственность за позитивное влияние на процесс развития мусульманской уммы и, с другой стороны, первая волна мусульманского духовенства, оказавшегося на вершине духовных институтов и структур. Та и другая сторона, казалось, разными путями стремятся к достижению одной цели – развитию «нормального» ислама и продуктивного взаимодействия. Достижение искомого результата требовало высокого профессионализма, конструктивных действий, политической воли и корректности, причем с той и с другой стороны.

Если в мусульманской умме России ощутимые позитивные результаты отсутствуют, то заниматься наведением глянца на очевидную неспокойную ситуацию не представляется продуктивным. Важно, прежде всего, искать причины, в которых кроются основные сдерживающие факторы, и исходя из этого, решительно корректировать действия. Для их эффективной реализации правовых, материально-финансовых и историко-духовных, да и интеллектуально-организаторских ресурсов предостаточно. Главное – нужны политическая воля и грамотно выстроенные шаги, прежде всего, со стороны государства.

Цель февральского съезда – не столько объединение в рамках одной республики мусульманских структур, сколько открытие перспектив и простора для внутреннего развития уммы в целом, объединение раздробленных структур для конструктивной и целенаправленной деятельности с тем, чтобы возродить добрые традиции мусульманской жизни в новых исторических условиях. Не случайно на съезде Пре-

зидент РТ сформулировал задачу возрождения исламских институтов и развития мусульманского образования на основе традиции татар-мусульман, что означало, по сути, создание идейных и организационных основ для единства российских мусульман на базе их традиций²⁶¹. Объективно центром конструктивных инициатив и добрых образцов мусульманской жизни мог стать именно город Казань с его богатыми традициями мусульманской жизни и возможностями, о чем неоднократно говорил Президент РТ, назвав нашу столицу своеобразной «Меккой» для татар-мусульман.

На второй день после объединительного съезда угрозы организационного раскола республиканских мусульманских общин уже не существовало. Такая опасность, как с организационной точки зрения, так и с психологической, исчерпала себя. Мало кто мог реально рассчитывать на изменение ситуации. Создание и регистрация ЦДУМ (ханафитов) Ф. Шаймардановым через решение Верховного суда, исключавшее одновременно и статью 10 п.5 республиканского закона о свободе совести относительно единого духовного управления, в расчет можно даже не брать. За почти десять лет с момента создания данного управления в его составе оставалось всего 3 общины и признаков своей деятельности оно не подавало. Оно существовало формально и лишь на бумаге.

Таким образом, раскол возможен был лишь при двух случаях: а) если государство не определит приоритетные звенья для поддержки в общей цепи развития и допустит глупости в оценке ситуации или попытается целиком перейти на мусульманскую организационно-структурную площадку с целью присвоения ислама, то внутри уммы будут создаваться условия для возникновения очагов напряжения и идейно-организационной консолидации оппозиционно настроенных мусульман; б) возможно и искусственное создание дополнительного центра с последующей поддержкой для стимулирования работы действующего муфтията в нужном направлении.

²⁶¹ Шәһри Казан. 1998. 20 февраль.

К примеру, такая оппозиция в период острой идейной борьбы за утверждение традиционных основ мусульманской жизни и в политике выстраивания мер недопущения распространения ваххабитской идеологии существовала в Казанской мечети «Булгар». Имам мечети Фарид Салман, зарекомендовавший себя как образованный религиозный деятель и сторонник традиционного ислама, проявлял активность в критике руководства республиканского муфтията, обвиняя их в благодушии по отношению к нетрадиционным течениям. В течение нескольких лет мечеть «Булгар» стала центром открытой оппозиции и шла также длительная судебная тяжба по вопросу собственности с группой имама Г. Сафина. По причине потери сбалансированности в действиях и с появлением явных признаков политизации, выразившихся в переходе на позиции открытой критики властей со стороны главы религиозной организации, имеющей государственную регистрацию, Фарит хазрат Салман терял правовую и политическую поддержку. Тогда оппозиционный имам вынужден был покинуть республику, работал некоторое время в ЦДУМ в качестве заместителя председателя, а также муфтием Ямало-Ненецкого национального округа.

Между тем, избранные на съезде мусульманские лидеры вплоть до чрезвычайного V съезда спекулировали на вопросах организационного единства мусульман республики. Государственные структуры в этот период ослабили нити связи с религиозными структурами и способы воздействия на позитивное развитие внутриконфессиональных процессов.

В 2011 году, на первый взгляд неожиданно, ссылаясь на состояние здоровья, подал в отставку бессменный муфтий единого ДУМ РТ с февраля 1998 года. Г. Исхаков. В январе 2013 г. его примеру последовал избранный в апреле 2011 г. муфтий И. Файзов. В особенности с IV съезда ДУМ РТ в 2010 г. руководство Республики Татарстан ставит вопрос о следовании так называемому «традиционному» для татар исламу, который увязывается с ханафитским мазхабом суннитского толка. Очевидно то, что основной аудиторией

воздействия является молодежь. «Однако, – как отмечает А. Хабутдинов, – основные направления в деятельности ДУМ РТ сводятся к сфере экономики, а с VI съезда в апреле 2013 г. при новом муфтии К. Самигулине и к социальной сфере»²⁶². Хотя и сформировалась система исламского образования и существуют в течение 25 лет мусульманские учебные заведения, уровень подготовки мусульманских деятелей и интеллигенции еще оставляет желать лучшего. По мнению ректора Российского исламского университета РИУ в Казани (с 2006 г.) Р. Мухаметшина, процесс формирования специалистов высокой квалификации переживают застой.

Таким образом, Объединительный съезд мусульман Татарстана стал первым такого рода форумом среди российских мусульман, давшим пример возможности консолидации уммы в конкретном субъекте. Осуществленное содействие со стороны политического руководства республики по проведению съезда и внесенные предложения Совета по делам религий при КМ РТ оказались важными для открытия возможности мобилизации внутренних ресурсов в позитивном развитии мусульманской уммы. Вместе с тем идея организационно-структурного единства стала всепоглощающей в ущерб идейно-содержательного сплочения уммы. В этом контексте не доставало все нарастающая конструктивная работа общин по восстановлению религиозных традиций и использованию структур ДУМ РТ как главного инструмента по недопущению распространения экстремистских нетрадиционных течений.

262 См.: Хабутдинов А.Ю. Мусульманская община в современном социокультурном и политическом пространстве России / Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы международной научной конференции (Казань 23–24 мая 2013 г.) / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Изд-во КФУ, 2013. С. 77.

3. Рецепция джадидских идей и традиционный ислам

Идеи джадидизма (второй половины XIX – начала XX вв.), направленные на модернизацию всего уклада мусульманского общества (в области религиозной, социокультурной и общественно-политической жизни) как никогда востребованы в настоящее время. Современные процессы религиозного возрождения поставили вопросы о месте ислама и мусульманской уммы в современном обществе, о путях интеграции религиозных традиций и мусульманской ментальности в современный мир. Очевидно, что российский ислам (мусульманская умма)²⁶³ вновь стоит перед лицом модернизации и новых реформ. Таким образом, джадидизм объективно представляет для современных национальных лидеров не только бесценный практический опыт проведения реформ (например, в области образования и т.д.), но и предоставляет современному поколению систему принципов (методов и подходов), связанных с модернизацией всего мусульманского общества. Вокруг этого не прекращаются споры, порой диаметрально противоположные джадидизма и кадимизма, не меньше споров относительно понятия «традиционный ислам», происходят нюансовые обозначения явлений. Не случайно рецепция джадидских взглядов в современном движении обновления жизни мусульман получила название «неоджадидизм» (иногда «евроислам» или «реформированный ислам»).

Феномен возрождения религии породил споры вокруг имманентной сущности ислама. Ислам един, но он многолик. Основные направления в исламе: шиизм и суннизм, сложившиеся мазхабы, секты и течения, характеризуют общую картину данной самой молодой мировой религии. Впрочем, обилие разнообразия в каждой мировой религиозной системе с определенными оттенками является свойственным для всех. Разные направления и течения в исламе и их проник-

²⁶³ Умма – мусульманская община, «нация правоверных».

новение на российское пространство явления ожидаемо, поскольку мы не изолированы от внешнего мира, тем более утрачены традиционные богословско-теологические школы, «сообщество» улемов, т.е. образовался духовно-религиозный вакуум. В рамках разных исламских течений выдвигаются и отстаиваются различные идеи, связанные со справедливостью, гуманизмом, со смыслом и целью жизни. Вместе с тем, немало течений, несущих в себе угрозу экстремистского характера, что вызывает опасения у общественности и государства. По этим направлениям издается многочисленная литература, причем больше основанная на классической исламской учености. Наряду с этим в Татарстане развернулась предметная дискуссия о перспективах развития ислама, исходя из татаро-мусульманской исторической традиции, что явилось проецированием изучения региональных особенностей исламской эволюции.

В центре дискуссионного вихря оказались две известные личности – Р.С. Хакимов, директор Института истории АН РТ и его оппонент В.М. Якупов, первый заместитель муфтия Республики Татарстан, избранный на эту должность подряд тремя съездами мусульман, он же одновременно председатель вакуфов, затем заведующий учебным отделом.

Характер рецепции в целом напрямую связан с социокультурным, общественно-политическим статусом конкретных субъектов данного процесса с одной стороны, и его социальным окружением (средой) – с другой. Например, наиболее явно джадидский дух, готовый к ассимиляции достижений мировой цивилизации, проявлен в пятничных проповедях (хутбе) мечетей «Кул-Шариф», «Әниләр», «Закабанной» и некоторых др. Среди прихожан в них преобладают учащиеся, преподаватели, чиновники, представители творческих профессий и т.д. Достоинно внимания, что в мечети «Әниләр» хутбу (в порядке учебной практики) читают в основном шакирды Российского исламского университета (РИУ), который возглавляет Мухаметшин Р.М., где деканом теологического факультета является Шагавиев Д.А. (изначально – академические учёные, иссле-

дователи татарской общественной мысли XIX – XX веков)²⁶⁴. Естественно, что ученики часто транслируют концепции своих учителей. О реабилитации кадимизма заговорил Р. Мухаметшин (см. например: Рисэлэт, 2006. № 9). С другой стороны, форпостом «возрожденчества» представляется мечеть «Нурулла», в стенах которой зачастую выдвигаются идеи, отличные от ханафитского мазхаба и весьма далёкие от духовно-религиозных традиций нашего региона. Здесь преобладают радикально настроенные шакирды, а также «люди базара»²⁶⁵. (Впрочем, в большинство мечетей преобладает традиционное (разумно консервативное) спокойное настроение).

Борьба за традиционное правоверие в настоящее время (как и во времена Ш. Марджани) по-прежнему актуально. Как и в джадидскую эпоху, вопрос о правоверии стал своеобразной «линией фронта» дискуссий модернистов и возрожденцев. Хотя джадиды (как и возрожденцы) обращались к внешним теоретическим источникам (М. Абдо, Д. Афгани и др.), им удалось отстоять свои приоритеты на религиозное правоверие²⁶⁶. Этот вопрос скрупулёзно исследуется в диссертации выше упомянутого Шагавиева Д.А. «Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли» (2010)²⁶⁷. Борьба Марджани за ханафитское правоверие в условиях маргинализации культуры (столь свойственной эпохам перемен), по мнению Шагавиева, представляется весьма важным опытом и едва ли не главной заслугой его богословского наследия. В данном случае – очевидна попытка опереться на авторитет великого мыслителя и реформатора, стоявшего

²⁶⁴ См.: Мухаметшин Рафик. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в веке. Казань, 2005; Шагавиев Д. Предисловие // Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига). Казань, 2008. С. 7–122.

²⁶⁵ Напомним, именно в этой среде («людей базара») зародилось движение, приведшее к Исламской революции в Иране, сбросившей в 1979 г. с престола шаха-модерниста Мухаммада Ризу.

²⁶⁶ Не случайно, лидер отечественных возрожденцев Гайнан Ваисов (Сардар) заявил, что прикажет вскрыть могилу Ш. Марджани, облить её керосином и сжечь. См.: Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте ваисовцев. – Казань, 1909. С. 7, 11.

²⁶⁷ См. также: Шагавиев Д. Предисловие // Марджани Ш. Зрелая мудрость...

у истоков джадидизма, подкрепить современные тенденции, направленные на становление мусульманского конфессионально-светского образования.

Как видим, генератором неодаждидских идей является академическая среда. Не станет большим преувеличением утверждение, что в эпицентре этого процесса находится Институт истории АН РТ, в частности отдел общественной мысли и исламоведения²⁶⁸. Следует отметить, что, несмотря на уничтожение джадидской интеллигенции в 20–30 гг. XX в., интерес к джадидизму в академической среде не ослабевал никогда (как символу разумной модернизации без потери этноконфессиональной идентичности). Широкая дискуссия (насколько она была возможна в советский период), развернувшаяся в историографии, рассматривала данное явление в широком диапазоне оценок. Постановления ЦК ВКП (б) (1944), обкома партии (1948, 1952) были напрямую направлены на «выправление» работы ИЯЛИ КФАН (где было чётко заявлено: джадидизм – контрреволюционное буржуазно-националистическое течение и т.д.). Несмотря на суровые окрики и административные меры исследование джадидизма продолжалось (в работах Нафигова Р.И., Абдуллина Я.Г., Юлдашбаева Б.Х. и др.). Во многом относительный либерализм 60–70-х гг. был связан с общим смягчением политического режима, а также усилившимся антиколониальным движением в странах мусульманского Востока. Опыт российского джадидизма оказался востребованным и на международном уровне²⁶⁹, он стал новым явлением исламском мире, которое получило яркое отражение в социокультурной и религиозной жизни мусульман.

На рубеже 1990–2000-х гг. традиции джадидизма стали предметом самого пристального изучения, не ограни-

²⁶⁸ Мухаметшин Р.М. долгое время возглавлял данный отдел, Шагавиев Д.А. возглавляет его в настоящее время (с 2011 г.), а Хакимов Р.С., известный своими неординарными позициями по вопросу развития ислама, является директором института истории АН РТ.

²⁶⁹ Общеизвестно, что первый президент Алжира Ахмед бен Белла, сидя во французской тюрьме (1956–1962), тщательно изучал труды М. Султан-Галиева.

ченного рамками официальной цензуры. Демократизация российского общества, как и сто лет назад, вновь поставила вопрос об этноконфессиональной идентичности татар (и других мусульманских народов), о месте исламского компонента в современной жизни и принципах его адаптации к ценностям западноевропейской цивилизации. Наиболее радикальную позицию в этом отношении занял директор Института истории АН РТ²⁷⁰ политолог Хакимов Р.С., выдвинувший концепцию «евроислама»²⁷¹. В целом «евроислам» (как и родственные понятия «либеральный ислам», «исламский либерализм») отражает достаточно широкий ряд модернистских интеллектуально-духовных исканий. В России и странах СНГ «евроислам» отождествляется также с терминами «просвещенный ислам» или неоджадидизм. На самом деле под «вывеской» неоджадидизма фигурирует самый широкий спектр идеологических течений: от «евроислама» до весьма умеренных и почти консервативных оттенков.

Мусульмане-либералы, как правило, отделяют ритуальную составляющую веры (намаз, пост, закят, хадж, ношение хиджаба и т.п.) от морально-мистической и не придают первой существенного значения, считая достаточным признание шахада (свидетельством о приверженности к исламу). Считается, что зачатки либерального ислама появились в Турции в эпоху Кемалья Ататюрка на основе суфизма, религиозного либерализма, европейского пантеизма и даже материализма. В европейских странах (как, впрочем на большей части территории России) исламский либерализм является одной из форм ислама, продиктованной насущной социальной обусловленностью: не везде можно совершать намазы и носить хиджаб и т.п. Кроме того масштабная *исламофобия* европейцев создает предпосылки к культивированию новых форм ислама в культурной среде проживания.

²⁷⁰ А также: советник по политическим вопросам президента РТ (1991–2008), главный редактор журнала «Казанский федералист» и т.д.

²⁷¹ См.: Хакимов Р. Кто ты татарин? Казань, 2002; Хакимов Р. Где наша Мекка? (Манифест евроислама). Казань, 2003 и др.

В поисках идейных истоков «евроислама» Хакимов Р.С. обращается к историческому экскурсу. В 2010 г. Хакимовым была выпущена монография «Джадидизм (реформированный ислам)»²⁷², где он поясняет: под «евроисламом» следует понимать современную форму джадидизма – неодадидизм, который в большей мере отражает культурологический аспект ислама, нежели его ритуальную часть, оставляя последнее на усмотрение самого человека. Отправной точкой «евроислама» (как и джадидизма) представляется иджтихад²⁷³ (выражение критичного мышления) как метод современного толкования Корана, как гарантия неуклонного прогресса мусульманской культуры. Однако концепция «евроислама» вызывает серьезную озабоченность в мусульманской умме, прежде всего, в среде улемов, которые не без основания считают, что ислам низводится до уровня культурной традиции (оболочки), фактора и резерва национальной идентичности. Критики «евроислама» опасаются, что реформирование ислама затронет его каноническую основу.

Безусловно, изучение традиций джадидизма (программы по вопросам общественно-политического реформирования российского государства) также сыграло немаловажную роль в становлении Хакимова Р.С. как видного теоретика (и практика²⁷⁴) в области становления и развития российского федерализма²⁷⁵.

²⁷² См.: Хакимов Р. Джадидизм (реформированный ислам). Казань, 2010.

²⁷³ Иджтихад – право мусульманского правоведа (факиха) выносить решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и сунны, руководствуясь иджмой (согласным мнением авторитетов общины) и методом кияс (суждением по аналогии).

²⁷⁴ Был участником переговоров между официальными делегациями России и Татарстана в ходе подготовки и заключения Договора Республики Татарстан и Российской Федерации «О взаимном делегировании предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 15.02.1994 г.; был участником Конституционного Совещания по разработке проекта Конституции РФ, членом Государственной комиссии по урегулированию конфликта в Чечне и т.д.

²⁷⁵ См.: Хакимов Р.С. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. Казань, 2009.

Близкие, но не столь радикальные позиции занимает историк Хабутдинов А.Ю. (профессор Казанского филиала Российской Академии Правосудия)²⁷⁶, специалист по истории ислама и мусульманских институтов в России. Однако, джадидизм в его представлении «является преимущественно светским движением», направленным «на создание нации европейского типа»²⁷⁷. Очевидно, что центр тяжести рецепции джадидизма в данном случае переносится в сторону этнической составляющей²⁷⁸. При этом роль конфессиональной принадлежности в вопросах национальной идентичности для него несомненна²⁷⁹. Не случайно, обращаясь к джадидским традициям, он подчёркивает, что в их воззрениях «именно государственность и религия, а не идея этнических корней образует единство татар»²⁸⁰. Показательно то, что среди шестнадцати «лидеров нации», предложенных Хабутдиновым (с конца XVIII – до конца 50-х гг. XX вв.), шестеро представляют когорту религиозных реформаторов.

На мой взгляд, здесь более предпочтительно занимать умеренно-центристскую позицию²⁸¹. Государственная ответственность председателя Совета по делам религий при Кабинете министров РТ (1997-2007) накладывала определённый отпечаток сдержанности в моем отношении к модернистским концепциям джадидского прошлого. Вместе с тем определенная осторожность в высказываниях никогда

²⁷⁶ А также: главный редактор журнала «Pax Islamica», зам. главного редактора Издательского дома «Медина», серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации», член редсовета газеты «Ислам минба-ре» – официального печатного органа ДУМЕР и т.д.

²⁷⁷ Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. Казань, 2003. С. 8–9.

²⁷⁸ См.: Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань, 2000.

²⁷⁹ См.: Хабутдинов А.Ю. Миллет Оренбургского Духовного Собрания в конце XVIII – начале XX веков. Казань, 2000 и др.

²⁸⁰ Хабутдинов А.Ю. Фаизхани и концепции мусульманской государственности у татарских историков XIX – начала XX веков // Фаизхановские чтения: материалы четвёртой научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». Н. Новгород, 2008. С. 20.

²⁸¹ А также: редактор научной серии «Культура, религия и общество», проф. РИУ.

не меняла сущностные оценки в моем понимании. В джадидизме мы видим, прежде всего, стремление мусульманских реформаторов к раскрепощению интеллектуальной мысли, широте восприятия достижений мировой цивилизации, толерантному отношению к другим религиям²⁸². Естественно, что в фокусе нашего внимания были проблемы государственно-конфессиональных отношений и межконфессионального диалога на территории Татарстана и России²⁸³.

Перед нами кроме научно-теоретического осмысления религиозных процессов встали не только задачи содействия организационному структурированию мусульманского духовенства, налаживания государственно-конфессиональных отношений и межконфессионального диалога, но и конкретный вопрос возрождения мусульманского религиозного образования. Здесь проявилась согласованная (в целом) рецепция джадидских традиций политиков, академических учёных и религиозных деятелей. Показательно в этом отношении выступление муфтия ДУМ РТ Г. Исхакова на Втором очередном съезде мусульман Татарстана (2002), где была выражена идея необходимости возрождения и обновления традиций джадидских медресе как соответствовавших требованиям времени, дававших высшее мусульманское образование и воспитывавших шакирдов «в лучших традициях своего народа».

Вместе с тем, с моей точки зрения, идеи евроислама имеют право на существование, поскольку Европа сейчас вынуждена по-новому осваивать ислам ввиду серьезного влияния все возрастающего количества мусульман на просторах колыбели христианства. Здесь главное – найти источники

²⁸² Набиев Р.А., Гафаров А.А. Проблемы религиозной толерантности в трудах мусульманских модернистов во второй половине XIX – начале XX в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 120–130; Набиев Р.А., Гафаров А.А. Тенденции развития правовой культуры российских мусульман (XIX – начало XX вв.) // Право и государство: теория практика. 2012. № 10. С. 46–51 и др.

²⁸³ См.: Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань, 2002; Набиев Р.А., Гафаров А.А., Циунчук Р.А. Российские мусульмане в этноконфессиональных процессах XIX–XXI вв. Казань, 2010 и др.

и опоры толерантности, лояльности к существующей политической системе и культурным традициям. Поэтому поиски будут продолжаться, и они могут вместить разные, в том числе полярные взгляды. Мы еще достаточно далёки от «евроисламских» проектов, предусматривающих вмешательство в канонические вопросы (которые, безусловно, обладают своей «экстерриториальностью»), и, главное, с теологической точки зрения эти поиски пока еще не нашли глубоких проработок, они ждут своих авторов. Вышесказанное объясняет наше терпимое отношение к традиционализму, в том смысле, что традиции, наработанные нашими предками, в том числе джадидами. Традиция – основа всякой мировой религии, а модернизм и «возрожденчество» - два крыла, которые способствуют её развитию. В условиях перемен и ломки устоев, возможно, традиции также нуждаются защите общества и требуют не меньших усилий для их сохранения, чем те усилия, которые прилагаются к продвижению реформ²⁸⁴. В ответе на запрос Премьер-министра РТ Р.Н. Минниханову по вопросам, поставленным муфтием, ректором РИУ, мною излагалось следующее: «Будущее мирное развитие ислама, да и самих татар в России зависит от правильного распоряжения своим наследством. Джадидизм, евроислам, неодаждидизм – это не религиозные течения или секты. Джадидизм на рубеже XIX—XX веков и евроислам в наши дни обеспечивают лояльность существующим политическим режимам и государственным законам российских мусульман вообще и мусульман РТ в частности. Однако если джадидизм получил догматическое обоснование от великих богословов муфтиев ЦДУМ Г. Баруди и Р. Фахретдина, то «евроислам», не имея такого догматического обоснования, носит характер не «ереси», а интерпретации ислама, адаптированного к Европе. Это есть право иджтихада и терпимости вообще»²⁸⁵.

²⁸⁴ См.: Набиев Р.А., Гафаров А.А. Связи с исламским миром как фактор укрепления единства и традиций российских мусульман (XIX – начало XX вв.) // Учен. зап. Казан. ун-та Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154, кн. 3. С. 36–47.

²⁸⁵ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. № 32 от 1 февраля 2006 г.

Поставленные задачи возрождения мусульманского образования подвигли академических учёных (Мухаметшин Р.М., Шагавиев Д.А., Набиев Р.А и др.) к активному участию в данном процессе (вследствие недостаточности квалифицированных преподавателей в высших религиозных учреждениях, а также активной экспансии выходцев из зарубежных мусульманских учебных центров). Джадидский опыт реформирования мусульманской школы, создания новометодных медресе стал важной теоретической предпосылкой постановки современного мусульманского образования. Однако двойственность их положения предопределила дифференцированный подход к джадидскому наследию в целом: от полного принятия светских реформ (возможность которых обосновал ещё Ш. Марджани, М. Абдо, М. Бигиев и др.), осторожных высказываний в отношении религиозных реформ до защиты «традиционных ценностей»²⁸⁶.

В ещё большей степени это относится к преподавателям, имеющим духовное звание. Так, научные интересы Батрова Р.Г. (Рустам-хазрат) проректора РИУ, с 2013 года первый заместитель муфтия республики²⁸⁷ (как и некогда большинства джадидов) обращены к золотому веку мусульманского ренессанса. Его поиски суфийских истоков учения Абу-Ханифы вполне понятны²⁸⁸ (учитывая его причастность к тарикату накшбандийа), так же как и то, что ат-тасаввуф играл важнейшую (если не определяющую) роль в джадид-

²⁸⁶ См.: Мухаметшин Р.М. роль образования в сохранении и развитии традиционных ценностей российских мусульман // Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 13–14 октября 2011 г. / Серия «Культура, религия и общество». Вып. 21. Под общей ред. Р.А. Набиева. Казань, 2012. С. 27–33; а также издание Института истории АН РТ и РИУ: Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001 и др.

²⁸⁷ А также: председатель Совета улемов ДУМ РТ, член Президиума Духовного управления мусульман РТ, ведущий программы «Актуальный ислам» на спутниковом телеканале «Новый век» и т.д.

²⁸⁸ Батров Р.Г. Абу-Ханифа и проблемы раннего суфизма // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. Т. 152, кн. 1. С. 41–49.

ском движении²⁸⁹ (так и в настоящее время). Вместе с тем его общественные взгляды связаны в большей степени с защитой приверженности мусульман Татарстана с положениям ханафитского мазхаба²⁹⁰ (от посягательств ваххабитов). Батров строго разделяет понятия «исламского» и «мусульманского»: «исламское – это то, что делается полностью по канонам Ислама, это религиозный идеал, а мусульманское – это то, что отражает реальную жизнь мусульман со всеми ее нюансами и особенностями»²⁹¹. Данный подход открывает возможность для неканонических проявлений в жизни мусульман (см. его же о традиционном исламе: Дин ва мэгыйшэт. 2013. 18 ноябрь).

При этом позиция Рустам-хазрата достаточно противоречива. Отождествляя джадидизм с ваххабитами, он в статье «Театр Камала vs. джадидизм» утверждает: «И вердикт, который вынесли ему авторы, справедлив и точен как никогда: именно джадидизм проторил в татарском обществе путь к повальному безбожию», «фактически авторы поставили знак равенства между джадидизмом и ваххабизмом. И хотя многих подобные параллели могут шокировать своей неожиданностью, по своей сути они также предельно верны»²⁹². За это его вполне справедливо критикует историк Хабутдинов А.Ю. «Нынешнее руководство ДУМ РТ (в своей подчёркнутой «независимости» от Совета муфтиев России) весьма негативно характеризует... джадидов», – пишет он, – «Действительно, джадиды = ваххабиты = безбожники. Это несколько странное уравнение...»²⁹³.

²⁸⁹ Шагавиев Д. Предисловие // Марджани Ш. Зрелая мудрость... – С. 65, 67–68, 70, 74–75; Гафаров А.А. Суфийские компоненты мусульманского религиозно-реформаторского движения в России (XIX – начало XX вв.) // Минбар. 2012. № 1(8). С. 10–19.

²⁹⁰ См.: Батров Р.Г. Абу Ханифа: жизнь и наследие. Н. Новгород, 2007. Батров Р. Вместо реформы. Сб. статей. Н. Новгород, Ярославль, 2007 и др.

²⁹¹ Рустам Батров: «Этот кинофестиваль не исламского кино, а мусульманского» // Info-Islam. 2012. 6 июня. http://www.info-islam.ru/publ/intervju/rustam_batrov_ehtot_kinofestival_ne_islamskogo_kino_a_musulmanskogo/4-1-0-14866

²⁹² Батров Р. Театр Камала vs. джадидизм // Исламский портал. 11.12.2011. <http://islam-portal.ru/communication/blog/Batrov/138.php>

²⁹³ Хабутдинов А. Несколько дней Татарстана в январе 2012... // Islam.RF.ru. Информационно-аналитический портал. 13.01.2012. <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusmonitoring/19872>

Однако в целом отечественные улемы разделяют основные принципы джадидизма, декларирующие необходимость большой открытости мусульман в восприятии достижений мировой культуры и важность рационального и научного мировосприятия в обществе. Председатель Совета муфтиев России (СМР) и ДУМ Европейской части России Р. Гайнутдин на III Всероссийском мусульманском форуме (2007) по этому вопросу высказал общее мнение: «Среди наших предков также были великие учёные в разных отраслях знания, не только богословы, просветители, но и выдающиеся деятели культуры, политики, но впоследствии под исламской наукой стали понимать лишь выхолощенное богословие, которое, к тому же, столетиями не развивалось»²⁹⁴.

Совершенствование системы мусульманского образования связано с деятельностью Якупова В.М. (Валиулла-хазрат) начальника отдела образования ДУМ РТ (2011–2012), видного мусульманского богослова, общественного и религиозного деятеля²⁹⁵. В 2000-е гг. Валиулла-хазрат неоднократно обращался к анализу направлений татарской религиозной мысли (джадидизм и кадимизм) начала прошлого века. В своём выступлении на конференции «Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве» (Ка-

²⁹⁴ Укрепление единства России: Ислам не может остаться в стороне // Медина. 2007. № 18 (42). С. 4. Аналогичную позицию выразил д-р Мухатхир Мухаммад (премьер-министр Малайзии) на сессии глав государств и правительств Организации Исламская конференция в Куала-Лумпуре (2003): «Нам предписано стремиться к знанию. Ранние мусульмане поняли это правильно и принялись штудировать древних греков, дополняя их учения собственными открытиями. В результате они дали миру великих математиков, физиков и астрономов, превзойдя остальные народы своего времени по знаниям... В то время, пока европейцы ещё оставались отсталыми, просвещённые мусульмане уже построили свою великую цивилизацию, уважаемую и могущественную, которая была более чем способна соревноваться с остальным миром и защищать мусульманский народ от внешней агрессии. Но потом пришли новые интерпретаторы Ислама, которые принялись понимать под наукой лишь исламскую теологию. Всё остальное отвергалось. И начался регресс». См.: там же.

²⁹⁵ Так же: канд. ист. наук, науч. сотрудник Центра исламоведческих исследований АН РТ, глав. редактор журналов «Мусульманский мир», «Иман нуры» и др. изданий до трагической кончины в 2012 г.

заны, 1–2 апреля 2004 г.) он дал высокую оценку джадидизму, подчеркнув, что четыре муфтия Г. Баруди, Р. Фахретдин, Г. Расули, Ш. Хиялетдинов, поочередно возглавлявшие ЦДУМ-ДУМЕС в 1917–974 г. были джадидами. При этом он констатировал, что «линия джадидизма полностью победила. Джадидский ислам сложился... Татары ныне придерживаются реформированного нашими предками ислама, то есть его джадидского варианта».

Валиулла-хазрат неоднократно подчёркивал «живую традицию» (эстафету) джадидизма: «Живое наследие джадидизма, не пресекаясь, реально бытует в среде сегодняшнего официального духовенства». Например, ученик джадида Габделхака Садыкова - главный казый Татарстана (1998-2006)²⁹⁶ Габделхак-хазрат Саматов «в своих «Хукмах главного казыя» (вероустановительные решения главного шариатского судьи) воплощает тот путь взвешенности и срединности, свойственный нашим предыдущим джадидским учёным теологам». «Поэтому нелепы и, по сути, оскорбительны представления о выморочности джадидизма и необходимости предъявления претензий на него. Всё это происходит, видимо, от незнания трагичной истории собственного народа и нежелания её знать»²⁹⁷.

Вместе с тем борясь за традиционный (для нашего региона) ислам Якупов В.М. (как Батров Р.Г. и др.) подчас смешивал реформаторов джадидского и салафитского толка («Ханафитский мазхаб, его значение и актуальность», 2004)²⁹⁸. В работе «Лжеджадидизм» (2006) он пояснил свою позицию: «наибольшую угрозу для Ислама представляют два взаимосвязанных течения: ваххабизм и лжеджадидизм, обе эти группировки являются типологически схожими, так как ратуют за реформирование Ислама, нетерпимы к традиционным то-

²⁹⁶ С 2006 г. являлся почетным Казыем Татарстана. Умер в 2009 г.

²⁹⁷ Якупов В. Эстафета джадидизма. Габделхак хазрат Садыков // Вера. 2005. № 12.

²⁹⁸ Якупов В.М. Ханафитский мазхаб, его значение и актуальность. Казань, 2004. Цит. по: <http://www.imancentre.ru/hanafia.htm>

лерантным мазхабам, а также допускают грубые искажения исламской акыды. Ваххабиты заменяют единобожие языческим антропоморфизмом и реанимируют языческое поклонение Небу, которое, по их мнению, больше Бога. Лжеджадиды же вообще отвергают шариат, именуя его средневековым пережитком». Резюме же его однозначно: «Традиция подлинного джадидизма жива»²⁹⁹.

Таким образом (на гранях проблем рецепции идей джадидизма) наметилась дискуссия между Р. Хакимовым и В. Якуповым о возможностях, условиях и пределах реформирования ислама. Книгам Хакимова «Кто ты татарин?» (2002), «Где наша Мекка? (Манифест Евроислама)» (2003) Якупов противопоставил работы «Татарское «богоискательство» и пророческий Ислам» (2003), «Мера Ислама. (К проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин)» (2004)³⁰⁰. Не отрицая полностью значимость «евроислама» для мусульман, живущих в условиях, осложнённых для выполнения обязанностей правоверных, Валиулла-хазрат по-своему принципиален и достаточно категоричен: «как бы не старались либералы в Европе и местные реформаторы, грех не перестанет быть грехом. Мусульмане, конечно, приветствуют и с удовольствием используют все достижения науки и технологии, но никогда не откажутся творить пятикратный намаз, неважно, где они будут находиться...»³⁰¹

В ходе развернувшейся дискуссии выявился широкий спектр позиций. С начала 2011 г. Совет муфтиев России взял курс на решительную модернизацию. Помимо кадровых назначений и создания новых структур, данная модернизация выразилась также в поиске новой идеологии, в качестве которой был выбран дореволюционный джадидизм. Во всяком

²⁹⁹ Якупов В. Лжеджадидизм // Мусульманский мир. 2006. август. С. 2–3. Цит. по: <http://www.muslims-volga.ru/?id=865>

³⁰⁰ См.: Якупов В. Татарское «богоискательство» и пророческий Ислам. Казань, 2003; Якупов В. Мера Ислама. (К проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). Казань, 2004.

³⁰¹ Якупов В. Лжеджадидизм... С. 34.

случае, именно это течение в последнее время часто ставил в пример главный идеолог Совета муфтиев Д. Мухетдинов. Он выразился следующим образом: «Все-таки не думаю, что из-за нескольких миллиметров отклонения молитвы мусульман и уважаемого муфтия шейха Равиля Гайнутдина не будут приняты Всевышним Аллахом». Однако, переход на джадидский вектор развития (а также снос здания Московской соборной мечети), по мнению ряда «антигайнутдиновских» экспертов, уже стоил Совету муфтиев серьезных потерь. За последнее время эта организация потеряла все общины Татарстана, муфтият которого заявил о своей независимости, все общины в Оренбургской области и половину общин в Пензенской. Также от Р. Гайнутдина со своими общинами отошли его бывшие муфтии Центрального и Южного федеральных округов (А. Садриев и М. Алимов) и некоторые другие. В этих идейных спорах не так часто и прямо слышится голос харизматического лидера мусульман, руководителя ЦДУМР (правопреемника ОМДС) Талгата Таджутдина, хотя его традиционалистско-либеральные взгляды, получившее отражение в средствах массовой информации, и действия говорят сами за себя.

Интересным представляется содержание ряда выступлений и высказываний Н.М. Мириханова³⁰² по вопросам места и роли татар и ислама в федеративном российском государстве. Лейтмотив его работ отражает проблемы демократического федеративного устройства России, вопросы сохранения и развития культур и религий многонациональных российских народов. В рамках этой общей проблемы автор высказал свои суждения относительно консолидации и самоопределения татарского этноса. Актуализация этого вопроса была вызвана предстоящей Всероссийской переписью населения и проведением Всемирного конгресса татар. Его

³⁰² Иман (г. Вологда) 2002, (№ 3–4, апрель) и др.(В период его работы Полномочным представителем Татарстана в РФ); См.: также Мириханов Назиф Музагиданович. Реформирование федеративных отношений в России (Тенденции нового десятилетия): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003. 463 с.

смелые суждения вызвали ряд критических оценок, что вызвало у Президента РТ необходимость подготовки Советом по делам религий при КМ РТ заключения с научно-академической и политической точек зрения³⁰³. В целом был отмечен корректный характер его научной и политической позиции и с участием научной группы «Культура, религия и общество» был подготовлен ответ, в котором подчеркивались нижеперечисленные моменты.

В основу идеологии самосохранения и консолидации татарского народа автор предлагает заложить идею тюркизма, а ее ядром, по его мнению, должен стать тюрко-ислам. Идея тюркизма, предложенная еще в конце XIX – начале XX вв., имеет реальную основу. Реализация идеи консолидации татарского этноса в рамках тюркизма недостаточна лишь с привязкой к этно-экологической программе сохранения народов России. Во-первых, в отличие от проекта «Большой Татарстан» в предложениях автора не обозначено, какой народ является лидирующим в идее консолидации тюркских народов; во-вторых, отсутствует конструкция учета интересов сохранения и развития единой многонациональной России.

Российская Федерация является собирательницей и тюркских народов на евразийском пространстве. На этой площадке всесторонний баланс интересов русского этноса, исповедующего православие, и тюркоисламского населения является, на наш взгляд, важной задачей. Несомненно, ислам является важным фактором консолидации и сохранения татарского этноса. Приоритет религии над языком в данном вопросе объясняется не теоретическими, а практически задачами в исторически сложившихся обстоятельствах. Вместе с тем, будущее народов, исповедующих ислам, связано с сохранением и развитием традиционного для России ислама с использованием джадидских традиций. В конструкции общей идеи тюркизма не просматривается место консолидации тюрко-христиан на российском пространстве.

³⁰³ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх.№ 218 от 19.08.2002 г.

Уместным представлялось суждение Н.М. Мириханова «относительно создания новой ветви мусульманства «рашн-муслим» и «евроислам», с более лояльными требованиями к верующим, что вызывает непонимание со стороны мусульман, поскольку обновление, в т.ч. джадидизм, предусматривает поворот к общественно-экономическим изменениям без изменения канонов ислама»³⁰⁴.

Складывается впечатление, что на ход дискуссии оказывает сильное влияние политическая борьба (выходящая за рамки мусульманской конфессии и богословских вопросов), в ходе которой возможна жертва позитивного наследия джадидизма. В академических и научно-общественных кругах имеет место спекулятивный подход при оценке исторической дихотомии джадидизма и кадимизма, что нередко приводит к потере взвешенной оценки джадидизма со стороны идейных сторонников разных направлений. В настоящее время в ряде публикаций московских авторов (научных и популярных) дореволюционный джадидизм представляется как крайне вредное, антигосударственное, деструктивное течение (в лучших традициях историографии 30–40-х гг.). Таким образом, противники Совета муфтиев России (не без поддержки определённых политических кругов), обыгрывая в настоящем эпизод со сносом здания Московской соборной мечети, пытаются дезавуировать современное неоджадидское движение.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что современный неоджадидизм – сложное, идейно неоднородное явление современной уммы России. Под знаменем джадидизма обнаруживается широкий спектр тенденций: от крайнего модернизма («евроислама») до умеренных и даже консервативных течений. На характер рецепции наследия джадидизма накладывает безусловный отпечаток острая политическая борьба в руководстве уммы России. Остроту идейной дискуссии придаёт жёсткий фон противостояния на-

³⁰⁴ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх.№ 218 от 19.08.2002 г.

тиску ваххабизма. Соответственно, дискуссия порой опускается до попыток ревизии исторического наследия джадидизма, доходящих до грубых фальсификаций реальной истории (отождествления джадидизма с ваххабизмом или с коммунизмом). Общеизвестно, что борьба джадидов с ваисизмом (и другими формами фундаментализма), начиная с Ш. Марджани, проходит красной нитью через весь этап обновления мусульманского общества в России (второй половины XIX – начала XX вв.). Вместе с тем, несмотря на все конъюнктурные зигзаги идеологической, политической борьбы в целом в современной умме доминирует взвешенный подход к историческому наследию джадидизма, направленный на сохранение лучших позитивных традиций прошлого, нацеленных на восприятие достижений мировой культуры при безусловном сохранении традиционных духовных ценностей исламской цивилизации.

Глава IV

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

1. Ислам и христианство как основные субъекты в государственно- межконфессиональном диалоге

В конфессиональной сфере и межрелигиозных отношениях крупные конфессии республики: ислам и православие выступают в качестве главных субъектов устойчивого развития общества. Традиционные религии в условиях отсутствия их политизации по своей сути всегда проявляют терпимое отношение к чужим религиозным традициям. Например, в идейно-нравственном наследии ислама и современной объективной мысли центральным местом является обоснование таких начал, как умеренность, компромисс, стабильность, консенсус, лояльность к властям, постепенность, совещательность, избежание вреда, но только не радикализм³⁰⁵. Формирование толерантных отношений не только между этими конфессиями, но и представителями других традиционных религии: иудеями, католиками, лютеранами, а также другими законно действующими религиозными структурами, является основой межконфессионального диалога.

Пестрая конфессиональная картина сегодняшнего дня республики (например, к концу 2013 года) представлена 1642 религиозными общинами, прошедшими государственную регистрацию (на 30 сентября 2013 года), большинство составляют следующие общины: ислам – 1237 и православие – 307. Кроме того: Евангельские христиане – 26; Христиане веры евангельской – пятидесятники – 17; Адвентисты седьмого дня – 10; Лютеране – 5; Свидетели Иеговы – 5; Старообрядцы – 6; Евангельские христиане – баптисты – 6; Иудаизм – 3; Истинно-православная церковь – 2; Римско-ка-

³⁰⁵ См.: Ибрагим Тауфик. На пути коранической толерантности. Н. Новгород, 2004; Сюкияйнен Л.Р. и др.

толическая церковь – 2; Сознание Кришны – 2; Буддизм – 1; Вера Бахаи – 1; Новоапостольская церковь – 1; Реформатская церковь – 1; Христиане веры евангельской – 6; Церковь Иисуса Христа святых последних дне (мармоны) – 1; Церковь последнего завета – 1; Армянская апостольская церковь – 1; Иные вероисповедания -1.

В обеспечение толерантности и межконфессионального согласия многие исследователи указывают на необходимость полагаться на ресурсы социума, а не на исключительно государственные институты³⁰⁶. В этом отношении интересны суждения ряда авторов: «...в государственной конфессиональной политике делается ставка на рецепцию не только традиционных религиозных доктрин, но и – обрядности, а это делает «веру в её традиционном христианском понимании если и не невозможной, то, как минимум, крайне затруднительной – её принятие требует от человека огромных усилий»³⁰⁷, – по большей части избыточных. Пространство постсекулярного формируется не принудительным возвращением малопонятных ритуальных процедур, но утверждением новой социальной культуры, интегрирующей философию и теологию как «соотношение одной рациональности, одного разума с другим»³⁰⁸. И роль государства в утверждении новых параметров постсекулярного социального консенсуса не может быть решающей»³⁰⁹. В условиях сложной постсекулярной онтологической модели, возникшей в первую очередь из кризиса рационализма, процесс складывания комплиментарных взаимоотношений среди ведущих и других конфессий происходил, опираясь в первую очередь

³⁰⁶ Люкшин Д.И. Роль конфессионального фактора в развитии политической системы современной России / Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы Международной научной конференции. Казань, 23–24 мая 2013 г. / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 141–147.

³⁰⁷ Узланер Д. Введение в постсекулярную философию// Логос. 2001. № 3. С. 19.

³⁰⁸ Там же. С.10.

³⁰⁹ Цитата по.: Люкшин Д.И. Указ. соч. С. 146.

на традиции и коллективную историческую память народов Волго-Уралья, где соприкасаются исламская и христианская цивилизации.

Вопрос о культуре и цивилизации активно рассматривается исследователями. По мнению Н.И. Киященко, культура справедлива по отношению к каждому человеку независимо от его социального положения, цивилизация пока не приближается к утверждению принципа справедливости.³¹⁰ В этой связи высказывание Н. Бердяева проясняет, что «культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое, цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся»³¹¹. Войны и всякого рода насильственные захваты - явление не культуры, а цивилизации, при которой рождаются властные, политические отношения, эксплуатации человека человеком, неравенства этносов, социальных образования.³¹²

Сегодня понятия «свои» и «чужие» оказались спрессованными в глобальных информационных и финансовых потоках, перманентно выставляя проблемы взаимовосприятия на уровне ментальности, геополитических и мировоззренческо-культурологических измерений. Как отмечает А.А. Галкин, Ю. А. Красин, вопрос ставится уже не просто о том, как жить вместе, а о том, как жить вместе, не утрачивая идентичности различий. Иными словами, культуре толерантности приходится иметь дело с «вызовом плюрализма»³¹³, и следует согласиться с мыслью, что «лишь взаимодействие различий дает осмысление общего блага и обогащает собственное видение проблемы всеми участниками этого процесса»³¹⁴

«Запад, – пишет американский профессор, – едва ли представляет собой гомогенное культурное сообщество,

³¹⁰ Киященко Н. И. Возможен ли толерантный диалог цивилизаций? / Толерантность в культуре и процесс глобализации. М.: Гуманитарий, 2010. С. 474.

³¹¹ Бердяев Н. Письмо тринадцатое. О культуре // Бердяев Н. Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990.

³¹² Киященко Н.И. Указ. соч. С. 474.

³¹³ Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации// Социс, 2003. С. 64–74.

³¹⁴ Там же. С. 65.

и эта чреватая конфликтом гетерогенность стимулируется ее глобализацией»³¹⁵. Попытки внедрять мультикультурализм и тем самым способствовать утверждению толерантности делаются на Западе, но успехов еще не так много.

В годы «холодной войны», когда политико-идеологическое противостояние было больше, межкультурные, межнациональные противоречия оказались затушеванными. В.И. Гараджа, говоря о толерантности, отмечает: «В религиозной сфере толерантность вошла в фундаментальную схему европейских ценностных различий в ходе формирования основных институтов либерального гражданского общества. В религиозной сфере она носила выражение в принципе веротерпимости, религиозной свободы и свободы совести»³¹⁶.

Толерантность шире, чем просто «формирование толерантного сознания, «это проблема формирования общества, которое обеспечивает условия гармоничного сосуществования различных культур, религиозных традиций, политический и мировоззренческий плюрализм»³¹⁷

Можно согласиться авторами, которые утверждают, что с точки зрения определения и создания предпосылок, обеспечивающих успешную модернизацию российского общества, формирование «толерантного сознания» не является самоцелью: ошибочна и ущербна для современного общества всякая установка на унифицированное поведение вообще. Известно, что общество – всегда взаимодействие многих и разных людей и групп. Главное, научиться преодолевать конфликты обеим религиозным сторонам на основе равноправия.

Тест на толерантность мы имеем, например, в отношении православия к другим религиям. Некорректным является положение в «Концепции национальной безопасности» (2000 г.) о задаче государства противодействовать «культурно-рели-

³¹⁵ См.: Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социс. 2003. С. 68.

³¹⁶ Гараджа В.И. Указ.соч. С. 9–10.

³¹⁷ Там же. С. 21.

гиозной экспансии на территорию России со стороны других государств»³¹⁸. В этом отношении интересно суждение одного из лидеров мусульман Альберта Крганова. На поставленный вопрос о том, что под маской толерантности и терпимости в Россию проникает масса деструктивных и откровенно античеловеческих идей, он отвечает, что федеральный центр с регионами должен противостоять этому, опираясь на огромный опыт совместного проживания российских народов. «А что касается толерантности, знаете, мы, Комиссия по толерантности и свободе совести Общественной палаты РФ, даже проголосовали за то, чтобы убрать слово «толерантность» из названия и вернуть нам прежнее: «Комиссия по межнациональным отношениям и свободе совести»³¹⁹.

Имеются основания для соглашения с озабоченностью ряда ученых и политиков относительно того, что «традиционные религии», зафиксированные в преамбуле федерального закона о свободе совести, не развивают религиозную культуру, хотя это лишь констатирует историческую реальность, напоминая о значимых для современной политической практики акцентах.

В частности, Н.Н. Федотова отмечает, что «Проблема толерантности вырастает из попыток мирными средствами разрешить культурные, этнические и другие конфликты и противоречия, смягчить ситуацию кризиса идентичности для отдельного человека, социальных групп или общества в целом».³²⁰ Встречается желание «...подменить идентичность посредством толерантности создать идентичность посредством толерантности. Толерантность – это лишь инструмент адаптации в условиях смены или кризиса идентичности, способ приспособления к новой социальной среде».³²¹ И верно то, что «только люди и народы, знающие кто они

³¹⁸ Гараджа В.И. Указ.соч. С. 31

³¹⁹ Иман. 2012. Апрель.

³²⁰ Федотова Н.Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Философские науки. 2004, № 4. С. 5.

³²¹ Там же. С. 19.

такие, способны быть толерантными по отношению к другим». К тому же идентичность имеет свою сакральную сферу, удачное определение дано ей Э. Эриксоном: «субъективное ощущение своей самотождественности, которое является источником энергии и преемственности»³²².

Формирование не только толерантного сознания, но и толерантных отношений в обществе в целом сталкивается с социальными стереотипами. Они могут быть в разных социальных слоях сильными или нечетко выраженными. Обычно под ним понимают упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Нередко при определении социального стереотипа подчеркивают его целостность, ярко выраженную оценочную и ценностную окраску, наполненность его каким-нибудь элементом и т.п. В других случаях подчеркивают устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Также имеются способности (консервативность, устойчивость) успешно сопротивляться любой информации, направленной на его изменение. Общим местом в определениях социального стереотипа является также признание его преимущественно негативным феноменом, препятствующим полному, адекватному взаимопониманию людей, создающим искажения в восприятии социальных явлений.

Межконфессиональный диалог выступает в качестве фактора как гармоничного, так и устойчивого развития общества. В целом вопросы толерантности и утверждения межконфессионального согласия, начиная с 2001 года, следует рассматривать под углом зрения исполнения Государственной Программы по толерантности. 25 августа 2001 года (№ 629) Правительство РФ принимает Постановление «О федеральной целевой программе «Формирование уста-

³²² Федотова Н.Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Философские науки. 2004, № 4. С. 22.

новок толерантности сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)». Целью Программы стало формирование и внедрение в социальную практику норм толерантного поведения, определяющих устойчивость поведения отдельных личностей и социальных групп в различных ситуациях социальной напряженности как основы гражданского согласия в демократическом государстве. Для реализации данной цели были поставлены задачи, определены основные направления реализации программы (научно-аналитическое; пропаганда и контрпропаганда; образовательно-методическое; нормативное, методическое и организационное).

Активизация проведения разнообразных мероприятий и целенаправленный их характер становятся заметными в общественной жизни, и отлаженная система мер находит применение и в последующие годы. Оживление в этом отношении произошло со стороны международных общественных, неправительственных организаций. В апреле 2002 года Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова, Миссия Агентства Международного развития в России (АМР США) провели крупную международную конференцию на тему «Толерантность: объединяем усилия». Участие посла США в России Александра Вершбау, вице-губернатора Московской области М.А.Меня, из Совета Федерации – А.Е. Себенцова, из Аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ – М.И.Одинцова и других, в том числе из регионов, например, председателя Совета по делам религий при КМ РТ, показало широкоформатный характер тематики встречи.

Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия в рамках программы «Гражданское общество» в 2002 году провел Всероссийский открытый конкурс проектов «Школа толерантности». Он был направлен на практическую реализацию положений Конвенции ООН о правах ребенка и Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО 1995 года. Вскоре после принятия Постановления Правительством РФ по толерантности и трагических событий в Нью-Йорке веду-

щие правозащитные организации – Московская Хельсинская группа, Институт религии и права и Аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ, – совместно с Церковью Сайентологии г. Москвы, неоднозначно воспринимаемой обществом, – провели межрелигиозную конференцию и создали неправительственный межрелигиозный совет. Установление толерантности в России явилось одной из функций совета, членом которого стал и Союз мусульман России (СМР). Генеральный секретарь СМР, Председатель комиссии по установлению толерантности в России указанного совета А.Х.Халитов обратился в апреле 2002 года (исх. № 100/5) с благодарственным письмом к М.Ш.Шаймиеву за подготовленные кадров активистов-патриотов, такие, как Р.Р. Халиков из Набережных Челнов.

При разрешении конфликтных ситуации важными являются встречные движения сторон, выражение взаимной политкорректности и терпеливое отношение и действия властных структур. Ситуация, сложившаяся вокруг строительства церкви в проспекте Сююмбике г. Набережные Челны, когда группа женщин своими противоправными действиями попыталась создать препятствия для строительства храма, получила большой резонанс. Хотя все это носило не чисто межрелигиозный характер, а явилось лишь результатом несбалансированного решения социально-культурных вопросов в городе, Патриарх Алексей II обратился с письмом Президенту Республики Татарстан (Исх. № 5588 от 9 сентября 2002 года). В г. Набережные Челны в ходе консультативных встреч сторон, организованных Советом по делам религий по поручению Президента РТ, вопрос вскоре был отрегулирован. Анализ ситуации с точки зрения сохранения и развития исторических традиций, базируясь, прежде всего, на ресурсах толерантности социума при организационной поддержке государственных структур, был дан в периодической печати³²³.

³²³ См.: Набиев Р.А. Веротерпимость – норма жизни // Республика Татарстан. 2002. 14 декабря.

В этом контексте следует рассмотреть еще один интересный пример во взаимоотношениях двух крупных конфессий в республике. Крест, венчающий маковку Благовещенского собора Казанского Кремля, имел элемент в форме полу-месяца или чаши. Представители национального движения в этом увидели символ поверженного ислама и настойчиво пытались использовать для обострения ситуации, хотя по исторической версии этот факт не имел прямого отношения к исламу. В данной ситуации архиепископ Казанский и Татарстанский Анастасий нашел очень корректный ход, который устраивал все стороны конфликта. Поскольку этот элемент не носил принципиального характера в символе креста, во время ремонта собора, в канун 1000-летия Казани, этот вызывающий споры элемент просто был снят.

Существенная разница в количестве мечетей и церквей в Татарстане стала предметом споров и необоснованных упреков в предпочтениях со стороны государства по отношению к одной из конфессии в республике. Речь идет о быстром количественном росте мечетей, которых к началу 2000-х гг. стало в несколько раз больше, чем православных храмов, причем из года в год такая разница не уменьшалась. Под влиянием спекулятивных суждений в СМИ и желания ликвидировать основы подобных нападков на Татарстан, Президент республики предложил епархии создать такие проекты церкви, которые в архитектурном смысле и по своим размерам были бы подъемны для небольших общин, что предполагало возможность увеличения количества построенных православных культовых зданий. Хотя такие варианты появились, и был построен ряд небольших церквей и часовен, но такие проекты не вызвали особого интереса как у Управляющего Казанской епархии, так и у возможных спонсоров. Здесь важно было иметь в виду теолого-каноническую составляющую места и роли церкви в символах христианской веры. Она в догматической традиции православия является мистическим телом Христа, его домом, и спасение может быть осуществлено только лишь через церковь. Отсюда она

и приобретает такое возвышенное восприятие ее верующими и соответствующую ему изысканность. А у мечетей, как культовых сооружений, имеются свои особенности, зависящие от смыслового содержания их использования. Тем не менее, язык архитектуры мечетей, в отличие от православного культового строительства, претерпевает заметные изменения по части разных форм, например, куполов, разных элементов украшений, при этом сохраняя татарские главные культовые архитектурные традиции³²⁴.

По этому вопросу научно-исследовательская группа, реализующая проект «Культура, религия и общество» при Совете по делам религий при КМ ТР, выработала обоснованное и внятное объяснение, которое получило отражение в средствах массовой информации и в выступлениях политического руководства республики. В заключении, подготовленном при участии Р. Набиева, В. Бухарева, А. Хабутдинова, И. Корнилова и др., этот вопрос был рассмотрен в трех плоскостях. Во-первых, значимость и теолого-каноническая специфика культовых зданий в исламе и православии; во-вторых, особенность организации религиозной жизни и социокультурные традиции; в-третьих, особенность социально-географического размещения народов и его изменения в процессе грандиозного промышленного строительства и урбанизации. Таким образом, было снято основание для спекуляции и попыток эскалации выдуманного конфликта на почве будто бы нарушения баланса в межрелигиозных отношениях.

Полноценный межконфессиональный диалог и его эффективность обеспечивается при условии расширения субъектов-участников встреч для взаимного общения: между обществом и властью, между представителями разных религии как по вертикали (лидерами и структурами), так и по горизонтали (рядовыми верующими). Реальная практика постсоветского периода на рубеже двух веков показала продуктивность работы Совета по взаимодействию с рели-

³²⁴ См.: Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Вып. 12. Казань: Магариф, 2004. С. 210–238.

гиозными объединениями при госоргане по делам религии правительства Татарстана. В инструментарии межрелигиозного диалога появились новые форматы общения со специфичной тематикой: разного уровня конференции с участием заинтересованных сторон, семинары, «круглые столы», издательская деятельность. Научно-исследовательский цикл «Культура, религия и общество», посвященный изучению межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений, находящийся более 10-ти лет в рамках Совета по делам религии при КМ РТ, обосновывает инструментарий прямого действия в процессе межконфессионального диалога, в содержании которого главным является не обсуждение различий в богословии, а общественно значимые и социокультурные вопросы.

В этом плане интересным был процесс обоснования проведения праздничных мероприятий по случаю 1400-летия начала распространения ислама на современной территории России. Желание активизировать этот процесс усиливается в связи с подготовкой к празднованию 2000-летия христианства, поскольку эти мероприятия воспринимаются как своеобразный баланс интересов двух традиционных религий. Во всех обращениях и научных обоснованиях речь шла, прежде всего, не о дате официального принятия ислама, а о начале его распространения на современной территории России, что расширяло возможность аргументации разных подходов и суждений о первых контактах с исламским вероучением. Поэтому это делало затруднительным достижение общего мнения авторитетных ученых. В ответе на запрос (173-543 от 16 августа 1999 г.) заместителя Руководителя Аппарата Правительства РФ А.П. Козлова Совет по делам религий, на основе проработки вопроса с кругом ученых, сделал заключение: «Уважая мнение той части ученых-исламоведов, которые выражают некоторые сомнения относительно времени начала распространения ислама на территории России по причине недостаточной аргументации, считаем, тем не менее, возможным провести мероприятия в связи с 1400-ле-

тием распространения ислама»³²⁵. Далее Совет отметил, что оказание государственной поддержки в подготовке и проведении данного общероссийского мероприятия будет способствовать развитию межконфессионального мира и согласия, укреплению духовных основ государственности Российской Федерации. В результате проведенной серьезной интеллектуально-организационной работы было принято Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 508 от 12.07.2000 года «О праздновании памятных исторических дат – 2000-летия христианства и 1400-летия начала распространения ислама в России»³²⁶.

Таким образом, работа научно-прикладного комплекса «Культура, религия и общество» осуществляется в трех направлениях: научное, просветительское, педагогическое, что позволило выйти на уровень работы научно-практического характера. В частности, выпуск «Векторы толерантности: религия и образование» (2006), изданный по итогам круглого стола, имел не только научно-практическое, но просветительское значение. Оно дополнялось новыми проектами, осуществленными совместно с Центром толерантности «Поволжский мир», типа «Справочник для милиционера» (2006), ставший примером для издания подобной литературы в ряде регионов; учебное пособие «Культура доверия» (Казань, 2008), кстати, получивший рекомендацию Министерства образования и науки РТ и другие.

Такие понятия, как общественное сознание, свобода совести, идентичность, толерантность и политкорректность в условиях молодой российской демократии подверглись определенному испытанию тогда, когда 22 октября 2002 года за подписью министра образования РФ во всех школах рекомендовалось ввести учебный предмет «Православная культура». Причем, предполагалось обучение с 1-го по 11-й класс, объем часов, отводимых на данный предмет, приближался

³²⁵ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. 13-09 от 14 сентября 1999 г.

³²⁶ Там же. Вх. № 08-07 2000 г.

к программе духовной семинарии. В основе этого предложения было много составляющих и имелись серьезные рычаги воздействия при его реализации. Здесь присутствовала попытка превратить религию в главную идеологическую силу воспитания подрастающего поколения, используя значимость православия для истории России, было желание интегрировать его в процесс конструирования гражданской нации, добиваться реализации преференционных запросов одной лишь религии и т. д. Общество это взволновало. Вопросов к этому проекту были немало, в первую очередь, предмет воспринимался как «Закон божий», под сомнением оказался культурологический характер данного курса и корректность его преподавания в поликонфессиональной и многонациональной стране. Поэтому в обращении депутатов Госсовета РТ к Президенту РФ В.В. Путину, Председателю Правительств М.М. Касьянову предлагалось воспитание духовной, нравственной и толерантной личности осуществлять на культурологических основах с учетом удовлетворения интересов многонационального и поликонфессионального государства.

В последующем более продуманный подход привел к необходимости проведения примерно в двух десятках субъектов федерации эксперимента по вопросам преподавания в школе истории религии и светской этики, что смогло отразить общую позицию граждан России по данному вопросу.

Период подготовки и проведения переписи населения 2002 года стал важным поводом и инструментом попыток реализации идейно-политических взглядов и стремлений определенных сил в обществе. Местным интеллектуалам и политикам пришлось противостоять идеологам, конструировавшим концепцию переписи населения по этническим и языковым составляющим. Здесь главным образом озвучивал свои позиции Институт этнологии РАН во главе с его директором В. Тишковым. Одной из болевых точек для татар стал вопрос чрезмерного дробления нации на различные народности, в том числе возник крымско-татарский вопрос. Спор глав-

ным образом развернулся вокруг следующего вопроса: кряшены – это отдельный народ, принявший православие, или все – и кряшены, и крещеные татары – есть татары, которые насильственно крещены после завоевания Казани Иваном Грозным.

В настоящее время в научных кругах мнения разделились, о чем говорит и созданный в рамках Института истории АН РТ кряшенский отдел. Сегодня эти вопросы не сходят с повестки дня, обретают новые очертания и время от времени возникает обострение, в основе которого лежат не только важные вопросы идентичности кряшен, но и глубокие этнонациональные, политико-религиозные интересы отдельных консервативно-конструктивистских сил.

Наиболее заметной фигурой в кряшенском движении в конце 1990-х годов стал А.В. Фокин, доцент кафедры политической истории КГУ. После его приглашения на работу в Аппарат Президента РТ, он довольно умело использовал свое должностное положение для постановки ряда острых вопросов общины. Его попытки политизации вопроса, превалирование в его суждениях конфессионального фактора в татарской идентичности всегда настораживали многих. Этот вопрос получил обострение после случаев поджога церковей в нескольких кряшенских деревнях в 2013 году.

Требования кряшенской общественности в 1990-е гг. неоднократно обсуждались в протокольных встречах у Президента РТ М.Ш. Шаймиева, где в одном из пунктов было обозначено оказание содействия в развитии православных общин, состоящих из кряшен и крещеных татар. В Патриархии РПЦ и православных кругах проявляли интерес к вопросам крещеных татар. В частности, Библейским обществом была издана Библия на татарском языке. Порой звучали жесткие заявления со стороны Союза православных граждан, который в октябре 2002 года требовал «прекратить в Татарстане «этноцид» православного тюркоязычного народа – кряшен (крещеных татар)»³²⁷.

³²⁷ Интернет.http://www.religio.ru/news/4549_print.html

Власти настороженно относятся к требованиям мусульман о строительстве мечетей в ряде традиционно православных центров, например, в Москве, Санкт-Петербурге, Костроме, Волгограде, Сергиев Посаде и других, поскольку в православных кругах есть силы, отрицательно относящиеся к этому вопросу. В Москве, по словам Ю.М. Лужкова, озвученным на 15-летию Исламского культурного центра России, проживает не менее двух миллионов мусульман, а в дни религиозных праздников на улице оказывается более 50 000 тысяч мусульман³²⁸. Союз православных граждан по поводу строительства мечети в Сергиевом Посаде заявил, что «строительство мечети неподалеку от Троице-Сергиевской лавры, которая является духовным центром русского православия, было бы равнозначно возведению православного собора в Мекке»³²⁹. Решение подобных вопросов требует мобилизации усилий не только власти, но и общества в целом.

Важно то, что проблема толерантности стало предметом обсуждения не только в научных кругах, но и на тех площадках, где этот вопрос является предметом изучения, приобретения навыков для каждодневного употребления в жизненной практике. Например, по инициативе Казанской духовной семинарии и Российского исламского университета был организован ряд мероприятий по развитию диалога конфессий. Одним из них стало II заседание молодежного «Круглого стола» на тему «Перспективы развития межрелигиозного диалога в РТ», проведенное на базе Института истории АН РТ 28 апреля 2011 года, где консультантом при организации мероприятий был приглашен проф. КФУ Р. Набиев, а организаторами выступили преподаватели двух учебных учреждений А. Хохлов (Духовная семинария) и М. Садыков (РИУ).

Обозначенная проблема диалога в современных условиях приобретает исключительную актуальность не только в отдельных регионах, но и в мире в целом. Человечество все чаще сталкивается с ростом глобальной ксенофобии и

³²⁸ Звезда Поволжья, 2010, 9–15 декабря.

³²⁹ Интернет.http://www.religio.ru/news/4549_print.html.

серьезных столкновений на религиозной почве. Трагические события и конфликты способны нарушить некое равновесие и гармонию в обществе, для восстановления которого затрачиваются огромные и разнообразные ресурсы. Применительно к российским реалиям этноконфессиональный фактор в общественном развитии в особенности становится важным в силу многонационального и поликонфессионального характера нашей страны. Политическое руководство страны в настоящее время озабочено сохранением стабильности, недопущения стагнации в обществе, что является подспорьем в гармонизации общественных процессов.

Значимость обеспечения спокойствия в сфере межрелигиозных отношений для общественного развития очень велика. Любая религия не только составляет важную основу духовной культуры, но и «оказывает мощнейшее влияние на политическую культуру и политическое поведение значительной части общества»³³⁰.

Межрелигиозный диалог не сводится лишь к свободному обмену мнениями. На примере межконфессиональных отношений в Татарстане мы видим, что он выходит далеко за рамки сжатого определения термина «диалог». Это особая атмосфера взаимопонимания, проявления политкорректности и т.д. Более того, надо отметить, что в 90-е годы прошлого века в Европе стали говорить о терпимости более интенсивно, а в начале нового тысячелетия заговорили о необходимости создания атмосферы взаимного уважения между конфессиями. В силу исторических и политических условий в Татарстане степень взаимного доверия прежде всего между крупными конфессиями – исламом и православием оказалась гораздо выше. Альваро Хиль-Роблес, Комиссар Совета Европы по правам человека, в докладе «О соблюдении прав человека в Российской Федерации» назвал Республику

³³⁰ Бестужев Е.Л. Современное. русское православие как полит религия/ Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий: материалы заключительного международного семинара «Религия и права человека». Казань: КГУ, 2006. С. 142

Татарстан настоящей лабораторией, «в которой все определяется духом сотрудничества и диалога»³³¹. Действительно, взаимопонимание и единство взглядов по важным вопросам, волнующим всех здравомыслящих людей, всегда совпадает. Когда произошла трагедия в Каспийске в своем совместном Обращении, подписанном 16 мая 2002 года, лидеры конфессии республики муфтий Гусман хазрат, архиепископ Анастасий и раввин Ицхак Горелик единодушно осудили чрезвычайный по жестокости террористический акт в День Победы, что «приравняло его заказчиков и исполнителей к нацистским преступникам».

Одним из основополагающих факторов развития доверительных отношений между конфессиями служит законодательная база. Конституция РФ и РТ, федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997), аналогичный республиканский закон (1999) и другие государственные акты определили правовые гарантии свободы совести, права и обязанности религиозных объединений. В республиканском варианте данного закона, как мы уже отметили выше, нашли конкретное отражение взаимоотношение ислама и православия.

Целенаправленная политическая практика в сфере государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений способна предопределить судьбу назревающих конфликтов и направить усилия по нормализации межконфессиональных отношений. Скажем, в 90-е годы прошлого века шел интенсивный процесс религиозного возрождения. В тех условиях была выработана политическая формула: «соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий – ислама и православия и равенство всех религиозных объединений перед законом», что создавало условия для взаимного доверия и межрелигиозных сотрудничества.

³³¹ Векторы толерантности: религия и образования / под ред. Р.А. Набиева. Казань: Магариф, 2006. С. 219; См. также: Диалог, толерантность, образования: Совместная действия Совета Европы и религиозных конфессий. Казань: КГУ, 2006. 180 с.

Обеспечение условий сотрудничества и сам процесс диалога требует учета фактора исторической памяти, складывания межрелигиозных отношений в контексте конфессиональной политики властей в прошлом. К примеру, точка отсчета свободного развития христианства идет от Миланского эдикта Константина после трех столетий появления этой религии, а ислам перестал быть гонимым в российской империи спустя почти 250 лет, после падения Казанского ханства. Между ними большая историческая разница, но в памяти народной они имеют прочное место. Здесь немало драматических и тяжелых для восприятия страниц истории исламско-христианских отношений в Поволжье и Приуралье. Вместе с тем в регионе не было религиозных войн, в основе отсутствия которых на генетическом уровне лежит прагматическая религиозная политика Чингизидов Золотой Орды (сейчас можно было бы это назвать принципом свободы совести). Опыт межкультурного взаимодействия народов региона несет в себе проверенный историей потенциал межцивилизационного согласия. В конце XIX татары-мусульмане, джадиды предложили открытость, устремленность к знаниям и признанию общественно-правовых норм российского государства, в целом принципов Нового времени. Это был путь к оживлению межконфессионального диалога³³².

В условиях советского социального эксперимента все религии с разными оттенками подвергались гонениям, формируя особый стиль мышления и новых ценностных ориентаций. Вся эта совокупность событий и фактов находит отражение в исторической памяти народа и проявляется в ходе межконфессионального диалога. Народная мудрость

³³² См. например: Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Поволжье и Приуралье: культура многонациональной провинции. Казань, 2001.; Коршунова О.Н. Исторические уроки взаимодействия культур с христианскими и мусульманскими корнями. /Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий: Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 16–20.; Российские мусульмане в этноконфессиональных процессах XIX–XXI вв. Коллективная монография / под общ. ред. Р.А. Набиева. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. 260 с.

извлекает из истории самую ценную и важную парадигму для мирного сосуществования этноконфессиональных сообществ. Укоренившиеся традиции взаимоотношения в социуме – главный ресурс устойчивого и толерантного развития общества. Искусство современных политиков заключается не в создании на пустом месте новых отношений, а в сохранении преемственности, развитии и укреплении этого позитивного процесса, идущего из глубин народного сознания и укоренившихся традиции.

Один из важных инструментов достижения зрелости в общественном развитии – это согласование интересов разных групп населения, в частности, интеграция религиозной учебной сферы в российское образовательное пространство, естественно, не нарушая конституционных принципов. Светское образование сориентировано на социализацию личности, обучению способам добывания успеха в этой жизни, а религиозное – это осмысление вечности, определение будущего после земной жизни и т.д. Несмотря на эти различия в целевых установках, как отмечается во Всеобщей Декларации прав человека (1948), всякое образование призвано формировать дружеские отношения между людьми, развивать стремление к сотрудничеству³³³. В Татарстане в десяти мусульманских профессиональных, в том числе РИУ, православных и протестантских учебных центрах реализуются образовательные запросы верующих. Исходная позиция диалога – это познать самого себя, свою культуру и знать особенности соседа, т.е. важно религиозное и светское просвещение верующих. Сегодня актуальными остаются вопросы: реализация в религиозных учебных заведениях Программ с государственным стандартом и получение соответствующего диплома; сохранение и укрепление сложившихся традиции (через учебников, преподавателей, учебных программ и т.д.); формирование терпимости и уважения к другим религиям, с использованием всего арсенала обучения и воспитания недопущение влияния экстремистских и радикальных течений и т.д.

³³³ Всеобщая декларация прав человека.... Статья 26.

Из этого блока вопросов наиболее уязвимым как в теоретическом, так и практическом смыслах представляется процесс осмысления определенных амбиций и претензий, развиваемых в кругах приверженцев традиционных религий, на особость своего положения. Это касается, например, «политического ислама» и «политического православия» и т. д.

Таким образом, ислам и православие в республике по количеству верующих и проявленной активности в общественно-религиозной и социокультурной жизни представляют собой основные конфессии. Ими определяется состояние межконфессиональных отношений в республике, укрепление атмосферы дружбы и сотрудничества между верующими. Государство стремится обеспечить соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий, развитие диалога между ними и другими традиционными религиями. Оригинальные формы взаимодействия осуществлены в рамках проекта «Культура, религия и общество» Советом по делам религий при КМ РТ. Относительно особенностей и тенденций межконфессиональных отношений справедливым является вывод о том, что религиозные конфликты редко возникают на теологической основе «в чистом виде», хотя искать на этой площадке полного согласия не представляется возможным. Гораздо чаще религиозный фактор используется в конкретных целях различных политических акторов в качестве идеологической и организационной поддержки, с целью обострения ситуации и получения сиюминутных политических выгод.

2. Религиозное образование и просвещение

В целях продуктивного анализа и формирования представления о религиозном образовании вполне корректно рассмотреть его на примере и в измерениях современных реалий Татарстана. В принятых законах 90-х годов по вопросам свободы совести существенным изменениям подвергся вопрос о религиозном образовании. Наряду с тем, что остался неприкосновенным принцип раздельного функцио-

нирования государственной системы образования и церкви, религиозным организациям, зарегистрировавшим свои уставы (положения), разрешалось создавать «для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах, используя для этого принадлежащие им или предоставляемые им в пользование помещения»³³⁴.

В связи с изменением политико-правового статуса религиозных объединений и ростом их влияния в обществе возникало осознание важности научно-интеллектуального уровня осмысления и регулирования происходящих событий в данной сфере. В частности, автором при поддержке ряда ученых (Я.Г. Сафиуллин, М.А. Усманов, И.Р. Тагиров, Р.И. Нафигов, В.М. Бухараев и др.) было подготовлено обоснование о необходимости целенаправленного развития религиозно-направленного развития в Казанском университете. По мнению ученых, это диктовалось следующими соображениями:

– «Республика Татарстан, выступающая за демократическое переустройство Российской Федерации, стремится строить общество в соответствии с международными нормами защиты прав личности, в т.ч. на свободу совести. Формирующаяся государственная идеология не может не основываться на достижениях религиозной и светской культуры как органического духовного богатства народов, что требует пристального внимания государственных органов в изучении, разработке и освещении религиозно-направленных проблем в историческом и теоретическом аспектах;

– в силу активного возрождения исламских, христианских и иных духовно-нравственных систем ценностей, количественного роста религиозных общин и их учебных заведений возрастает потребность: в росте у студентов историко-теоретического уровня религиозно-направленных знаний; в подготовке специалистов по вопросам религии, в особенности в поликонфессиональном культурно-историческом пространстве Поволжья;

³³⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 41. С. 992.

– на уровне историко-научных и религиоведческих подходов нуждаются в изучении и освещении проблемы мусульманского реформаторства, в том числе джадидизма, в России;

– в настоящее время организация чтения обязательных и специальных курсов по проблемам религии затруднена рассредоточенностью преподавателей по разным кафедрам, недостаточностью привлекаемых кадров и целевой их подготовки как для учебных заведений, так и государственных органов;

– университет, оставаясь головным вузом республики по фундаментальным и прикладным наукам, обладает определенным кадровым потенциалом для комплектации кафедры религиоведения и создания отделения, что будет способствовать совершенствованию учебного процесса и образованию научно-методического координационного центра по проблемам религий, необходимого для университета и в целом для нужд республики в особенности».

В 1995–1997 годы были предприняты настойчивые попытки пролоббировать данное направление, что натыкалось на препятствия в большей степени финансово-учебного характера. Обращения, организованные инициативной группой во главе с проф. Р.А. Набиевым в Госсовет РТ, Аппарат Президента РТ, ректору КГУ, не оставались без внимания, но решение вопроса продвигалось не столь быстро и решительно, поскольку для его осмысления нужно было время. В газетных публикациях,³³⁵ в письмах ректору КГУ Ю.Г. Коноплеву от председателя Комиссии по культуре и национальным вопросам Госсовета РТ Р.М. Миннуллина (от 17.12.1996 г. № 12-5-158) и от председателя Совета по делам религий при КМ РТ И.Ш. Хабибуллина (11 апреля 1995 г. № 21), а также в обращении участников международной научной конференции «Казанское востоковедение: традиции, современность, перспектива» (Казань, 10–11 октября 1996 года)

³³⁵ См.: Набиев Р. Религиозный ренессанс: две стороны медали // Республика Татарстан, 1996, 18 декабря; Набиев Р. Жәмгыять имансыз яши алмый // Мәғрифәт. 1997. 14 февраль.

и других поддерживалась идея открытия отделения религиоведения в КГУ.

Отношение властных структур первоначально носило индифферентно-сдержанный характер, если не считать заинтересованного обсуждения данного вопроса (по поручению Президента РТ) с автором письма Р. Набиевым ректора КХТИ, советника Президента РТ по вопросам науки профессора Г. Дьяконова. На этом этапе открытие специальности – 022200 – религиоведение спустилось на уровень вуза без какого-либо политического решения и рекомендации. Вскоре с июня 1997 года главный инициатор по подготовке открытия специальности был приглашен на работу по вопросам религий в правительство Татарстана, поэтому развитие этого направления несколько затормозилось. Лишь несколько лет спустя в 2004 году Правительством было поддержано создание философского факультета в КГУ. Открытие специальности религиоведения и одноименной кафедры, заведующим которой первоначально стал доцент В.В. Королев, затем с 2013 года – Л.С. Астахова, позволили реально воплотиться в полнокровно существующее отделение религиоведения, где имеется и магистратура, и защищаются диссертации. В настоящее время, опираясь на наличие в действующем классификаторе направлений и специальностей высшего профессионального образования наименования “Теология” (520200), проявляется активность по открытию и развитию данной специальности. Причем эти попытки первоначально сопровождались обоснованием открытия направления лишь по православной теологии, без исламской, поскольку считали, что имеется РИУ (КИИ), хотя он работает не только на регион, а на всю Россию и страны СНГ и имеет пока весьма скромный научно-педагогический и материально-финансовый потенциал. Постепенно возобладала позиция, в которой четко прописывается открытие специальности и по исламской теологии.

Стремление освоить светские образовательные стандарты, специальности высшего профессионального образова-

ния со стороны религиозных структур возрастало по мере укрепления позиции религиозных общин в обществе, возрастания интереса к вере и интенсификации поиска национально-религиозной идентичности. В Казани, Набережных Челнах, открываются на коммерческой основе негосударственные вузы, филиалы: в Казани РИУ в 1998 году, исламский институт “Фарух” обратились за поддержкой к Председателю совета ректоров вузов Казани Н.Г. Хайруллин по открытию «Казанского восточного гуманитарного института». В Наб. Челнах начал свою работу исламский институт возглавляемый Альфат хазратом, и филиал Свято-тихоновского богословского института. Председатель приходского совета И. Лутфуллин и нынешний ректор И. Зиганшин,³³⁶ основали Казанское высшее мусульманское медресе «им. 1000-летия принятия ислама» для подготовки сельских имамов с возможностью получения государственного диплома по средне-технической специальности «пчеловод». В системе мусульманского образования это стало пионерским шагом, когда будущий имам оказался социально защищенным как со стороны общины, так и возможностью на законном основании занимать должность по данной профессии.

Дискуссии о статусе теологии в системе гуманитарного знания и образования аналогичны дискуссиям по вопросу организации преподавания в современной общеобразовательной школе религиозных конфессиональных традиций. Все они обусловлены, в первую очередь, мировоззренческой эволюцией нашего общества, постепенным преодолением укоренявшихся десятилетиями атеистических стереотипов в отношении религии в российском научно-педагогическом сообществе, среди работников и руководителей образования. Важно «обозначить водораздел между естествознанием и гуманитарным знанием или (если использовать слово «наука»), – науками «строгой версии» и науками «слабой

³³⁶ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ, вх. от 23 июля 1997 г. № 84.

версии»³³⁷ – отмечает московский ученый И. В. Метлик. Он же подчеркивает: «если в обществе признается мировоззренческое разнообразие, то никакого единого общезначимого мировоззрения, очевидно, в нем просто не может быть». Только в религии и философии создаются и сохраняются целостные картины мира, мировоззрения. Эта особенность всегда сознавалась в философской культуре. В.С.Соловьев писал: «... Такие общие воззрения существовали и существуют, и притом в двух формах: религии и философии».³³⁸

Показательным в этом плане является общественное слушание в комиссии по межнациональным отношениям и свободе совести Общественной палаты РФ 17 марта 2008 года по теме «Теология в системе научного знания и образования». Мнение многих сводилось к тому, что положение в обществе философии и теологии в существующей правовой системе и в системе гуманитарного знания и гуманитарного образования должно быть равноправным.

Состояние современного образования в России в целом, и в Татарстане в частности, остается важным фактором развития толерантности и укрепления устойчивости общества. В системе профессионального мусульманского образования России важным событием является создание медресе – учреждения следующего уровня (санавия) в образовательном пространстве исламской уммы. По данным на начало XX века в России насчитывалось 779 медресе, 8117 мектебе, где образование получали 267476 учащихся³³⁹. Процесс становления системы образования на данном уровне имел свои региональные особенности. Например, тенденции на Северном Кавказе, в силу географических особенностей

³³⁷ Метлик И.В. Теология в системе гуманитарного знания и гуманитарного образования / Теология в системе научного знания и образования: материалы слушаний в Общественной палате Российской Федерации. М.: Изд-во Общ. палаты РФ, 2009. Цит. по: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=448>

³³⁸ Соловьев В.С. Несколько слов о настоящей задаче философии // Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 16–17.

³³⁹ См. Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907). М, 1986. С. 82.

и традиционного уклада, имели более консервативный оттенок, чем в других регионах. На рубеже XX–XXI веков возрождение традиций исламского образования в Северо-Кавказском регионе началось с ориентации на количественные показатели.

Статистические данные, приведенные В. Бобровниковым, подтверждают, что в 1985–1996 гг. в городах и селениях Дагестана открылось более 1650 соборных и квартальных мечетей. При мечетях было создано 670 мектебов и 25 медресе, 9 исламских вузов. В середине 90-х годов в хадж и малое паломничество (умра) ежегодно отправлялось до 12 тыс. дагестанцев³⁴⁰. С конца 1996 г. по весну 1997 г. в Чеченской республике работали первые, официально учрежденные в постсоветской России, шариатские суды³⁴¹.

Исламское образование в Волго-уральском регионе, имевшее свои богатые традиции, утерянные в определенный исторический период, также активно восстанавливается. Одним из векторов, определивших тенденции развития современной уммы в России, стал джадидизм, исторический путь которого современные обществоведы разделяют на два этапа. 1880–1905 гг. – когда движение концентрировалось на реформе традиционного конфессионального образования (введение нового звукового (усуль савтия) метода обучения в противовес буквослагательному методу) и 1905–1917 гг., когда джадидизм, наряду с просветительской деятельностью, был сориентирован на формирование тюрко-татарской нации по европейскому типу, автономной в вопросах религии и образования³⁴².

В то же время идеологи старой системы образования, так называемые приверженцы «кадимизма», подвергали острой критике все новые проявления в общественно-политиче-

³⁴⁰ Бобровников В. Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): мифы и реалии // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001. С. 74.

³⁴¹ Там же. С. 75.

³⁴² Исхаков Д. Джадидизм // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2002.

ской, социокультурной жизни отечественных мусульман. Основными центрами традиционализма оставались старометодные медресе: Кшкар, Мачкара, Менгер, Сатыш, Тюнтер и др. Основные идеи находили отражение на страницах газет и журналов «Дин вэ магишат», «Баянкульхак», яркими представителями кадимизма были И. Динмухаметов, Г. Мухудинов, В. Хусаинов и др.

Обращая внимание на важность изучения «кадимистской школы», Мухаметзянова Д.С. отмечает, что всестороннее изучение педагогического наследия кадимистской системы сегодня становится все более насущным, так как многие идеи, лежащие в основе современных педагогических и образовательных инноваций, имели место и в системе кадимистского медресе. Среди них можно выделить такие, как индивидуальный и контактно-групповой типы обучения, техники взаимного обучения, катехизисные, гипертекстовые способы изложения материала, эвристические методы, индивидуальный темп прохождения программы. Многие из этих идей вполне актуальны сегодня и могут стать альтернативой классно-урочной системе, переживающей глубокий кризис. С точки зрения исторической науки необходимо отметить, что без понимания джадидистских школьных реформ невозможно целостно представить процесс модернизации татарского общества, т.е. переход его от традиционного к современному. В свою очередь, невозможно исторически верно осмыслить суть джадидистских школьных реформ, не представляя первопричины реформирования системы образования³⁴³.

В советское время ислам, как и другие религии, находился в угнетенном состоянии. С середины 1920-х годов начался процесс подавления исламской религиозной жизни и культуры. Было закрыто и разрушено около 12 тысяч мечетей, до 90 процентов мулл были лишены возможности вести богослужение. В это время была уничтожена почти вся исламская духовная элита – от 30 до 50 тысяч человек.

³⁴³ Мухаметзянова Д.С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. Казань, 2008. С. 8.

В 1948 году в РСФСР оставалось только 416 официально зарегистрированных мечетей, а в 1968 году – 311. Правда, тысячи мечетей и мулл действовали без регистрации, вне рамок законодательства, и власть вынуждена была закрывать на это глаза. Так, в 1980 году, по свидетельству Г. Михайлова, начальника Отдела по связям с религиозными организациями Совета Министров РФ, на территории РСФСР имели официальное разрешение на отправление культа 335 имамов и мулл, тогда как 1 245 совершали обряды без регистрации ³⁴⁴.

Признаком серьезного внимания к национально-религиозным вопросам со стороны государства стало принятие специального документа. В концентрированном виде опыт и тенденции республиканской этно-конфессиональной политики нашел отражение в «Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан», утвержденной в 2008 году указом Президента республики. Реализация данной концепции позволила не только сохранить вектор дальнейшего сотрудничества государственных структур и религиозных объединений, но и привлекла внимание специалистов за пределами страны. Особый интерес у стран Запада и Востока вызывает опыт межконфессионального сотрудничества.

В настоящее время для республики Татарстан одним из принципиально важных вопросов в сфере государственно-конфессиональных отношений является оказание содействия становлению профессионального мусульманского образования. Такая постановка обусловлена рядом причин: во-первых, была прервана богословско-теологическая традиция, во-вторых, от постановки профессионального религиозного образования зависит дальнейшее развитие ислама в традиционном направлении в целом. Устоявшиеся традиции являются основой мирного сосуществования российских мусульман в иноверческом окружении. Они служат медиато-

³⁴⁴ Мусульманское население в РФ: справка // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 82–85.

ром отношений между исламской и православной цивилизациями. Генеральный секретарь ОИК Экмеледдин Ихсаноглу накануне вступления России в ОИК отметил: «Мусульмане России имеют свою многовековую культуру и историю, которая неразрывно связана с историей русского народа. И российские мусульмане для нас являются связующим звеном между мусульманским миром и русским народом»³⁴⁵.

В начале 1990-х годов отправка шакирдов за рубеж для получения религиозного образования была вызвана отсутствием в республике профессиональных религиозных учебных заведений и соответствующих преподавательских кадров. В результате постепенного формирования системы религиозного образования необходимость подготовки духовных кадров за рубежом отпала. Вместе с тем, религиозное обучение за рубежом, безусловно, сохранится, но теперь шакирды лишь продолжают образование, полученное в рамках традиционного для российских мусульман ислама.

Содержание высшего религиозного образования и средних профессиональных медресе, направленное на глубокое изучение основ ислама, не должно противоречить сложившимся традициям взаимоуважительных межконфессиональных отношений. Это отвечает призыву и духу «Всеобщей декларации прав человека», где отмечается, что образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами.

После событий 1991 года на смену партийной власти пришли новые руководители регионов. В стране прошел процесс формирования региональных элит, которые, укрепляя свои позиции, превратились в серьезную политическую силу. Руководство Татарстана, где самым многочисленным этносом являются татары, обратилось к необходимости возрождения национальной культуры и языка, что говорит о живой многовековой традиции государст-

³⁴⁵ Векторы толерантности: религия и образование. Казань, 2006. С. 4.

венности³⁴⁶. Многоуровневый процесс возрождения также коснулся и государственно-конфессиональной политики, результатом чего стало создание в 1992 году Духовного управления мусульман Республики Татарстан во главе с Габдуллой Галиуллиным³⁴⁷. Основное направление при этом было задано в приветственном слове М. Шаймиева II Всероссийскому съезду востоковедов в октябре 1999 года. Он в своем обращении призвал возродить традиции джадидизма, выраженные в творчестве таких видных татарских богословов, как Габдуннасыр Курсави, Шигабутдин Марджани, Галимджан Баруди, Риза Фахретдин, Муса Биги³⁴⁸ и др. Поскольку джадидизм, не ограничиваясь реформами мусульманского образования, широко распространился на сферу социальной практики в целом, его значение сложно переоценить.

Исламское образование в Татарстане на сегодняшний день представляет собой многоступенчатую систему мусульманского религиозного образования, в которой функционируют 10 профессиональных религиозных учебных заведений (в Казани: «Мухаммадия», «им. 1000-летия принятия ислама», «Казанский исламский колледж»; в Набережных Челнах – «Ак мечеть»; в Альметьевске – «им. Р. Фахретдина»; в Нижнекамске – «Рисаля»; медресе в Буинске и Нурлате; медресе «Фанис» (п. Уруссу) в Ютазинском районе. Впервые в этом году получило лицензию Мамадышское медресе им. Габдуллы ибн Масгуда. Казанское высшее мусульманское медресе имени 1000-летия принятия Ислама отметило своё 20-летие, собрав на юбилей представителей духовенства, аппарата президента РТ, Госсовета РТ, мэрии Казани, Испол-

³⁴⁶ Гузельбаева Г.Я. Эволюция политической элиты Республики Татарстан // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты: ежеквартальный альманах. Вып. 2 / отв. за вып. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород, 2005. С. 80.

³⁴⁷ Хабутдинов А.Ю. Ислам в Татарстане в первые годы нового тысячелетия // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты: ежеквартальный альманах. Вып.1 / отв. за вып. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород, 2005. С. 42.

³⁴⁸ Электронный ресурс удаленного доступа <http://www.ethnonet.ru/lib.1003-01.html> (доступ открыт по состоянию на 21.05 2012)

кома Всемирного конгресса татар, научной интеллигенции, журналистов, общественных деятелей, а также выпускников медресе³⁴⁹.

В целом, на дневном отделении вышеперечисленных медресе РТ обучаются около 500 студентов, преподает 110 преподавателей. Подготовка кадров для мусульманских общин и учебных заведений на основе местных традиций остается актуальной и приоритетной задачей.

По инициативе российского духовенства в 1990 г. в Казани был создан Молодежный центр исламской культуры «Иман», появилась мусульманская организация «Ихлас», которая стала учредителем издания газеты «Умма» и радиопрограммы «Ислам нуры». Были организованы встречи мусульманской молодежи Татарстана с видными деятелями ислама, как в России, так и за её пределами (А.В. Полосиным, И.В. Пороховой и др.). В декабре 1995 г. была создана организация мусульманок Татарстана, которая играет заметную роль в общественно-политической жизни не только республики, но и России в целом. Руководителем данной организации является Альмира ханым Адиатуллина. От имени данной организации с декабря 1997 года выходит газета «Муслима», недавно отметившая юбилейный 100 выпуск газеты. 5 декабря 2005 года состоялся Учредительный съезд мусульманок Татарстана. Подобные мероприятия, как отмечают ученые-исламоведы, не проводились в России с 1917 г. Они на образовательной площадке тоже заявили о себе.

Вопросы духовного самоопределения молодежи, связанные с современным состоянием общества, выдвигают задачи единения мусульман, распространения истинных ценностей ислама, развития мусульманской культуры и искусства, защиты традиций мусульман как Татарстана, так и России в целом. По инициативе мусульманских молодежных организаций, Духовного управления мусульман республики Татарстан (ДУМ РТ), при поддержке правительства республики, в рамках решения этих задач, проводятся мероприятия, как

³⁴⁹ Ислам минбәре. 2012. № 1 (194).

на уровне города Казани, так и общереспубликанском уровне. 14 декабря в Казани в помещении Российского исламского университета прошла Конференция мусульманской молодёжи Татарстана «Иманлы буын» («С верой – в будущее»). Инициатором данной конференции явилось Духовное управление мусульман (ДУМ) Татарстана, в ее работе приняли участие более 150 представителей из городов и районов республики, в их числе молодые имамы, преподаватели и студенты религиозных и светских вузов, активисты молодежных организаций и объединений.

Восстановление исламского образования на постсоветском этапе осуществлялось на трех основных ступенях: ибтидаийа, санавия и галия. Данная структура является традиционной для исламского образования в целом, однако на основе возрожденной системы в развитии религиозного исламского образования в Российской Федерации наметился новый этап. В апреле 2006 г. Совет муфтиев России распространил проект «Концепции развития исламского образования в России», разработанный по согласованию с Управлением внутренней политики Администрации Президента РФ. Автором концепции является М. Муртазин. Он ранее занимал ряд должностей и был довольно заметной фигурой в российской умме: заместитель Председателя Совета муфтиев России, Председатель Совета по исламскому образованию, ректор Московского исламского колледжа и Московского исламского университета. Достоинством документа (требующего еще существенной доработки) следует признать системный и концептуальный подход к оценке сложившейся ситуации в данной сфере. В концепции речь идет о формировании целостной и многоступенчатой системы религиозного образования в Российской Федерации: 1-я ступень – начальное религиозное образование; 2-я ступень – среднее; 3-я ступень - среднее специальное; 4-я ступень – высшее религиозное образование в стенах Института сроком обучения 4-5 лет; 5-я ступень – светское высшее образование с исламским компонентом – Университет – сроком

обучения 4 года (бакалавр) и 5 лет (специалист); 6-я ступень – послевузовское образование – магистратура.

На практике же, вторая и третья ступень, предполагающие среднее и среднее специальное образование, функционируют в рамках единой ступени, а магистратура включена в пятую ступень в рамках реализации Болонской системы и является частью университетской программы. В данной составляющей проекта прослеживается тяготение к традиционной структуре исламского образования, унаследованной с эпохи джадидизма.

Реализация данного проекта предполагает проведение большой организаторской, учебно-методической и научно-исследовательской работы всех заинтересованных сторон. Очевидно, что предстоит кропотливая и трудоемкая созидательная работа по формированию многоступенчатой модели исламского образования в целом, разработки её стандартов, пакета нормативной документации в частности. Неотъемлемой частью концепции выступает совершенствование учебных программ и образовательного процесса, обеспечение его квалифицированными кадрами и учебной литературой, укрепление материальной базы каждого из звеньев религиозной образовательной системы.

В настоящее время существует около 20 лицензированных медресе на территории европейской части России. 8 из них находятся в Татарстане (два высших медресе – «Мухаммадия» и медресе им. 1000-летия принятия Ислама, Казанский исламский колледж находятся в Казани, а также «Ак мечеть» в Набережных Челнах, «Рисаля» в Нижнекамске, медресе им. Ризаэтдина Фахретдина в Альметьевске, Буинское медресе, Нурлатское медресе, медресе «Фанис» в Ютазинском районе РТ), 7 представляют собой филиалы Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман (в городах: Астрахань – «Хаджи-Тархан», Ульяновск – «Биляр», Самара – «Нур», Оренбург – «Хусаиния», Октябрьск – «Нурул-Ислам», Батыревский район, деревня Шыгырданы Чувашии – «Гулистан»). 3 медресе функ-

ционируют в юрисдикции Духовного управления мусульман Республики Башкортостан (Медресе им. М.Султановой и «Галия» в Уфе, «Нур аль-Иман» в Стерлитамаке), по одному – Духовного управления мусульман Европейской части России (Московский высший духовный Исламский колледж), Духовного управления мусульман Саратовской области («Шейх Саид» в Саратове), Духовного управления мусульман Нижегородской области (НИМ «Махинур» в Нижнем Новгороде). Ни одного медресе нет на Урале и в Сибири. Количество медресе в республиках Северного Кавказа исчисляется сотнями (В одном только Дагестане их – более сотни)³⁵⁰.

В 1990-х гг. процесс учреждения медресе шел весьма бурно. Качественная составляющая – материальная база, преподавательский состав, учебно-методические материалы не поспевали за этим процессом. Как результат – в часть медресе проникли радикальные проповедники, вербовщики, призывавшие сражаться против «неверных». Это привело к закрытию таких медресе как «Расул Акрам» в Москве, «Аль-Фатх» в Ижевске, «Йолдыз» в Набережных Челнах, «Аль-Фуркан» в Бугуруслане. В Набережных Челнах на основе множества медресе («Юлдуз», «Танзиля», «Ихлас», «Нурутдин», «Иман») было создано медресе «Ак мечеть», а Альметьевское медресе им. Р. Фахретдина было образовано на базе Исламского института имени Р. Фахретдинова и Азнакаевского медресе³⁵¹. Медресе «Йолдыз» несколько лет подряд было в эпицентре споров и проблем развития ислама в Татарстане, обвинений в насаждении ваххабизма в образовательной сфере. В основе их лежали факты выезда нескольких шакирдов, обучавшихся в медресе, в группу противозаконных чеченских военных формирований, что

³⁵⁰ Основные направления мусульманского образования в современных условиях. Ислам на пороге третьего тысячелетия: материалы научной конференции и II-го областного практического семинара «Рухи Мирас». Н. Новгород, 2002. С. 98–101.

³⁵¹ Мухаметшин Р. Система мусульманского образования в постсоветском Татарстане. <http://www.archipelag.ru/authors/muhametchin/?library=1228>. (доступ открыт по состоянию на 28.05.2012).

явилось действием, содержащим признаки состава преступлений, предусмотренных ст.208 УК РФ и несущих угрозу безопасности личности, общества и государства. На основании представления КГБ РТ и решения экспертной комиссии по лицензированию при Министерстве образования РТ министр Ф.Ф.Харисов подписал приказ от 21 сентября 1999 года (№ 447) о приостановлении действия «лицензии серии СП № 1, выданной духовному образовательному учреждению «Йолдыз» 20 апреля 1999 года сроком на 1 год, до выяснения обстоятельств».

В конце 1990-х годов на проблемы возрождения исламского образования обратили внимание и государственные структуры. Был проведен ряд мероприятий, направленных на унификацию учебных программ, на вычищение из них элементов, допускающих возможность распространения радикальных воззрений. По инициативе Совета по делам религий при КМ РТ была создана совместная рабочая группа с представителями ДУМ РТ, Министерства образования и Совета по делам религий с привлечением ученых из вузов и АН РТ. В результате к 1 сентября 2000 года муфтием Гусман хазратом Исхаковым были представлены на согласование, на имя Министра образования Ф.Ф. Харисова и председателя Совета по делам религий Р.А. Набиева, типовые учебные планы³⁵². Важность этого факта заключалась в том, что, по сути, это были первые систематизированные, хотя еще не столь совершенные, документы по организации учебного процесса по мусульманскому образованию. Учебный план высшего мусульманского медресе со сроком обучения 5 лет предполагал подготовку имам-хатыйбов(проповедников), мугаллимов (наставников) и богословов. По представленному учебному плану для средних мусульманских медресе с сроком обучения 2-х лет готовили имам-хатыйбов, муэдзинов (призывающий к молитве) и мугаллимов, а план начального мусульманского медресе гарантировал «минимум знаний,

³⁵² Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. ДУМ РТ № 662/9-1 от 1 сентября 2000 г.

умений и навыков, обеспечивающих возможности продолжения образования, исполнения обязанностей мусульманина». Далее предстояло совершенствование работы по систематизации и наполнению содержанием учебных программ, подбор соответствующей литературы, комплекция преподавателями и создание материально-технической базы. Все религиозные учебные заведения в статусе религиозной организации, кроме начальных медресе, получали лицензию на образовательную деятельность. В Министерстве образования РФ начала работать специальная лицензионная комиссия, в состав которой с 1999 года в качестве представителя был включен сотрудник Совета по делам религий В.Р. Абдулхаева, с тем, чтобы оказать методическую помощь медресе при подготовке лицензионных материалов.

В 2002 году Президент Российской Федерации поручил Министерству образования и науки РФ «в первоочередном порядке разработать комплекс мер по оказанию организационной, материальной и методической помощи в развитии сферы религиозного образования, прежде всего мусульманского». В конце 2005 года Комиссия по вопросам религиозных организаций при Правительстве РФ разработала законопроект «О внесении изменений в законы «Об образовании» и «О свободе совести и о религиозных объединениях». Он предоставлял религиозным высшим учебным заведениям равные права со светскими вузами в вопросе возможности обучать студентов по государственным программам, получать лицензию и аккредитацию Министерства образования и науки, а также выдавать дипломы государственного образца. К этому моменту в России профессиональное религиозное образование можно было получить в 162 учебных заведениях, зарегистрированных в Министерстве юстиции РФ (из них 49 православных, 75 исламских, 4 католических, 2 буддистских, 2 иудаистских и др.).

В целях исполнения данного поручения, а также ставя перед собой широкие задачи поддержки традиций и культуры народов России, традиционно исповедующих ислам,

воспитания межнациональной, межконфессиональной толерантности, профилактики экстремизма, Министерство образования и науки России во взаимодействии с вузами, находящимися в его ведении, и религиозными организациями – духовными (исламскими) образовательными учреждениями разработали и осуществляют на протяжении ряда лет (с 2005 года) комплекс мер. Основное направление в решении поставленных задач было определено – создание и совершенствование системы подготовки специалистов по истории и культуре ислама. В силу различных причин объективного и субъективного характера, такая деятельность стала осуществляться сравнительно недавно, а потому справедливо утверждать, что этот процесс только находится в своей начальной стадии. Тем не менее, за последнее время проведена достаточно объемная работа, в которой принимают участие, как органы исполнительной власти (Администрация Президента РФ, Министерство образования и науки РФ и др.), так и мусульманские общественные и религиозные деятели. Эта работа проводится по нескольким направлениям и носит комплексный характер. Среди принятых мер следует назвать организацию некоммерческого благотворительного фонда «Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования». Сформирован попечительский совет Фонда, Правление, которые аккумулируют и распределяют денежные средства, переводимые в адрес российских мусульман исламскими государствами по линии ОИК и другими организациями³⁵³.

Система современного исламского образования находится в состоянии постоянного динамического развития, решая вопросы качества образования, подготовки кадров, самофинансирования, интеграции в общероссийское и мировое образовательное пространство на тождественных правах. В настоящее время исламское образование пре-

³⁵³ Мухетдинов Д. Современное медресе для современной уммы // Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве. Н. Новгород, 2009.

терпевает процесс качественного переосмысления своей деятельности. Очевидно, для стабильного духовного развития России, в особенности в регионах традиционного распространения ислама, необходимым компонентом развития конфессионального образования является компетентное содействие в совершенствовании учебно-методического и научно-исследовательского направления. В этом плане важно использование потенциала Совета по исламскому образованию России, Центра исламоведческих исследований АН РТ, Российского исламского университета, являющихся учебно-научными центрами и сосредоточенных в Казани.

Постепенно развивается процесс структурирования учебных программ мусульманских учебных заведений. Так, например, на первом курсе медресе «Рисаля» в г. Нижнекамске где обучалось 24 студента, религиозным предметам, таким, как Священный Коран, уделялось 50 часов, изучению нравственности и этики, исламского мировоззрения, исламского законодательства, изречениям пророка, правилам чтения Корана, Сире³⁵⁴ отводилось по 25 часов. В то же время среди светских наук на первом курсе значатся теоретическая грамматика арабского языка – 25 часов, фонетика арабского языка – 50 часов, практический курс арабского языка 35 часов, Татарский язык, История Татарстана – по 20 часов и лекционные курсы по информатике и основам психологии. Второй курс в количестве 12 студентов имел в своей образовательной программе 20 часов Священного Корана, столько же Сиры (если первый курс изучал этот предмет в переведенном издательством РИУ варианте, то второй курс – в оригинале), 30 часов исламского законоведения, 25 часов давалось на изучение изречений пророка, что дополнялось 30 часовым новым курсом по Толкованию Корана и лекционным курсом по исламскому мировоззрению. Светские дисциплины дополнялись на втором курсе появлением английского языка и окончанием 50 часового курса фонетики арабского языка. Самым насыщенным получился последний

³⁵⁴ Сира – жизнеописание пророка Мухаммада.

третий курс: среди светских дисциплин появляется 10 часов арабской литературы, столько же отводится на методику преподавание исламских дисциплин, риторику и историю исламской цивилизации. В списке религиозных дисциплин на последнем третьем курсе появляются такие новые предметы, как наука о Коране, наука о хадисе (по 10 часов), 102 часа отводится на историю ислама, 10 часов – на предмет Мирас (наследственное право), на основы законовещения ислама отводится 25 часов, на правила законовещения ислама и основы проповедования – по 10 часов. Предмет религии и секты также значится как лекционный курс³⁵⁵.

Преподавательский состав в медресе традиционно имеет высококвалифицированную конфессиональную составляющую. Среди них значительное число выпускников Мединского, Дамасского университетов, где религиозно-правовая школа отличается от исламских традиций российских мусульман. Данная ситуация подтолкнула отечественных шакирдов к обучению внутри страны, а также к приглашению преподавателей из стран, близких по своим религиозно-правовым и культурно-историческим составляющим (из Университета 19 мая г. Самсун, Сельджукского университета, Университет «Мармара» (Турция))³⁵⁶.

Редакционные коллегии, состав рецензентов и разработчиков учебных планов, как правило, включают ректоров средних и высших мусульманских медресе, кандидатов и докторов наук³⁵⁷. Основной идеей исламского просвещения стало формирование представлений об исламе как толерантной и конструктивной религии (в контексте общественных ценностей и лояльности к государственным законам), способствующей преодолению межнациональной и межконфессиональной напряженности в российском обществе. Концепция одного из проектов «ислам открытыми глазами»,

³⁵⁵ Учебная программа нижнекамского медресе «Рисаля» (См. Приложение)

³⁵⁶ Приложение к пп.9. Текущий архив ДУМ РТ, исх. 84 от 16.02.2006 г.

³⁵⁷ Учебный план Среднего профессионально мусульманского медресе Казанский исламский колледж. Казань, 2004. (См.: Приложение.)

получила высокую оценку комиссара Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблеса, данную Республике Татарстан³⁵⁸.

Уровень профессорско-преподавательского состава, согласно проведенным статистическим исследованиям Ахметовой Д., выглядит следующим образом: подавляющее большинство преподавателей религиозных дисциплин имеют квалификацию бакалавр/специалист. Они составляют в среднем 56,22 % от общего числа преподавателей вузов, тогда как магистров богословия практически нет – среднее арифметическое по вузам – 1,8 % от общего числа преподавателей. В абсолютных цифрах это выглядит так: 5 магистров преподают в Институте теологии и религиоведения (ныне – Институт теологии и международных отношений) в Махачкале, двое – в РИУ в Казани и один – в МИУ. Общий процент бакалавров и специалистов, окончивших российские учебные заведения, составляет 29,37 %. Если свести данные по бакалаврам и специалистам богословия безотносительно к стране получения образования, показатели получаются следующие – 56,22 % преподавателей исламских вузов России имеют высшее богословское образование. При рассмотрении проблемы иностранного влияния на российскую систему исламского образования, как правило, речь заходит о преподавателях, обучавшихся за рубежом. Из 58 % преподавателей религиозных дисциплин, которые имеют квалификацию бакалавр, специалист или магистр, лишь 16,25 % (по отношению к общему числу преподавателей) обучались за границей. Остальные – это выпускники российских исламских вузов. В абсолютных цифрах картина такова – в опрошенных вузах религиозные дисциплины преподают 36 выпускников зарубежных вузов (квалификация бакалавр или магистр).

Например, в медресе «Рисаля» религиозные предметы преподают шесть преподавателей: двое из них выпускники

³⁵⁸ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ, вх. № 31-01 от 6.10.2006 г.

университета «Абу Нур» г. Дамаск, двое – выпускники татарстанских медресе «Мухаммадия» и «аль-Фуркан», один окончил медресе в Узбекистане и еще один преподаватель из Мединского университета (г. Медина КСА). Согласно данной информации можно утверждать, что укомплектованность высококвалифицированными кадрами средних профессиональных медресе на начало 2000-х гг. имела проблемные позиции.

Российские граждане, получившие религиозное образование за рубежом и ныне ведущие преподавательскую деятельность в российских исламских высших учебных заведениях, являются выпускниками следующих вузов: Иорданский государственный университет (Иордания), Мединский исламский университет (КСА), Институт им. Шейха Барауддина Аль-Хасани, Университет Аль-Азхар (АРЕ), Международный исламский университет (Пакистан), Международный малазийский исламский университет (Малайзия), университет «Умм аль-Кура» в г. Мекке (КСА), Дамасский государственный университет (Сирийская Арабская Республика).

Относительно квалификации преподавателей светских дисциплин следует отметить, что процент кандидатов наук по отношению к общему количеству преподавателей варьируется с существенной разницей. Максимальный показатель, так же, как и в случае с кандидатами наук в Московском исламском университете, – 35,7 %. Средний показатель по 8 вузам – 9,65 %. Что касается общей цифры по преподавателям, имеющим ученую степень, максимальный показатель – 89,3% у МИУ, средняя цифра – 39 %³⁵⁹.

В период формирования мусульманских учебных заведений их деятельность, содержание, организация работы, учебно-воспитательный процесс были сопряжены с трудностями, характерными для этого становления. В таких усло-

³⁵⁹ Ахметова Д. Обзор квалификации ППС и вовлечение преподавателей и студентов в научную деятельность как фактор развития системы высшего исламского образования в России // Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве. Н. Новгород, 2009.

виях было трудно обеспечить высокий уровень подготовки кадров. Поэтому, наряду с обучением шакирдов в отечественных учебных заведениях, одновременно шел процесс отправки желающих получить высшее религиозное образование в зарубежные Исламские учебные заведения. Этот процесс требовал как серьезного анализа выбора стран и учебных заведений, так и соответствующего отбора и подготовки кандидатур для отправки в эти страны.

Конкретная реализация идеи создания Исламского университета в Казани ускорилась после выступления Президента РТ на Объединительном съезде мусульман Республики Татарстан, где он озвучил необходимость открытия такого вуза. Эту идею поддержали в свое время участники международной конференции «Мусульмане России накануне третьего тысячелетия», состоявшейся в сентябре 1997 г. в Москве, и председатель президиума конференции муфтий Р. Гайнутдин. Первоначально предложенный Советом по делам религий концептуальный подход по РИУ не сразу утвердился и прошел серьезное испытание в дискуссиях и спорах на различных уровнях. Желание создать атмосферу благополучия, не видеть проблем и других перспектив, кроме существующего статус-кво было характерно для муфтиатского круга людей. На вопрос журналиста, как специалисты вуза найдут свое применение в светском государстве, проректор по учебной работе РИУ Абдурашит-хазрат Закиров утверждал, что «выпускники обоих факультетов вправе стать имам-хатыбами, переводчиками, в состоянии работать в госучреждениях...»³⁶⁰, но в последнем случае желаемое явно принимается за действительное, поскольку выдаваемые дипломы не могли признаваться государством. Однако новое видение стучало в дверь. Лейтмотивом научно-практической конференции «Инновации в системе исламского религиозного образования в России», прошедшей 14 ноября 2006 года в РИУ, стало разговор о важности интеграции исламского образования в общероссийскую систему образования. В этом

³⁶⁰ Время и деньги. 2002. 27 февраля.

духе выступил начальник Департамента межконфессионального развития Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе В.В. Карпов. Выражая позицию правительства республики, председатель Совета по делам религии при КМ РТ высказал следующие предложения: о необходимости подготовки «специалистов с исламскими знаниями: и журналистов, и филологов, и организаторов производства, и экономистов. Все, кто получит образование в рамках исламского университета, будут формировать тот имидж российского ислама, которого он заслуживает. Высокие нравственные ориентиры ислама как религии мира и добра должны отражаться в его конкретных носителях».

Страсти закипели тогда, когда Министерство образования и науки предупредило о невозможности продления срока лицензии, выданной 19 сентября 2001 года, на религиозную образовательную деятельность в рамках светского вуза, которая выдавалось в нарушение закона в качестве исключения на период становления высшего мусульманского образования. Требование приведения в соответствие закону статуса РИУ означало прекращение действия лицензии на религиозную образовательную деятельность в РИУ, который в соответствии с его Уставом был зарегистрирован как негосударственное высшее профессиональное учебное заведение. Задача состояла в том, чтобы убедить ответственных лиц государственных структур и религиозных деятелей в верности избранного пути. Во всех отношениях важно и перспективно было сохранить и отстоять разработанную концепцию и уже действующий учебный комплекс. Муфтий Г.Г. Исхаков обратился с пространственным письмом Премьер-министру РТ Р.Н. Минниханову с просьбой «сохранить» религиозный статус вуза³⁶¹, хотя никогда он таковым не был. Решение вопроса религиозного образования по предложенному варианту было простым, без финансово-организационного участия государства и привлечения интеллектуальных сил, что, по сути, вело к созданию еще одного медресе.

³⁶¹ См.: Звезда Поволжья. 2006. 9–15 февраля.

Ситуация требовала исключительно обоснованных рекомендаций и смелых действий, невзирая ни на какие угрозы и авторитеты. Перспектива развития могла развернуться на сто восемьдесят градусов, шансы были примерно пятьдесят на пятьдесят. Тогда Совет прибег к несвойственному для открытых писем приему: Премьер-министру РТ в обостренной форме были изложены позиции разных групп, что тогда, до принятия решения, оказалось оправданным и послужило интересам дела ³⁶². В частности подчеркивалось, что «в процессе деятельности РИУ не происходит осмысления наследия великих татарских теологов, практики сосуществования и выживания, в возрождении традиции (системы образования, вакуф, гошер, закят, махалли), а также исламской культуры, татарского языка, искусства как образа и примера практической жизни мусульман-татар. Таким образом, окружение муфтия продолжает оставаться в зависимости от иностранных финансовых средств и сохраняется, по сути, модель образования, свойственная чисто мусульманским странам»³⁶³. В этом плане важным был анализ ситуации в вузе за 1998-2006 гг., представленный в служебной записке от 19 мая 2006 года ректору РИУ И.К. Загидуллину проректорами РИУ М.Р. Муратовым и Н.Ю. Ибрагимовым, знающими ситуацию изнутри. Они открыто продемонстрировали болевые точки

³⁶² Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх.№ 32 от 1 февраля 2006 г. (В письме отмечалось: «Встречное предложение Отдела по связям с общественностью и межнациональным отношениям Аппарата Президента РТ о реформировании РИУ ввело руководство республики в заблуждение. Оно незамедлительно было использовано руководством РИУ для организации жалоб и обращений вплоть до Президента РФ. Оказавшийся в хвосте проблем, Отдел вместо определения в рамках политики Президента стратегической линии поведения, вносит в качестве «жвачки» предложения о рабочих группах по вопросам «перспектив РИУ» или «влияния ваххабизма», что, по сути, служит лишь уяснением проблемы для себя и уходом от ответственности. На самом деле эти проблемы уже давно обсуждались, и по ним принимались решения: в соответствии с программным выступлением Президента РТ на объединительном съезде мусульман РТ перспектива РИУ определена уже 8 лет назад, подтверждена его Посланием Государственному Совету в 2005 году...»).

³⁶³ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх.№ 32 от 1 февраля 2006 г.

в жизни вуза, формы проявления радикальных представлений и сложившуюся практику в руководстве университета.

Таким образом, в итоге возобладало мнение о конструктивности первоначально выбранного пути: сохранив нынешний светский статус РИУ, имеющий к этому моменту специальность «теология», признанную государством, развернуть открытие религиозного вуза, обеспечив его работу в одном учебном комплексе. Нынешний статус РИУ (РИИ и КИИ) полностью реализует то, что заложено в учредительных документах РИУ и решениях Совета учредителей (Совет муфтиев России, Институт истории АН РТ, ДУМ РТ). Перспективы развития РИУ были еще раз рассмотрены в рабочей группе, созданной распоряжением КМ РТ от 5 сентября 2005 г. № 1409-р в соответствии с распоряжением Президента РТ от 6 августа 2005 года № 209. На момент изучения положения в РИУ на разных факультетах обучались 205 студентов из 22 регионов России, однако ежегодно выпускались на тот момент всего 10 специалистов. Хотя эти вопросы и состояние дел были известны, а обсуждение в таком формате породило у руководства РИУ и ДУМ РТ попытки переломить ситуацию, мобилизовав чувствительные ресурсы. Предложение руководства РИУ в 2005 г. отстаивало сохранение лишь религиозной составляющей ВУЗа. В итоге были просто подтверждены все предыдущие позиции, которые были закреплены в уставных документах, решениях Попечительского совета РИУ: сохранить РИУ как негосударственное учреждение высшего профессионального образования, рассмотреть вопрос о выборах ректора, внести изменения в Устав РИУ, рассмотреть возможность финансирования университета, определить первоочередные задачи по получению лицензии по новым специальностям и ряд других³⁶⁴ важных задач.

В марте 2006 года произошла смена ректора, чему предшествовал непростой процесс согласования на разных уров-

³⁶⁴ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Вх. 22-09 от 25 сентября 2005 г. О положении в Российском исламском университете и предложениях по его развитию. В соответствии с распоряжением КМ РТ № 1409-р от 5.09.2005 г.

нях, подбор кадров, определялось и приводилось к единому знаменателю мнение учредителей и т.д. Став вновь избранным муфтием Татарстана в феврале 2006 года, Гусман хазрат Исхаков не спешил оставить пост ректора, хотя до съезда однозначно высказывался в пользу ухода с этой должности ввиду большой нагрузки в работе. Эта ситуация стала дополнительным импульсом для усиления возникшего напряжения. Кроме того работа специально созданной комиссии по изучению перспектив РИУ, хотя она уже была определена с момента его основания, давала шансы сторонникам религиозного статуса вуза на перелом ситуации в пользу реорганизации РИУ в чисто религиозное учебное заведение. Ректором стал Ильдус Котдусович Загидуллин, опытный организатор в вузовской и академической системе, который в постперестроечный период преобразовывал педагогический колледж в гуманитарный институт. При его ректорстве с марта по ноябрь 2006 года благодаря принятым решительным мерам, его настойчивости и знанию дела удалось повернуть РИУ в русло традиционного ислама, по сути, угроза возможной ваххабизации образовательного процесса была снята в период его работы на этой должности.

Вокруг РИУ страсти накалялись, появились обращения из регионов в разные инстанции, вплоть до Президента РФ с обвинениями в «узурпации» властями «религиозного» учебного заведения. Совет по делам религий при КМ РТ объяснил создавшуюся ситуацию тем, что это является «продуктом отложенного решения по вопросу руководства РИУ».

В СМИ комментировали ситуацию, в частности, Екатерина Воробьева в статье «Вуз раздора. Мусульманские и светские власти РТ не поделили исламский университет» приводит позицию сторон. В частности, И.Загидуллин, Р.Набиев сообщили о «концепции подготовки высококвалифицированных кадров, одинаково хорошо владеющих как религиозными, так и светскими знаниями», для чего важно создание «дублирующего религиозного института». Озвучивая позицию ДУМ РТ, заместитель председателя В. Якупов

тогда заявил, что «реорганизация РИУ «суть черное рейдерство, когда захватывается собственность. Мы убедились, что здесь не ставится никаких духовных целей, а только имущественный захват»³⁶⁵. Однако в такую плоскость переводить спор не было оснований ввиду того, что здание было лишь в аренде, и вопрос о собственности ни одна сторона не поднимала. Суть проблемы другой газетой преподносилась следующим образом: «Равиль Гайнутдин выступил за сохранение за РИУ статуса религиозного учреждения. ...по этому поводу Шаймиеву недавно звонил встревоженный Сурков, с которым встречался Равиль Гайнутдин. Приезжал в Казань также представитель Суркова Гришин. В ДУМе обвиняют во всем случившемся Рафаэля Хакимова и Рината Набиева председателя Совета по делам религий. ... Также в ДУМе заявили, что если бы на пост ректора РИУ был с самого начала назначен Рафик Мухаметшин, то никакого конфликта не было бы, это вполне приемлемая для ДУМа кандидатура»³⁶⁶. В данном случае не трудно понять проблемные стороны ДУМа, если проследить дальнейшие события, связанные с вынужденными изменениями его кадровой конфигурации в 2011–2013 годах.

На сегодняшний день РИУ (РИИ, КИИ) является заметным научным центром в области теологии и исламских наук. Вместе с тем его финансовые ресурсы не столь велики. К началу 2007 года проект сметы денежных расходов, подписанный ректором Р.М. Мухаметшиным и представленный на имя председателя Совета по делам религий при КМ РТ Р.А. Набиева, составил для вуза скромную сумму – 18867,0 тыс. рублей. Финансовые поступления несколько увеличились после создания Федерального фонда поддержки развития исламского культуры, науки и образования, прежде всего, за счет реализации разных проектов в рамках деятельности данного фонда.

³⁶⁵ Коммерсант. 2006. 4 мая.

³⁶⁶ Звезда Поволжья. 2006. 12–17 мая.

Организаторами Международной научно-практической конференции «Обновленческие движения в Исламе» (декабрь 2011г., Казань) выступили Казанский федеральный университет, Российский исламский университет и Международная межправительственная исламская организация по образованию, науке и культуре (ISESCO). Набор участников оказался представительным: доктор Тауфик Рамадан Буты (Сирия), Султан Абу Ураби Аль-Адван (Иордания), Жан Радвани (Франция), Мухаммад Атыф Аль-Иракый (Египет), исследователи из Малайзии, Боснии и Герцеговины, Узбекистана и Саудовской Аравии³⁶⁷.

IV Международная исламская теологическая конференция «Работа с мусульманской молодежью в образовательных учреждениях и религиозных объединениях в России и за рубежом» прошла 25 ноября в Москве. Ее организаторы — Московский исламский университет и Санкт-Петербургский государственный университет. В конференции приняли участие руководители исламских вузов и средних специальных учебных заведений, входящих в состав Совета по исламскому образованию, в том числе руководители Северокавказского исламского университета им. Абу Халифы, медресе «Мухаммадия», «Хусаиния», «Шейх Саид», «Билляр», «Нур аль-иман», «Ак мечеть», «Махинур» и др.³⁶⁸ Это показывает, что преподавательский состав комплекса не только стремится к улучшению качества преподавания, но и готов поделиться опытом работы с коллегами. Российский исламский институт (РИУ) стал соучредителем наряду КФУ и АН РТ международной научной конференции «Социокультурный потенциал межконфессионального диалога в полиэтничном пространстве Европейского Востока» (май, 2013), проведенной в рамках исследовательского цикла «Культура, религия и общество».

В целом, на данный момент РИУ постепенно становится научно-методическим центром исламского образовательно-

³⁶⁷ Ислам Минбаре. 2011. № 12 (193).

³⁶⁸ Там же.

го пространства. Ежегодно на базе университета проводятся научно-практические конференции, форумы, круглые столы. Сложный период в судьбе Российского исламского университета был преодолен. Кафедра естественно-гуманитарных дисциплин включает по состоянию на 9 сентября 2006 г. 17 преподавателей из которых 7 кандидатов наук и два доктора наук, кафедра религиозных дисциплин насчитывает 13 преподавателей, среди которых выпускники Мединского университета, университета Аль-Азхар (Египте), Умм-аль-Кура (Королевство Саудовская Аравия), Международного исламского университета в г. Исламабад (Пакистан), Центра подготовки Коран-хафизов в г. Душанбе (Таджикистан), Ташкентского исламского университета (Узбекистан). Соотношение светских и религиозных предметов на факультете исламских наук – 52,1–53,5 % (религиозных дисциплин), 46,5–47,9 % (светские предметы), на факультете теологии 72% предметов – это светские дисциплины, 28 % – дисциплины религиозные³⁶⁹.

В целом, рассмотрение учебных программ и процессов формирования учебно-методической базы в системе мусульманского образования показывает, что имеется ряд проблемных моментов, как в унификации учебных программ, так и в создании единого учебно-методического комплекса, а также имеются проблемы, связанные с уровнем профессорско-преподавательского состава, и уровнем разработанных программ ряда медресе страны.

Несмотря на то, что система образования носит светский характер, необходимость в возрождении структуры мусульманского образования очень велика. С ориентацией на демократический вектор был осуществлен проект, направленный на оживление процесса возрождения исламских образовательных ценностей, соответствующих традициям и культуре народов России. Анализируя факторы, имеющие прямое отношение к дальнейшему развитию и формированию си-

³⁶⁹ Нафиков И.З. Формирование системы мусульманского образования в России (1990-е–2000-е гг.): Автореферат канд. дисс. ... Казань, 2013. 22 С.

стемы традиционного мусульманского образования, можно отметить, что процесс переподготовки кадров, организация курсов повышения квалификации имамов мечетей, преподавательского состава, утверждение учебных программ (в частности магистерской программы в рамках специальности «Исламская теология») находится на стадии интеграции не только в среду мусульман, но и в общероссийское образовательное пространство.

Проблемы процесса возрождения системы мусульманского профессионального образования на постсоветском пространстве поставили совместные задачи перед различными структурами общества. При этом важно отметить, что мусульманская умма республики, ориентируясь на систему джадидского мусульманского образования дореволюционного периода, утратила многие достижения в советский период, что стало причиной образовавшегося вакуума в исламской образовательной системе. Но благодаря стремлению сохранить и укрепить толерантное сознание в среде российских мусульман, духовенство совместно с государственными структурами и научными институтами смогли положить начало восстановлению системы мусульманского образования.

Одним из немаловажных факторов в формировании системы традиционного мусульманского образования является возрождение научно-методической базы, во многом также утерянной в советский период. Решение поставленной задачи было возложено на университетские научно-издательские центры. Это позволило не только противодействовать радикальной религиозной литературе, но и реанимировать традицию репринтного издания известных татарских богословов.

В настоящее время появляются новые имена среди исламоведов, теологов, воспитанных в рамках системы традиционного мусульманского образования. В то же время увековечены имена тех, чьи старания стали опорой исламской уммы современной России. Татарская община Санкт-Петербурга при поддержке постоянного представительства

Татарстана в Петербурге и Ленинградской области решила увековечить память о деятельном имаме, во многом благодаря стараниям которого в городе появилась Соборная мечеть, ставшая одной из его достопримечательностей. Бюст просветителя из бронзы выполнила петербургский скульптор Венера Абдуллина³⁷⁰.

В результате были созданы и ныне функционируют профессиональные мусульманские учебные заведения, основная задача которых – подготовка квалифицированных кадров в традициях российских мусульман. Созданный в 1998 году Российский исламский университет, объединив вокруг себя профессиональные медресе, становится полноценным научно-методическим центром исламского образовательного комплекса. Концепцию развития исламского вуза в новых исторических условиях общими усилиями удалось сохранить, что получило закрепление во внутреннем структурно-содержательном развитии и открытии исламского религиозного вуза. На основе данного центра проводится переподготовка представителей духовенства, реализуется возможность получения как высшего религиозного, так и светского образования.

3. Молодежь и женщины в конфессиональной жизни

В богатом разнообразии обществоведческих исследований конфессиональной жизни социология религии в контексте специфики полиэтнокультурного пространства всегда занимает заметное место. Выявление самочувствия общества через призму анализа религиозных отношений, проведения замеров общественного мнения посредством отношения к религии вообще и особенностей его проявления у представителей таких социальных групп, как молодежь и женщины, представляется интересным и важным. Настроения

³⁷⁰ Ислам **минбәре**. 2012. № 2 (195).

этих групп населения можно проследить по оформившимся женским и молодежным движениям, окрашенным религиозно-культурной идентификацией.

В России имеются примеры массового религиозного «обращения» людей разных возрастов и профессий, но особенно интенсивно эти процессы протекают в среде молодёжи. Это и понятно, т.к. у неё происходит формирование собственных духовных приоритетов. Для нынешней молодёжи резко изменились условия «вхождения» в жизнь, существенно ограничены возможности полноценного гражданского развития, во многом, ею утеряны моральные и нравственно-идеологические ориентиры. Резко ослаблена роль институтов социализации молодого поколения, будь то семья, школа, система высшего и профессионального образования, общественно-политические организации, движения, СМИ и коммуникации. Своё место в этом ряду активно занимает и религиозность, внося в усложнившийся процесс социального становления юношей и девушек нечто новое³⁷¹.

Учитывая реалии нашего общества и, в частности, смену ориентиров не только в государственной политике, но и в системе социализации подрастающего поколения, приоритетным в границах означенной проблемы представляется феномен религиозности молодёжи, так как именно религиозные установки и религиозные стереотипы молодого поколения в наибольшей мере обуславливают направленность межконфессионального взаимодействия. В условиях кризиса идентичности религия начинает выступать в качестве компенсирующей основы, но по этой же причине с ростом уровня образования обрядовая, бытовая религиозность переходит из сферы общепринятых традиций в область духовного поиска.

³⁷¹ Фазлиев А.М. Религиозная составляющая духовно-нравственных представлений и ориентиров современной молодежи // Толерантность как фактор межэтнического и межконфессионального взаимодействия и сближения культур в условиях глобализации 2010: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 16–18 ноября 2010 г., Казань / Казан. ун-т; оргкомитет: Л. Р. Усманова и др. Казань: Изд-во «Отечество», 2010. С. 241.

Для объективного понимания роли и места религии в сознании молодёжи важно учесть и то, что значительное число молодых людей – не только верующих в Бога, но и представителей других мировоззренческих групп, включая индифферентных и неверующих, – считает себя сторонниками традиционных религий. Здесь ярко прослеживается связь религиозного и национального самосознания. Отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, молодёжь в то же время относит себя к приверженцам традиционных религиозных объединений. Таким образом, православие или ислам воспринимаются не только как собственно религиозная система, а как естественная культурная среда, национальный образ жизни.

Молодое поколение в возрасте до 29 лет составляет в республике 42%, в том числе молодёжь старше 16 лет – 22%. И именно эта категория населения в сложившийся социально-экономической обстановке является наиболее незащищенной и подверженной различным радикальным и экстремистским идеям. Анализ процессов, протекающих в молодежной среде РТ, свидетельствует о сохранении, на фоне существующих и вновь возникающих угроз безопасности в целом по стране, условий для проникновения представителей преступных сообществ и экстремистских сил в эту среду и использования ее в качестве орудия для достижения своих целей. Татарстан является одним из крупнейших в РФ научно-образовательных и студенческих центров. Здесь проживают и учатся более 200 тысяч студентов, из них – около 2000 иностранных студентов из 20 стран ближнего и дальнего зарубежья. Это объективно вызывает интерес со стороны националистических и радикальных религиозных структур к населению РТ, в том числе к молодёжи³⁷².

Формально в республике действует порядка 30 официальных крупных студенческих молодёжных организаций,

³⁷² Фазлиев А.М. Духовные ориентиры молодёжи Татарстана в условиях новой конфессиональной политики государства (1990–2000-е гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2011. С. 20.

находящихся под патронажем Министерства по делам молодёжи, спорту и туризму РТ. Это, например, «Совет молодёжных организаций», «Союз молодых юристов», «Академия творческой молодёжи», Движение «Мы», «Движение молодых ученых и специалистов», Молодёжный центр «Идель», «Лига студентов РТ» и т.д. Указанные организации вошли в состав Общественной молодёжной палаты при Государственном Совете РТ. Однако, как показывает анализ ситуации, весомым влиянием на молодёжь данные организации не обладают и существенного воздействия на политическое и идейно-патриотическое воспитание студенчества не оказывают³⁷³.

Указанные обстоятельства актуализируют проблемы реализации государственной молодёжной политики, которая в республике рассматривается как один из приоритетов политической жизни. В Татарстане создана и совершенствуется нормативная база, обеспечивающая скоординированную работу государственных и правоохранительных органов по профилактике экстремизма в молодёжной среде. Действуют Законы РТ «О молодёжи и государственной молодёжной политике», «Об участии граждан в охране общественного порядка в РТ», Комплексная программа по профилактике правонарушений в РТ на 2011–2014 гг., Республиканская целевая программа по профилактике терроризма и экстремизма в РТ на 2012–2015 гг., программа патриотического воспитания детей и молодежи в РТ, постановления КМ РТ, решения Межведомственной комиссии Совета безопасности РТ. Во многом благодаря этому взаимодействию обстановка по линии борьбы с распространением в молодёжной среде республики различных форм экстремизма в целом сохраняет свою стабильность и контролируется правоохранительными органами. Однако, несмотря на принимаемые меры, члены религиозно-экстремистских и националистических структур

³⁷³ Фазлиев А.М. Духовные ориентиры молодёжи Татарстана в условиях новой конфессиональной политики государства (1990–2000-е гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2011. С. 20.

не прекращают попытки вовлечения в свои ряды молодых татарстанцев³⁷⁴.

В процессе «религиозного возрождения», исходя из конкретных задач выражения того или иного аспекта, можно выделить ряд этапов развития. Например, развитие этноконфессиональных отношений можно условно разделить на следующие этапы. Первый – конец 1980 – первая половина 1990-х годов – характеризуется ростом количественных показателей религиозности, превалярованием ее проявления в быту. Религиозность выступает формой этноконфессионального самосознания народов, причем у русских на этом этапе оно менее выражено. Для этноконфессиональных отношений характерна высокая степень толерантности. В основе этого в немалой степени лежит близость систем ценностей русских и татар. Причем по социологическим данным 2010 года, приведенным исследователем Г.И. Макаровой, в последние десять лет общие ценности преваляруют: речь идет о таких параметрах, как здоровье, личная безопасность, служение Богу, Аллаху³⁷⁵ и т.д. Государство официально придерживается политики нейтралитета. Тогда же происходит образование новых духовных управлений мусульман и епархий РПЦ.

Во второй половине 1990-х гг. на первый план выходят внутриконфессиональные проблемы качественного состояния той или иной конфессии: религиозного образования, подготовки священнослужителей, единства религиозного руководства. Роль государства в конфессиональной политике и этноконфессиональных отношениях на данном этапе усиливается. В эти годы наблюдается рост этноконфессиональ-

³⁷⁴ Фазлиев А. М. Молодежь и религия в эпоху политических трансформаций // Межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в условиях глобализации: на пути к формированию гражданской идентичности 2011: Сборник материалов II-ой Междунар. науч.-практ. конф. 16–18 ноября 2011 г., г. Казань / SIGRI; оргкомитет: Л.Р. Усманова и др. Казань: Изд-во «ТАИ», 2012. С. 340.

³⁷⁵ Макарова Г.И. Идентичность татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан / Г.И. Макарова. Казань: Казан. ун-т, 2010. 118–119 С.

ного самосознания русских, сопровождающийся усилением межконфессиональной дистанции в обществе. Третий период – с начала XXI в., когда этноконфессиональные отношения начинают все более тяготеть к политико-правовой сфере общественной жизни. Усиливается значимость религиозного фактора в политической жизни, в том числе в международных масштабах. Следует отметить расширение числа субъектов этноконфессиональных отношений. Действия государственных властей в различных ситуациях работали либо на ослабление, либо на усиление этноконфессиональной лояльности³⁷⁶.

Тема этноконфессиональных отношений в современном Татарстане остается актуальной по сей день, и она изучалась в ходе нескольких крупных исследований³⁷⁷. При этносоциологическом подходе к этой проблеме значимыми оказываются не только формы проявления и функционирования религии, этноконфессиональных отношений, но и, то какими они представляются самим верующим и воспринимаются обществом, как регулируются государством. Результаты проведенных исследований подтверждают прогнозируемый ранее рост религиозности населения, связанный с уровнем религиозного сознания, что требует сложных и глубоких замеров.

Таким образом, процесс формирования духовности и толерантности российской молодёжи неразрывно связан

³⁷⁶ Мусина Р.Н. Процесс «религиозного возрождения» народов России на рубеже XX–XXI вв. // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В.А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. С. 103.

³⁷⁷ «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в РФ», 1994–1996 гг.; «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», 1997–1998 гг.; «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в РФ», 1999–2000 гг. (рук. Л.М. Дробужева); а также авторское исследование Р.Н. Мусиной «Ислам и проблемы этнической и конфессиональной толерантности», 1996–1997 гг. и молодёжный проект «Современные этнокультурные процессы в молодёжной среде Татарстана: Язык, Религия, Этничность», 1999 г.; «Процесс исламизации в Татарстане: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодёжи», 2000 г. (рук. Е.А. Ходжаева, Е.А. Шумилова).

с религиозными ценностями, в особенности, ценностями ислама и православия, как наиболее распространенной религии в регионе. Однако уже сейчас перед Русской Православной Церковью и мусульманской уммой России все более остро становится проблема непосещения современной молодёжью церквей и мечетей, и ее обращение в различные западные и восточные псевдорелигиозные организации и объединения. Характерным явлением для «сект» (культов – в западной терминологии) является злоупотребление социальной и духовно-нравственной незрелостью современной молодёжи ради личных, коммерческих или даже политических интересов определенных групп и конкретных личностей.

Религиозность населения в целом уже давно является предметом внимания зарубежных и отечественных учёных-социологов, а вот масштабные комплексные социологические исследования религиозности российской молодёжи (в том числе и в Татарстане) начались не так давно. Предметом этих исследований являются верования молодёжи; её отношение к религии; религиозная деятельность, факторы, влияющие на религиозность молодых людей. Объектом таких исследований, как правило, является молодёжь (15–30 лет), учащаяся в различных учебных заведениях. Социология религиозности молодежи является специальной социологической дисциплиной, формирующейся на стыке религиоведения, социологии религии, социологии молодежи и других дисциплин. Предметом социологии религиозности молодёжи является изучение состояния, типологии и тенденций формирования религиозного сознания, включающего веру, мировоззренческие представления, переживания и знания, а также религиозного опыта и поведения молодёжи в индивидуальной, групповой и массовой формах.

Центральным понятием социологии религии в молодёжной среде выступает «религиозность молодёжи», которое предполагает, прежде всего, выявление степени приобщения молодёжи к религиозным ценностям и системам.

Современное общество нуждается в новом подходе к воспитанию в молодом поколении более устойчивых качеств толерантности, патриотизма, уважения традиционных духовно-нравственных ценностей. При определении отношения молодежи к религии важно иметь в виду следующие обстоятельства: религия выступает в качестве источника духовного роста и умиротворения (этическое учение Корана и арабская графика для мусульман, Библия и каноническая литература, живопись по библейским сказаниям для христиан и др.), а также в качестве источника конфликтов:

- а) внутри человека (верить – не верить и т.д.);
- б) внутри общины;
- в) конфликты двух сторон (муллы между собой, духовенство и граждане, духовенство одной религии и другой, мусульмане и христиане и т.п.).

Отношение молодёжи к религии во многом будет зависеть от того, с какой стороной религии он столкнулся впервые (лично, в семейном споре, или как-то иначе), какое эмоциональное впечатление она оказала на него, какое логическое представление сложилось в уме этого человека.

Если еще 10–15 лет тому назад среди всех возрастных групп самый низкий показатель религиозности (1–2%) был среди молодых (среди взрослых – около 10%), то ныне возрастные различия не влияют сколько-нибудь заметно на религиозность населения. Относительно заметная разница фиксируется лишь среди верующих в сверхъестественные силы, что, видимо, связано с увлечением молодежи различными формами нетрадиционной религиозности, в том числе вневероисповедной мистикой (вера в общение с духами, магию, знахарство, гадание, колдовство, астрологию). Развитию отмеченного интереса к оккультизму, эзотерическим направлениям, всегда возрастающего в эпохи крутых общественных перемен, содействует и распространяемая в последнее время в изрядном количестве нелегально издаваемая оккультная литература пропагандистского толка³⁷⁸.

³⁷⁸ Фазлиев А.М. Религиозная составляющая духовно-нравственных представлений и ориентиров современной молодежи // Толерантность как фактор

Социологические исследования последних лет, проведенные в республике, стабильно фиксируют рост религиозности и национального самосознания населения Татарстана. В условиях роста роли этноконфессионального фактора в жизни современного общества особый интерес и вес приобретает проблема религии в молодежной среде. Так как именно молодое поколение показывает и определяет тенденции нашего дальнейшего развития. Религиозное возрождение в Республике Татарстан, особенно ярко проявившееся после распада СССР, шло рука об руку с этническим. Растущая среди молодежи приверженность к религии (в т.ч. и «формальная») приводит к реальному росту этничности. И поскольку в молодежной среде поиск новых идентичностей особенно актуален, представляется интересным проиллюстрировать подобный тезис результатами ряда исследований и опросов. В качестве основных индикаторов религиозности приняты показатели религиозного сознания и религиозного поведения. Уровень религиозного сознания определяется ответами на вопрос «Верующий ли Вы человек?».

Начнем с того, что 90% молодых людей разных национальностей в Татарстане считают, что религия способна поднять духовно-нравственный уровень человека. С религиозностью она связывает проявление таких качеств личности как душевность, жизнерадостность, забота о людях, терпимость, уважение к людям.

К примеру, татары возлагают большие надежды на формирование нравственного сознания молодежи на основе учения Корана, с помощью мусульманских традиций. Да, эти традиции пока еще не умерли в сознании старшего поколения, которое пусть и слабо, но влияет на умы молодых. Видимо, благодаря этому положительное отношение к возрождению религиозных ценностей высказало 58% опрошен-

межэтнического и межконфессионального взаимодействия и сближения культур в условиях глобализации 2010: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 16–18 ноября 2010 г., Казань / Казан. ун-т; оргкомитет: Л. Р. Усманова и др. Казань: Изд-во «Отечество», 2010. С. 243.

ных, отрицательное отношение – 34%. Несмотря на высокую оценку религии, в среде учащейся молодежи только 12% активно ориентированы на нормы и предписания Корана или Библии. Только 8% из них формирует новое отношение к себе и людям, явлениям общественной жизни под воздействием религиозного чувства и учения; лишь для 5% опрошенных религиозный опыт положительно сказывается на занятиях учебной, научной, искусством, культурой³⁷⁹.

Положительное отношение молодёжи к религии говорит об объективной потребности в идеологической направленности сознания, о поиске духовной опоры в жизни, о естественном стремлении человека к познанию истины. Ученые такое отношение считают результатом больше импульсного (т.е. подсознательного), чем сознательного выбора. Действительно, у молодёжи нет глубоких знаний в области религии, 65% показывает лишь отрывочные, бессистемные знания по истории христианства и ислама; у половины опрошенных молодых людей нет знаний основных этических норм и положений этих религий; 83% слабо ориентируются в содержании религиозных сюжетов, только 10% читают Библию или Коран³⁸⁰. Зная, что мечети и церкви молодёжь посещает достаточно редко и не так охотно, и что среди духовенства республики мало широко образованных людей, надеяться на чудо перевоспитания массового сознания, в общем-то, не приходится. Испытывая недостаток религиозных знаний, представители молодёжи считают, что этот пробел должна ликвидировать общеобразовательная школа. Здесь уместно отметить, что Информационное письмо министра образования РФ от 22 октября 2002 года о преподавании основ православной культуры, вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Обращает на себя внимание тот факт, что причина недовольства преподаванием основ православной культуры в государственных школах была вызвана не атеистическими, а конфессиональными предпочтениями. Стремление РПЦ

³⁷⁹ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Соцэкгиз, 2000. С. 229–250.

³⁸⁰ Там же.

монополизировать религиозную составляющую в обучении и воспитании детей и молодёжи находит только непонимание и жесткую критику со стороны приверженцев других религий. В настоящее время Министерство образования и науки РФ постепенно вводит преподавание истории религии в школах и вузах уже не в качестве факультативного, а базового предмета, причем это должна быть история всех религий, а не только христианской или иной культуры.

Исходя из всего вышеизложенного, одной из важнейших причин сохранения светского характера системы образования и закономерного препятствия на пути активного внедрения религии в процесс воспитания является поликонфессиональная структура населения страны. Влияние мусульманского и православного духовенства распространяется пока только на старшее поколение, в основном на женщин. Молодое поколение, хотя и осознает значимость религии, не торопится включаться в освоение религиозного учения. Общее образование детей и молодёжи в государственных школах с утверждением Министерством образования РФ «стандарта» содержания обучения не стимулирует отхода от атеистического мировоззрения и принятия на веру учений Библии, Корана и других священных книг. Подобная ситуация наблюдается и среди верующих остальных конфессий.

Но, обо всем по порядку. В 60–70-х годах основная часть молодёжи относилась к атеистам, в 80-х шёл рост в группе колеблющихся, а в 90-х годах, как уже отмечалось, ситуация изменилась коренным образом. По результатам исследования 1994 года к верующим отнесли себя 41,1% опрошенных татар в возрасте 18–19 лет; 58,1% – 20–24 года; 60,7% – 25–29 лет. Среди русской молодёжи эти показатели были следующими: 57,1% – 52,9% – 50%³⁸¹. Интересно здесь то,

³⁸¹ Исследование 1994–1995 гг. (1994 г. – массовый опрос; 1995 г. – опрос элиты) проводилось в рамках международного проекта «НИК» (научный руководитель проекта Л.М. Дробижева; руководитель обследования в РТ – Р.Н. Мусина) опрошено 1240 человек. Подробнее о программе исследования, принципах выборки в работе: Национальное самосознание и национализм в РФ начала 1990-х годов. М.: Наука, 1994. 214 с.

что с возрастом религиозные чувства у татар усиливаются, а у русских до определённой степени ослабевают. Исследование, проведённое в Казани в 1997 году среди 16–17-летней молодёжи – учащихся средних учебных заведений – также показало достаточно высокую степень религиозности: 63,1% татарской и 64,8% русской молодёжи назвали себя тогда верующими, причём лишь 5,8% среди татар и 2,2% среди русских – верующими и соблюдающими религиозные обряды; 6,3% татар и 3,8% русских утверждали, что регулярно (чаще 1 раза в день) молятся; соответственно 3,9% и 6% регулярно (хотя бы раз в месяц) посещают мечеть или церковь; 19,8% татар и 38,1% русских бывают там по религиозным праздникам и семейным событиям³⁸².

По представленным данным специальных этносоциологических исследований среди республиканской молодёжи (научный руководитель Р.Н. Мусина), проведённых в 1990–2000-е гг. в РТ, к верующим отнесли себя более 70% опрошенных. Среди них 28% стараются соблюдать религиозные обычаи и обряды, 43% – их не соблюдают, что можно реально рассматривать как второстепенность обрядовой стороны религии, её догматических норм в религиозном сознании молодого поколения. Остальные респонденты по степени религиозности распределились следующим образом: колеблющиеся – 8,7%; неверующие, но уважающие религиозные чувства других – 15,3%; 5,5% затруднились ответить. Практически не оказалось среди молодёжи республики атеистов, считающих, что с религией нужно бороться (менее 1% опрошенных)³⁸³. Другим фактором, определившим изменение отношения к религии в массовом сознании, является

³⁸² Данные проекта «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование» (1997 г.). Руководители проекта: М. Губогло, С. Туманов, руководители исследования по Казани: Е.П. Бусыгин и Г.Р. Столярова. Опрошен 841 человек в школах, лицеях, ПТУ и средних специальных училищах и техникумах Татарстана.

³⁸³ Современные этнокультурные процессы в молодёжной среде Татарстана: язык, религия, этничность / Я.З. Гарипов, Р.И. Зиннурова, К.М. Миннуллин, Р.Н. Мусина, Р.М. Мухаметшин, Л.В. Сагитова. Казань: «Школа», 2000. С. 25.

специфика переживаемого обществом переходного периода. В религии часть молодёжи ищет моральную опору и надежду на гармонизацию жизни, средство духовно-нравственного совершенствования. Немаловажное значение для молодёжи имеет и определённая мода, подкрепляемая СМИ, деятельностью религиозных и общественно-политических организаций. К тому же участвовавшие попытки различных политических сил превратить православие в государственную религию России стали ещё одним фактором, усилившим обращение этнических групп к «своим национальным» религиям. Хотя доля верующих во всех обследованных этнических группах почти одинакова (около 70%) всё же наблюдается различие в их религиозном сознании. Среди татарской молодёжи больше (чем среди представителей других этнических групп) верующих, старающихся соблюдать религиозные обычаи и обряды, меньше колеблющихся³⁸⁴.

Все это свидетельствует о том, что религиозность молодёжи в современной России, имеет сложную структуру и не поддаётся однозначной оценке³⁸⁵. Нерелигиозный тип мировоззрения продолжает занимать значительное место в сознании молодых. Сегодняшняя молодёжь в большей мере выступает за сохранение семейных и национальных ценностей, и при всей озабоченности злободневными общественно-политическими реалиями, не готова в настоящее время к их решительной переделке. Таким образом, современное российское разнообразие этнической и конфессиональной жизни во многом определяет особенности процессов, происходящих в молодёжной среде, в которой как в зеркале отражаются проблемы всего нашего общества.

³⁸⁴ Мусина Р.Н. К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) / Р.Н. Мусина // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. 1. Казань, 1992. С. 52–65.

³⁸⁵ Фазлиев А.М., Набиев Р.А. Феномен «формальной религиозности» в контексте развития государственно-конфессиональных отношений в Республике Татарстан // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 2., ч. 2. С. 234.

Женское мусульманское движение постсоветского мусульманского возрождения представляет собой один из ключевых факторов в активизации и роста мусульманского самосознания, ориентированного на ислам населения. В контексте процесса социально-политической трансформации общества и возрождения духовно-нравственного наследия народов России, ислам становится одной из наиболее динамично развивающихся конфессий. Традиционно наиболее активной социальной группой является молодежь, а сфера религии женщинам обязана за не столько консервативность, сколько за устойчивость в исполнении религиозной обрядовой системы и сохранении традиций.

В дореволюционной России активную деятельность в области просвещения, в решении социально значимых вопросов, адаптации к динамично меняющемуся обществу проявляли организованные формы женского мусульманского движения. Съезд женщин-мусульманок России, собравшийся в 1917 г. в г. Москве, является своеобразной вершиной мусульманского женского движения. Именно после февральской революции происходит создание основ прорыва к равенству, «движение идей перерастает в движение организаций, татарские женщины одними из первых тогда ясно заявили о необходимости перемен», в частности, дочь Гаспралы Шафика-ханум заявила, что надо слушать непредубежденных мулл, «чтобы знать права женщин в исламе»³⁸⁶. Подлинное пробуждение женской активности в царской России связано с реформаторским движением среди мусульман, с переходом татарского традиционалистского общества к модернизму, сердцевиной которого являлось движение джадидизма³⁸⁷.

Известно, что конфессиональная составляющая женского движения в советский период сходит на нет, если не

³⁸⁶ Фаизов С.В. Движение мусульманок России за права женщин в 1017 г.: контуры забытого прорыва равенству / Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Нижний Новгород, 2006.

³⁸⁷ См. подробнее: Мәхмүтова А.Х. Вакыт инде: без дә торыйк. (Жәдитчелек һәм хатын-кызлар хәрәкәте формалашу): очерклар / А.Х. Мәхмүтова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 366 б.

считать формы существования бытового ислама. Именно женский фактор в исламе в первую очередь сыграл доминирующую роль в сохранении религиозных духовно-нравственных традиции и мусульманской идентичности.

После разрушения коммунистическо-атеистической системы и окончания советского периода, с определением курса на демократизацию постсоветского общества, появляются на основе собственных инициатив организации женщин-мусульманок «Муслима», «Союз мусульманок Татарстана» и так далее. В процессе создания и деятельности этих общественных организаций Совет по делам религий при КМ РТ оказывал консультативно-методическую помощь, прежде всего, в организационных и правовых вопросах. Они стали проводить активную социально ориентированную деятельность, демонстрируя истинные ценности ислама и готовность к диалогу. Религиозно-нравственный потенциал ислама в загадочной форме находит отражение в повседневной жизни, о чем многие известные писатели, поэты и ученые писали и обращали свое внимание.

Женское движение само по себе разнообразно, охватывает широкий круг социальных, общественных и профессиональных интересов. В настоящее время в Российской Федерации официально зарегистрировано 164 женских организации, из них в республике действуют 7: «Женщины Татарстана», «Ак калфак», «Таяныч», «Фемина», «Движение женщин России» (ДЖР), Организация женщин предпринимателей РТ, «Красный полумесяц»³⁸⁸. В России 1990–1996 гг. постепенно формируются женские мусульманские организации. Принятый закон «Об общественных объединениях» способствовал развитию таких организаций постановкой женского вопроса в период перестройки и первыми попытками его решения. Доброй реакцией на новые перемены стали серии мероприятий в районах, проведенные республикан-

³⁸⁸ Шафигуллина Л.Р. // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2005 года. Тезисы докладов. Казань, 2005. С. 28.

ской организации «Женщины Татарстана», при поддержке Правительства РТ и Зили Валеевой как руководителя организации. Например, в селе Богатые Сабы в день мусульманского праздника Мигража провели всестороннее обсуждение проблем женщин села: социальные, культурные вопросы, женщины и власть, о добре и милосердии³⁸⁹. Формой проявления активности мусульман является способность самоорганизации, формулировки и постановки задач на ближайшую перспективу, в частности, принятых в различных форумах. В этом плане показательным является казанский форум 300 мусульманок-делегатов из 40 регионов России, приуроченный к 90-летию со дня проведения I съезда мусульманок в Казани в 1917 году. Среди организаторов мероприятия были Общественная организация женщин Татарстана «Муслима», Министерство культуры РТ, Республиканская общественная организация «Женщины Татарстана», и «Ак калфак», исполком Всемирного конгресса татар и Союз мусульманок Татарстана. «Сегодня мусульманка не имеет права стоять в стороне от общественной жизни, – считает инициатор проведения форума руководитель организации «Муслима» Альмира Адиятулина. – В то время, когда вокруг пропагандируются разврат, алкоголь и другие пороки, мусульманские женщины должны принимать активное участие в оздоровлении общества, распространении морально-нравственных ценностей, воспитании будущего поколения», – сказала на форуме лидер мусульманок Татарстана³⁹⁰.

Созданная 1995 году по инициативе Альмиры Адиятулиной Общественная организация РТ «Муслима» объединила женщин-мусульманок, которые развернули широкую организационно-разъяснительную работу. Она со своими единомышленниками в 2003 году добилась для женщин-мусульманок права фотографироваться на паспорт в платках, с центральных улиц Казани были убраны щиты с антинравственной рекламой, игровые автоматы, возле мечети «Кул-

³⁸⁹ Казанские ведомости. 1996. 18 декабря.

³⁹⁰ Ислам минбаре. 2007. № 8–9. август-сентябрь.

Шариф» снесен пивной бар, восстановлены дома и музеи, принадлежащие известным мусульманским ученым и общественным деятелям.

Активность мусульманок в эти годы была весьма заметной и в обществе возникли весьма серьезные споры. Например, в связи с отказом Вахитовского районного суда Казани в иске трем женщинам Нижнекамска (Гельфания Ахметшина, Гульнур Нуриева, Минниса Муксинова), отстаивающим право фотографироваться на паспорт в платках по религиозным мотивам, московский журналист Георгий Бовт однозначно высказался против указанных просьб верующих. Он пытался обосновать свою позицию тем, что это «может стать элементом исламского фанатизма» и любая уступка может привести к новому 11 сентября, т.е. террористическим актам³⁹¹. В этом вопросе умеренная позиция государства возобладала, и просьбу мусульманок власти удовлетворили. В последующие годы в планы организации «Муслима» входило прекращение ежегодно проводимого летом под стенами Казанского кремля и мечети Кул-Шариф рок-фестиваля «Сотворение мира»³⁹².

Для выполнения просветительских задач и предоставления возможности информирования о мусульманской жизни, а также обмена опытом выходит газета «Муслима», бессменным главным редактором которой с момента ее основания (1997) является Альмира Адиятуллина. Она стала популярным и узнаваемым лидером мусульманок региона, а издаваемая ею газета становится все более и более привлекательной с информационно-содержательной стороны.

В целях возрождения традиций, специфичных именно для женщин- мусульманок реализуется проект «Баш кода» («Сваха»), который решает как вопрос возрождения и сохранения традиций, так и ориентируется на актуальную проблему семейно-брачных отношений. К данному направлению

³⁹¹ Известия, 2002, 2 августа.

³⁹² Интервьюирование председателя женской мусульманской организации «Муслима» Альмиры Адиятуллины, 8. 02.12 года.

проектов относится центр создания семьи «Ханума», центр сохранности семьи и семейных традиций «Талакка кадэр»³⁹³. В таком же духе в высших учебных заведениях студентами организован клуб «Азан», открыта единственная в России национальная «Школа невест», основная задача которой – подготовка к будущей семейной жизни³⁹⁴.

Мусульманская одежда, хиджаб, один из обсуждаемых и спорных вопросов в нашем постсоветском пространстве. Время от времени этот вопрос привлекает внимание политиков и общественности, например, какая должна быть школьная форма в светском учебном заведении и есть ли место в нем хиджабу. С учетом своей женской натуры, эстетических запросов мусульманки разрабатывают новые модели одежды, соответствующие требованиям ислама, открываются специализированные магазины и ателье по пошиву мусульманской одежды. Только в Казани насчитывается около десяти подобных учреждений. В этом направлении проводятся конкурсы дизайнеров национального костюма мусульманской моды «Islamic fashion» («Исламская мода»). Формированию эстетических запросов и осуществлению обмена опытом служат конкурсы женской красоты «Мусульманка года», которые проводятся с 2006 года³⁹⁵.

Таким образом, через призму поисков духовных ориентиров молодежи и участия женщин не только в чисто религиозной ритуалистике, но и в социокультурной жизни мы наблюдаем элементы процесса социализации уммы в контексте развития гражданского общества. Чтобы этот процесс стал устойчивым и системным, важна целенаправленная и взаимодополняющая деятельность общественных и государственных структур, взаимопонимание лидеров религиозных сообществ и политическая воля наделенных властью государственных лиц.

³⁹³ Soyuzmusulmanok.ru – дата обращения 20.11.2012 г.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Там же.

4. Партнерство в социальном служении конфессий и государства

Одним из важных направлений деятельности религиозных организаций, которое имеет пересечение с функциями государственных структур, является сфера социальной работы среди населения. По мнению Путина, которое было высказано 1 февраля 2013 г. на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви: «Русская Православная Церковь, другие традиционные религии должны получить все возможности для полноценного служения в таких важнейших сферах, как поддержка семьи и материнства, воспитание и образование детей, молодёжная политика, решение социальных проблем, которых у нас ещё очень и очень много, укрепление патриотического духа Вооружённых сил Российской Федерации»³⁹⁶. В данном случае речь не идет о переложении государственных обязанностей на религиозные структуры, а, прежде всего, об организации социального партнерства.

С конца 1980-х гг. роль религии и ее социальных институтов неизмеримо возрастает. Религиозные организации в новых условиях постепенно раскрывают свой невостребованный потенциал. Помимо выполнения функций исключительно богословского характера, конфессиональные институты активно внедрились в такие сферы деятельности как благотворительность, социальная работа, образование и воспитание подрастающего поколения. В условиях духовно-нравственного кризиса, разрушения традиционных устоев в человеческих отношениях, религия может стать важной основой для морально-нравственного возрождения всего общества и в этом отношении её значимость существенно возросла.

В силу специфики самой религиозной системы потребность и важность социальной деятельности закреплена

³⁹⁶ <http://file-rf.ru/news/11977> (последнее посещение сайта – 15 мая 2013 г.)

в официальных документах³⁹⁷ почти всех основных религиозных объединений: «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», «Основных положениях социальной программы российских мусульман» (Совет муфтиев России), «Социальной позиции протестантских церквей России», «Основах социальной концепции иудаизма в России».

В соответствии с общественно-политической системой государства определялось состояние государственно-церковных отношений, складывались их различные модели, возникали и изменялись формы взаимодействия между институтами государства и религиозными образованиями. Они получали свое выражение и в соответствующем законодательстве.

Согласно п. 1 ст. 18 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» «Религиозные организации вправе осуществлять благотворительную деятельность как непосредственно, так и путем учреждения благотворительных организаций». Следующим важным правовым актом, регулирующим социальную и общественную деятельность религиозных организаций является Федеральный закон от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»³⁹⁸. Суть такой деятельности определяется как бескорыстная (безвозмездно или на льготных условиях) передача в пользу благополучателей имущества, в том числе денежных средств, а также бескорыстное выполнение работ, предоставление услуг, оказание иной поддержки. Благотворительная помощь (ст. 4 Закона) может осуществляться как непосредственно, так и путем создания благотворительных организаций, по ст. 7 Закона благотворительные организации создаются в формах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений

³⁹⁷ <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (последнее посещение сайта 16 мая 2013 г.); <http://www.muslim.ru/articles/109/1087/> (последнее посещение сайта 16 мая 2013 г.); <http://www.g-protestant.com/documents/docs/article/81397>

³⁹⁸ См.: Российская газета. 1995. 17 августа (№ 159).

и в иных формах, предусмотренных федеральными законами для благотворительных организаций. Важной основой для деятельности религиозных организаций в социальной сфере служит Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ. Данный закон определяет правовое положение, порядок создания, деятельности, реорганизации и ликвидации некоммерческих организаций как юридических лиц, формирования и использования имущества некоммерческих организаций, права и обязанности их учредителей (участников), основы управления некоммерческими организациями и возможные формы их поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления³⁹⁹. По своему правовому статусу религиозные организации также относятся к некоммерческим организациям и могут заниматься социальной деятельностью самостоятельно либо путем учреждения соответствующих некоммерческих организаций. В апреле 2010 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» № 40-ФЗ, в котором предусматривается ряд мер по государственной экономической поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций⁴⁰⁰. Материально-финансовая поддержка социально ориентированным некоммерческим организациям осуществляется органами государственной власти и органами местного самоуправления, что законодательно закрепляет использование этих средств только по целевому назначению.

³⁹⁹ См.: Султанов А.А. Правовые основы социальной и общественной деятельности религиозных организаций в РФ / Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: сборник статей. Казань: Изд-во КФУ, 2013. С.156.

⁴⁰⁰ Распоряжение Президента РФ от 16 марта 2009 г. № 160-рп «Об обеспечении в 2009 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, № 12, ст. 1421 Текст закона опубликован в «Российской газете» от 07 апреля 2010 г. (№ 5151).

Согласно закону государство оказывает содействие и поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций, а также реализации ими общественно значимых культурно-просветительских программ и мероприятий. Религиозные организации участвуют в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, государство берет на себя обязательство оказывать религиозным организациям помощь по предоставлению налоговых и иных льгот, оказывать финансовую, материальную и иную помощь.

В принятых законах о свободе совести 90-х годов процесс демократизации религиозной жизни отразился в том, что верующим и духовенству предоставлялось право проводить богослужения и отправлять обряды помимо молитвенных зданий, также и в местах паломничества, на кладбищах, в квартирах и домах граждан. Более того, священнослужителям разрешалось осуществлять свою профессиональную деятельность в госпиталях, больницах, домах престарелых и воинских частях. При этом религиозные организации были вправе сами обращаться с предложениями о проведении богослужений к гражданам, находящимся в вышеуказанных учреждениях⁴⁰¹.

Для полноценного функционирования конфессиональным организациям предоставлялись значительные материально-финансовые возможности. Так, независимо от наличия регистрации в органах власти, религиозные организации получали право не только на пользование государственным имуществом, но могли иметь в собственности «здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество необходимое для их деятельности»⁴⁰². При этом, в сравнении с другими учреждениями, религиозные организации имели преимущество на получение культового здания с прилегающей к ней территорией. Государство создавало

⁴⁰¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 41. С. 997.

⁴⁰² Там же. С. 997.

религиозным организациям режим максимального благоприятствования в налоговой сфере, отменив всякое налогообложение на финансовые и имущественные пожертвования. Им разрешалось организовывать издательские, производственные, строительные, сельскохозяйственные и другие предприятия, прибыль от которых облагалась налогами на равных условиях с предприятиями других общественных организаций. На подобных же условиях производилось взимание налогов с лиц, получающих доходы от работы в религиозных организациях, в том числе с духовенства. Теперь их исчисление было приравнено к ставкам, «установленным для рабочих и служащих государственных предприятий, учреждений и организаций»⁴⁰³. Священнослужители наравне со всеми гражданами получали право на социальное обеспечение и страхование. В этой связи религиозные организации и их предприятия были обязаны вносить в Фонд государственного социального страхования и Пенсионный фонд финансовые отчисления на общих основаниях с другими общественными организациями и их предприятиями. Священнослужителям предоставлялась возможность на общих со всеми гражданами правах участвовать в политической жизни страны, избираться в центральные и местные органы законодательной власти. В то же время статья 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях» запрещала данный вид деятельности религиозным организациям⁴⁰⁴.

То, что межконфессиональный диалог переносится из сферы общественно-культурных, публичных мероприятий на площадку конкретных социальных дел и действий, явление закономерное. Оно опирается на две базисные позиции. С одной стороны, в государственной конфессиональной политике входит в практику поддержка развития религиозных организации в качестве институтов гражданского общества, с другой – высшие социальные институты религии – Патриархия РПЦ, Совет муфтиев России и другие разработали Соци-

⁴⁰³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 41. С. 998.

⁴⁰⁴ Там же.

альную доктрину, Концепцию, определившую цель и задачи в сфере социальной деятельности. Социальное служение хорошо прописано в основах религиозных доктрин. Помнится, в начале 2000 года Совет по делам религий при КМ РТ, пожалуй, впервые в России инициировал проведение региональных семинаров для представителей государственных и религиозных структур с тем, чтобы осмысленно и согласованно вести социальную работу среди нуждающихся. Точками роста в этой сфере стало участие религиозных организаций в конкурсах по общественно значимым государственным социальным проектам, проводимым Министерством социальной защиты, а также заметный вклад религиозных структур в копилку добрых дел в «Год благотворительности» в РТ (2007).

Многообразие форм социального служения православных, исламских, протестантских и иных общин – это своеобразная «площадка» межрелигиозного сотрудничества. Она обогащается: и договорами с госструктурами, и созданием реабилитационных центров, и работой в социальных учреждениях (больницы, интернаты, дома престарелых, места лишения свободы и т.д.). Можно привести немало примеров различных форм социального служения конфессий. Среди них наиболее заметной стала социальная деятельность казанской мечети «Сулейман». Для расширения работы на основе опыта этой мечети был построен целый комплекс мечети «Ярдэм», специализирующейся в вопросах реабилитации незрячих. Успешная демонстрация идеалов и ценностей ислама на примере социальной работы одной мечети на протяжении уже более десяти лет осуществляется имамом этой мечети, ныне заместителем муфтия Республики Татарстан Ильдаром Баязитовым. Он стал активным популяризатором и сторонником разных форм социализации ислама, одним из инициаторов создания Национального исламского благотворительного фонда «Ярдэм», издания учебных пособий в помощь реабилитации инвалидов по зрению⁴⁰⁵ и т.д.

⁴⁰⁵ См.: Умма, 2013, 9 сентября; Традиционный ислам: пути выхода из кризиса. Казань, 2013; Зрячим о незрячих. Казань, 2012 и др.

Централизованные организации крупных конфессий ислама и православия республики заключали договоры о сотрудничестве в сфере здравоохранения, социальной защиты, образования и т.д. Вошло в практику сотрудничество религиозных организаций с различными государственными ведомствами. В частности, по инициативе Ассоциации мусульманских врачей ДУМ РТ (председатель К.Г. Зарипов) при содействии Республиканского центра профилактики наркотизации населения при КМ РТ, Совета по делам религий при КМ РТ, Министерства здравоохранения Республики Татарстан 10 декабря 2002 года была организована научно-практическая конференция с участием представителей религиозных конфессий: Гусман Исхаков – ДУМ РТ; Ицхак Горелик – иудейская община; присутствовал также ряд ответственных лиц от государственных структур – все это обеспечило заинтересованный и содержательный разговор.

Показательно то, что одной из форм инициатив гражданского общества явилось выступление с предложением заключения Соглашения о социальном партнерстве между органами местного самоуправления и общественными объединениями Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан в декабре 2010 года. Стороны договорились «о социальном партнерстве в рамках решения следующих задач: 1. Укрепление нравственных и патриотических ценностей; 2. Развитие духовно-нравственного образования и воспитания; 3. Развитие благотворительности и милосердия; 4. Развитие научных исследований в этноконфессиональной сфере». К заключению соглашения предшествовало региональные межвузовские религиозно-философские чтения 28 декабря 2010 года «Социокультурный потенциал православия в контексте становления институтов гражданского общества». Организаторами выступили Нижнекамский филиал ИЭУП (г. Казань), Центр синергийной антропологии и социальной философии (г. Нижнекамск), Нижнекамское и Черемшанское благочиние Казанской епархии. Таким образом, социальное партнерство рассматривалось как инструмент

развития институтов гражданского общества, и содержание соглашения отражало основные положения «Основ социальной концепции РПЦ», принятых Архиерейским собором 13–16 августа 2000 года.

Своеобразное научное сопровождение развития благотворительности считалось приоритетным направлением работы Совета по делам религий при КМ РТ. Указанные семинары по вопросам социальной работы на региональном уровне республики кроме практических задач выполняли и задачу популяризации исторических традиций благотворительности. О содержании и атмосфере одного из семинаров, проведенных в г. Альметьевске, в печати сообщалось следующее: «Открытию церкви в колонии № 8 предшествовал семинар-совещание, проведенный председателем Совета по делам религий Кабинете Министров РТ Ринатом Набиевым. На нем с участием представителей духовенства, начальников соответствующих отделов исполнительных комитетов юго-восточных районов республики рассматривались социальные аспекты государственно-конфессиональных отношений»⁴⁰⁶. Глава муниципального района Ришат Абубакиров выразил озабоченность тем, что культовые объекты открываются, спортивные сооружения строятся, а преступность, криминализация общества растет. Священники сетовали на то, что школы для их работы до сих пор малодоступны, а заместитель начальника Главного управления Федеральной регистрационной службы Гульнара Габдрахманова им пояснила тонкости закона в этой сфере⁴⁰⁷.

Новые парадигмы общественного развития потребовали от ученых осмысления исторического опыта благотворительной деятельности и общественно значимых действий мусульман. В последние годы по этой проблематике защищены докторские диссертации, в частности, Р.Р.Салиховым⁴⁰⁸,

⁴⁰⁶ Республика Татарстан. 2006. 10 июня.

⁴⁰⁷ См.: Там же.

⁴⁰⁸ См.: Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX века. Казань, 2004.

Н.И. Таировым⁴⁰⁹, Л.Р. Габдрафиковой⁴¹⁰. Важные направления исследования были обозначены во время международной научно-практической конференции «Благотворительность в России: исторический опыт, проблемы возрождения традиций и перспективы развития». В частности, директор Института истории АН РТ Р. Хакимов определил направление работы следующим образом: «Замысел не в том, чтобы больше милостыни раздать, а чтобы заложить традиции благотворительности в обществе». А в практической плоскости в конфессиональной сфере председатель Совета по делам религий при КМ РТ изложил свое видение: «Благотворительность издавна была социальной доктриной всех религий - надо нести социальное служение, участвуя во всех значимых инициативах и проектах государства. Взаимодействие религиозных и государственных структур даст возможность вернуть традиции и сделать работу системной»⁴¹¹. Турецкий ученый Хусейн Озджан раскрыл опыт работы благотворительного общества «Kimse Yok mu?» («Неужели никого нет?») в период землетрясений, а также его коллега из Стамбульского университета Джахит Балдатжи рассказал о системе вакфа в исламе⁴¹², возрождение которой является актуальной для российской уммы.

Ряд специальных конференции проводился по проблеме вакфов и махалли, которые являются значимыми инструментами социализации ислама. Одним постановлением или указанием возродить его просто невозможно, для этого важно изучение прошлого опыта, тем более важно достижение определенного уровня религиозной культуры, и в целом должно вырасти новое поколение верующих мусульман.

⁴⁰⁹ Таиров Н.И. Акчурины. Казань: Татиздат, 2002. 160 с.; Его же Татарская буржуазия Поволжья и Приуралья: социальная деятельность, благотворительность и меценатство (60-е XIX в. – 1917 г.). Казань: Изд-во КГУКИ, 2011. 280 с.

⁴¹⁰ Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. 384 с.

⁴¹¹ Республика Татарстан. 2007. 10 апреля

⁴¹² Там же.

После встречи Президента с мусульманским духовенством в 2001 году Р.А. Набиеву в протокольных поручениях вменялась обязанность оказать помощь в развитии вакфа, причем пункт, был внесен самим исполнителем. Буквальное понимание данного поручения некоторыми работниками госаппарата приводило к требованию немедленного его исполнения (см. например, исх № 02-47 от 13.01. 2007 г.) председателем Совета по делам религий при КМ РТ под угрозой соответствующего административного наказания и оргвыводов. Главное здесь в том, чтобы содействовать непрерывной и системной работе в развитии вакуфной системы как инструмента самофинансирования и решения социальной стабильности общин. Именно Совет по делам религий при КМ РТ в процессе разработки проекта Устава ДУМ РТ первого заместителя муфтия предложил избрать съездом в качестве председателя вакуфов, им стал Валиулла хазрат Якупов. Заметными событиями стали Всероссийские конференции руководителей духовных управлений мусульман, в частности, VII была посвящена теме «Вақф и перспективы его развития в современном российском обществе»⁴¹³.

Конкретные шаги по реализации концепции социокультурной и правовой координации государственно-конфессиональных отношений в рамках конституционных положений светского государства предлагались Советом по делам религий в период обсуждения вопросов относительно финансирования аппарата ДУМ РТ. Данный вопрос возник в связи с обращением муфтия Госман хазрат Исхакова к руководству республики о финансовой поддержке мусульманских управленческих структур. В письме Президенту РТ Совет по делам религий изложил свою позицию и внес предложения. В частности, подчеркивалось: «Сегодня концептуально помощь государства должна быть направлена на интеграцию мусульманских организаций в общественные процессы через вовлечение их в социальное партнерство с государством»⁴¹⁴.

⁴¹³ Республика Татарстан. 2004. 16 июня.

⁴¹⁴ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. № 354 от 28 сентября 2007 года.

Вопреки узким и упрощенным предложениям ответственных лиц из Аппарата Президента РТ, сводящим дело к прямому финансированию, Совет отстаивал «комплексный подход, не сужение, а охват возможных сфер взаимодействия и сотрудничества религиозных и государственных структур: религиозное образование, издательская, культурно-просветительская, благотворительная деятельность, участие в общественно-значимых проектах, социальное служение и т. д.»⁴¹⁵. Наряду с возрождением и вовлечением традиционных источников самофинансирования (вакф, закят, гошер и т.д.), было предложено «включение финансирования социально-значимых проектов и культурно-просветительских мероприятий ДУМ РТ в республиканские программы на 2008 г.»⁴¹⁶. Причем, право на их реализацию участниками-субъектами приобреталось на конкурсной основе. С точки зрения Совета по делам религий при КМ РТ, «попытки прямого финансирования аппарата муфтия, а не его общественно-полезной деятельности закрепляют без того финансово-организационную оторванность ДУМ РТ от местных общин и порождают чисто иждивенческие настроения»⁴¹⁷.

Такая позиция госоргана по делам религий не вызвана лишь обращениями муфтия в 2007 году. Вопрос определения перспектив развития государственно-конфессиональных отношений глубоко прорабатывался группой ученых в рамках проекта «Культура, религия и общество», и результаты доводились до руководства республики. В частности, в аналитической записке 2004 года Президенту РТ предлагалось перенести центр тяжести на вторую часть политической формулы: соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий – ислама и православия и равенство всех религиозных объединений перед законом, равноудаленность от светского

⁴¹⁵ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. № 354 от 28 сентября 2007 года. См. также: исх. № 207 от 5 июня 2007 года.

⁴¹⁶ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. № 250 от 24 августа 2007 года.

⁴¹⁷ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. № 354 от 28 сентября 2007 года.

государства. Важно было то, что для оптимизации государственно-конфессиональных отношений и развития религиозных институтов как элементов гражданского общества в письме Президенту РТ обосновывалась необходимость «ввести в практику выделение средств на общеконкурсной основе с участием религиозных организаций на осуществление социально значимых программ (таких, как борьба с наркоманией, формирование здорового образа жизни и т.п.)»⁴¹⁸

Таким образом, относительно перспектив развития религиозных институтов в обществе существовали разные представления. Важно то, что постепенно шел процесс утверждения концепции социокультурной и правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений применительно к социальной площадке. Здесь столкнулись идеи упрощенной и прямолинейной работы с религиозными структурами и опосредованная поддержка их с тем, чтобы вовлечь религиозные институты в общественно-культурные процессы, и развитие их в качестве элементов гражданского общества.

⁴¹⁸ Текущий архив Совета по делам религий при КМ РТ. Исх. № 190 от 15 июня 2004 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Драматические страницы современной истории России связаны со временем крушения советско-коммунистической системы и развалом крупнейшего союзного государства, когда страна испытывалась на прочность, и немалое место в этих событиях отводилось вопросам развития государственно-межконфессиональных отношений. На протяжении всей российской истории отношения власти и религии складывались и развивались в соответствии с особенностями определенных исторических эпох. Они не могли быть простыми в силу специфики интересов государства и религиозных институтов. Тем более что в отдельные периоды истории внешняя гармония и «симфонический» характер взаимоотношений несли в себе определенную угрозу как интересам и устойчивости государства, так и престижу самой церкви. В нынешних условиях развитие государственно-межконфессиональных отношений сопряжено с новыми вызовами: глобализация, секуляризация и радикализация, которые находят отражение в «самочувствии» самих религиозных систем. Конфликты на межэтноконфессиональной основе, происходящие в мире, вызывают тревогу в нашей стране, актуализируют необходимость изучения этих явлений и усиления работы на основе позитивного опыта достижения межкультурного взаимопонимания различных народов и религий.

В сегментах коллективной исторической памяти народов, проживающих в регионе, находят отражение, как со знаком минус, так и со знаком плюс, важные эпохальные события в их жизни. Принятие ислама в Булгарском государстве, золотоордынские традиции толерантности к православию и иным религиям, насильственная христианизация после завоевания Казанского ханства и мирные отношения народов, не допустивших религиозных войн, джадидские прорывы татар-мусульман в условиях нового времени и т. п. – все это ложится в основу выстраивания современных межэтноконфессиональных отношений. Многие представители старшего

поколения помнят, как, исходя из доктринальных положений и программных установок коммунистов, советское государство проводило политику изживания религии как наследия прошлого и фактора, тормозящего строительство нового «социалистического» общества. Все религии в советскую эпоху подверглись гонениям; исламская культура, в том числе, потеряла алфавит на основе арабской графики, которым российские мусульмане пользовались столетиями.

Поэтому самым верным способом достижения межкультурного общения представляется мобилизация широкого социокультурного исторического материала, например, конструирование комплиментарной памяти татар и русских на основе освоения их историко-культурного и религиозного наследия, в символах, например, как Булгара и Свияжска.

Начавшиеся в общественно-политической жизни перемены 1980–90-х гг., крах коммунистической системы привели к существенному повороту общественного сознания в пользу более бережного отношения к своим традициям, в том числе к религиозным ценностям. В социально-политической трансформации 1990-х годов меняется правовой, общественно-политический статус религиозных организаций, что в итоге было закреплено в Конституции, законах о свободе совести и других законодательных актах. На основе правовых актов государство выстраивает новые отношения с религиозными объединениями, которые стали активно участвовать в общественно значимых мероприятиях, развивать социальное партнерство со структурами власти, включаясь в процесс формирования российского гражданского общества. В соответствии с требованиями закона государство оказывает содействие при решении многих вопросов религиозных общин, в частности, при восстановлении историко-культурных памятников, участвует в развитии религиозного образования, стремясь не допустить распространения радикальных и экстремистских течений в процессе становления системы мусульманского образования.

В постсоветском пространстве, по мере того как углублялось религиозное возрождение, возрастала значимость

и многомерная востребованность мусульманского образования. На фоне такой новой парадигмы, во-первых, надо было восстановить прерванное теологическое образование; во-вторых, обеспечить возрождение его традиции на основе татарского духовного наследия; в-третьих, найти оптимальное соотношение в усвоении и использовании передового зарубежного и местного образовательного опыта с приоритетом последнего; в-четвертых, найти пути использования ресурсов образовательной системы для развития на основе исламских ценностей социально-нравственной ответственности, недопущения распространения экстремистских течений и укрепления межконфессионального согласия.

Исламский компонент государственно-конфессиональных отношений выступает в качестве важного фактора развития межконфессиональных отношений, недопущения распространения экстремистских течений и устойчивого развития гражданского общества. Заметным действием для позитивного развития российских мусульман стали: Объединительный съезд мусульман РТ, ускоривший институционализацию и структуризацию уммы; открытие Российского исламского университета как флага формирующейся системы мусульманского образования; восстановление культовых зданий и воссоздание мечети Кул Шариф; обеспечение поворота к историко-теологическим традициям, утверждение их знаковых символов как «Изге Болгар жыены» и т.д.

По разному оценивается вопрос о традиционном исламе и его значение в современном обществе дискуссии по этому вопросу не утихают. Наиболее распространенный и отчасти простой ответ связан с отсылкой на четыре мазхаба, которые и есть, что называется традиционный ислам. При таком подходе за бортом остается тот исторический опыт народов, который получил название джадидизма, сумевшего осуществить новое прочтение ислама при сохранении канонов религии и опирающегося на принципы гибкости и толерантности к окружающему обществу и государству. Поэтому ни маргинализация ислама в обществе, ни приватизация его государством не способствуют раскрытию позитивного опыта

и потенциала традиционного ислама. Тем более при возрастании в мусульманской умме малокультурного иммигрантского контингента татаро-мусульманский фактор с его многовековым опытом должен быть востребован и поддержан в современной России.

Надежность и долговременность политики в сфере этноконфессиональных отношений пока не обеспечена. Она имеет глубокие корни, это не столько продукт современных политиков и ученых, сколько результат умелого и осмысленного подхода к своей культуре и традициям. Татары-мусульмане исторически интегрированы в российское общество, а джадидизм, например, у них стал формой инкорпорации мусульман в российское общество, своеобразной пассионарной духовно-культурной энергией, давшей им новое модернистское дыхание. Кто сомневается в потенциале возможности растворения полученной дозы радикализма в современном высокоразвитом татарском обществе и ищет другие парадигмы для него, сами этого не желая могут создать невиданные проблемы в обществе. Сегодня при поддержке государства важно в опережающей форме донести этот дух в социокультурное пространство уммы как альтернативу ваххабизации. Отсюда вытекает: если будет происходить консервация или маргинализация ислама в татарском обществе, то на фоне роста миграции мы потеряем мощнейший рычаг адаптации ислама в российском обществе.

Дальнейшее совершенствование государственно-межконфессиональных отношений выступает в качестве важного фактора развития межрелигиозного диалога, создания атмосферы взаимопонимания между конфессиями, что существенно расширяет социальную основу устойчивости полиэтноконфессионального общества. В этом плане важную роль играют средства массовой информации, в частности, периодическая печать, также возрастает роль интернет-ресурсов. Важной составляющей религиозного возрождения выступают духовные ориентиры молодежи, изменение места и роли женщин в духовно-нравственной сфере. Представители ислама и православия являются основными субъекта-

ми межконфессионального диалога, от их взаимоотношений и сбалансированного развития зависит дальнейшее мирное развитие и утверждение взаимоуважительной атмосферы в республике. Осуществляемое в рамках диалога власти и общества современное сотрудничество государственных структур с религиозными объединениями в различных сферах, в том числе социальной – весомая основа развития межэтноконфессионального согласия.

В условиях пришедшего в конце 1990-х годов на смену постсоветскому сверхлиберализму государственного внимания к сфере религии в Татарстане была найдена оригинальная модель управления религиозными процессами. Она связана с решением руководства республики о привлечении в Совет по делам религий при КМ РТ группы ученых КГУ, сосредоточенных вокруг научного проекта «Культура, религия и общество». Из-за различных подходов к вопросу взаимоотношений власти и религии (например, подход строгой «сепарационности») для нашего, еще во многом традиционного, общества, при наличии «феномена возрождения», в ближайшей перспективе государственное внимание к вопросам религии является необходимым. Здесь возможны два варианта, Первый путь – это упрощенческие подходы с доминированием административно-командных форм регулирования вопросов конфессиональной сферы, решающих больше ситуативные вопросы, но не обеспечивающих закладывания социокультурных основ, способствующих развитию межконфессионального согласия. Поэтому наиболее предпочтительным представляется второй, опосредованный путь, то есть системной социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений. Данная концепция мобилизует интеллектуально-культурные, социально-нравственные ресурсные традиции общества и самой религии с тем, чтобы через развитие нормативно-правовой базы, режима постоянного диалога и социального партнерства способствовать мобилизации внутренних ресурсов социальных институтов религий, помогающих им стать элементами гражданского общества.

Набиев Ринат Ахматгалиевич

ВЛАСТЬ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Серия «Культура, религия и общество»

Выпуск 24

Редактор

Н.И. Андропова

Компьютерная верстка

А.И. Галиуллиной

Дизайн обложки

М.А. Ахметов

Подписано в печать 17.03.2014.

Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Формат 60x84^{1/16}. Гарнитура «Arial». Усл. печ. л. 17,7.

Уч.-изд. л. 13. Тираж 200 экз. Заказ 27/3.

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

**Цикл изданий научно-практического комплекса
“Культура, религия и общество”
(выпуск 1-23, 1997-2013 гг.,
под редакцией профессора Р.А. Набиева)**

ISBN 978-5-00019-186-6

9 785000 191866 >